BV
650

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

Книга 2.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

Обыкновенно говоримъ, что мы празднуемъ святымъ для прославленія ихъ. Но сіе слово требуетъ изъясненія. Ибо святые столь уже прославлены, что намъ къ славѣ ихъ ничего прибавить нельзя; а въ святцахъ только быть написаннымъ—не велико для тѣхъ, ихъ же имена написаны въ книгахъ животныхъ. Также, чтобы только громогласными пѣніями, а не духомъ возносить имя святыхъ, не можетъ быть много пріятно святымъ, которые еще на землѣ были живые органы Святаго Духа. Не въ семъ состоитъ празднованіе и прославленіе святыхъ, а состоитъ въ томъ, чтобы, празднуя святымъ, воспоминать добродѣтели ихъ и, воспоминая добродѣтели, подражать имъ. „Иные суть нравы святыхъ,—говоритъ Златоустъ,—иные свѣта сего. Между свѣтскими, которые, де, высокой чести достигли, тѣ не очень бы хотѣли видѣть другихъ равныхъ себѣ, понеже зависть пресѣкаетъ любовь; но не такъ, де, между святыми, и совсѣмъ противное тому. Тогда наипаче святые чувствуютъ удовольствіе чести своей, когда видятъ, что собратія ихъ тѣхъ же съ ними благъ участія сподобляются".

Такъ представимъ же мы себѣ пресвѣтлый блаженный соборъ, и вдругъ откроется намъ земной рай, разными добродѣтели цвѣтами преиспещренный. Мы тутъ увидимъ златый цвѣтъ премудрости, цвѣтъ воздержанія, цвѣтъ кротости, цвѣтъ терпѣнія, цвѣтъ милосердія, цвѣтъ великодушія и, краснѣйшій всѣхъ, цвѣтъ любви. Ты почтишь въ Авраамѣ страннолюбіе, удивишься въ Іссифѣ цѣломудрію, похвалишь въ Іовѣ терпѣніе, прославишь въ Давидѣ благочестіе, облобызаешь въ Петрѣ усердіе къ Богу, возвеличишь Павлову ревность, усладишься въ Златоустѣ словомъ духовной премудрости, почудишься въ женскомъ составѣ Ѳеклы мужеству, поревнуешь въ Магдалинѣ воспламененному къ Богу сердцу, увѣнчаешь въ царствующей Пульхеріи мудрое попеченіе о благополучіи подданныхъ. Нѣтъ, по истинѣ, ни одного добраго дѣла, примѣръ котораго Богъ не оставилъ бы намъ въ другихъ великихъ мужахъ.

И хотя, подлинно, самый разумъ есть наилучшій предводитель ко всякой добродѣтели; но примѣръ, не знаю какъ, сильнѣе побуждаетъ насъ къ тому же. Разумъ представляетъ добродѣтель, что она достойна подражанія; а примѣръ приводитъ насъ въ стыдъ, что мы не слѣдуемъ ей, которой слѣдовали и прославились ею другіе такіе же, какъ мы, люди. Когда нѣтъ столько просвѣщенія, чтобы совершенно понять превосходство добродѣтели: такъ, вотъ, окруженъ ты примѣрами тѣхъ, кои, бывши подобострастны тебѣ, возлюбили добродѣтель и отъ ней получили сіе награжденіе, что и они вѣчно радуются, и имя ихъ не умираетъ. Ты въ самый сей часъ празднуешь память ихъ; а симъ дѣйствіемъ не только отдаешь достойную заслугамъ святыхъ честь; но и воспоминаешь добродѣтель ихъ, и сіе воспоминаніе одно

уже приноситъ тебѣ не малую пользу: ибо начинать услаждаться только добродѣтелію, не малая уже есть степень къ добродѣтели.

Но, чтобы взойти тебѣ на высшую степень совершенства и составить истинное святымъ торжество,— построй имъ храмъ въ сердцѣ твоемъ, напиши добродѣтели ихъ икону на душѣ твоей, поставь свѣчу нелицемѣрной любви, зажги имъ кадило непорочной совѣсти, принеси елей милосердія. Нельзя не похвалить и тѣхъ, которые во имя святыхъ строятъ храмы, изображаютъ ихъ подвиги на иконѣ, и другіе совершаютъ обряды отъ усердія къ имени святыхъ. Но не можно же опять сказать, чтобы въ сихъ однихъ наружныхъ дѣйствіяхъ состояло все должное святымъ почтеніе: ибо если бы сіе такъ было, то одни богатые были бы истинные почитатели Бога и святыхъ; а убогіе изъ сего духовнаго празднованія выключены бы были. Но мы имѣемъ благого Бога, Который не отвергаетъ и богатство непорочное, лобызаетъ же и нищету добродѣтельную. Не можетъ убогій построить храмъ, да можетъ самого себя сдѣлать пріятнымъ добродѣтели жилищемъ; не имѣетъ, за что купить масла и свѣчи,—да можетъ имѣть духъ, горящій свѣтлымъ благочестія огнемъ. Не за что ему написать икону святыхъ, нечѣмъ обложить ее; но онъ можетъ написать ее въ самой глубинѣ сердца своего и украсить неувядаемыми цвѣтами благихъ дѣлъ. Богатый благодѣтельствомъ и щедротою къ бѣднымъ пусть почитаетъ святыхъ, а убогій, имѣя богатство вѣры, составляетъ святымъ торжество. Сему не мѣшаетъ нищета: ибо и всѣ почти святые были нищи тѣломъ, да богаты духомъ. Найдетъ, подлинно, и богатый такихъ, которые богатство земное премѣнили на небесное; найдетъ же и нищій, которые въ скудости своей получили богатство вѣчной радости, а потому празднованіе святыхъ есть общій христіанскій пиръ. Ихъ исправленіями пользуемся мы, ихъ трудами успокоиваемся, ихъ терпѣніемъ укрѣпляемся, ихъ подвиги и побѣды—наши вѣнцы. Слава ихъ есть слава наша: понеже прославлять святыхъ не что иное есть, какъ пользовать себя, подражая добродѣтели ихъ, такъ же, какъ, напримѣръ, слава книги есть, когда я изъ нея почерпаю просвѣщеніе. Въ семъ состоитъ истинное празднованіе святымъ.

Но при семъ скажетъ кто, что мы празднуемъ святымъ и для того, чтобы ихъ призывать въ помощь и просить ихъ о молитвенномъ ходатайствѣ за насъ къ Богу. Изрядное и благочестивое дѣло! Ибо нѣтъ сомнѣнія, что святые желаютъ намъ всякаго добра и того же съ собою блаженства; и сіе ихъ желаніе открыто есть всегда предъ очами Божіими. Но при томъ и то извѣстно, что, когда призываемъ святыхъ надобно, чтобы мы были добродѣтельны, или по крайней мѣрѣ ревнители ихъ добродѣтели, то есть, чувствовали бы отвращеніе къ своимъ

порокамъ, и раскаяніе въ своихъ беззаконіяхъ. А безъ сего какъ посмѣешь ты, человѣкъ, прибѣгать къ святымъ? Или ты думаешь, что святые будутъ за тебя посредственниками къ Богу и тогда, когда ты—нераскаянный презритель вѣчнаго закона Божія? Думаешь ли ты, чтобы святые не отвращались того на небеси, отъ чего они всевозможно удалялись, еще будучи на земли? Нѣтъ, такое призываніе не прославляетъ, но безчеститъ имя святыхъ. Когда призываешь святыхъ, не будь ненавистникъ святости ихъ.

Но опять можетъ намъ кто-нибудь предложить, что для того-то и должно призывать святыхъ, что—грѣшны мы, и сами чрезъ себя къ Богу не имѣемъ дерзновенія. На сіе отвѣтствовать надлежитъ, что грѣшникъ грѣшнику рознь. Кто признаетъ себя грѣшникомъ и предъ Богомъ безъотвѣтнымъ, тотъ признаетъ уже свою предъ Богомъ повинность; слѣдовательно, тотъ уже на нѣкоторую степень отступилъ отъ порока и приблизился къ добродѣтели, а тѣмъ самымъ отъ милосердія Божія отверженъ быть не можетъ: ибо „сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ“ (Псал., 50, 19). А ежели кто въ нераскаяніи злобы своей пребываетъ, тому, послушайте, что говоритъ Богъ: „вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши законъ Мой усты твоими? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“ (Псал., 49, 16—17). И потому такой грѣшникъ какъ Богу есть ненавистникъ, такъ отъ святыхъ любимъ быть не можетъ: ибо не можетъ быть пріятно святымъ то, что есть не пріятно Богу. Радуются, по слову Христову, ангелы на небеси о грѣшникѣ, но о грѣшникѣ кающемся. Грѣшная душа, признающая скудости свои, имѣетъ дерзновеніе къ милосердію Божію, слѣдовательно, имѣетъ дерзновеніе и ко святымъ. Въ такомъ расположеніи сердца нашего можемъ мы прибѣгать къ святымъ и молитвы свои соединять съ молитвами ихъ. Но, притомъ, прежде и наипаче прибѣгать мы должны къ Самому Богу, яко всевѣдущему, яко всеблагому, яко предваряющему желанія наша. Мы не можемъ прибѣгать къ святымъ, миновавъ Пресвятаго Бога: ибо святые знаютъ прошенія наши не чрезъ самихъ себя, но поелику открываетъ имъ Богъ, какъ учитъ благочестивая наша Церковь.

А отсюда видно не только то, чѣмъ и какъ можемъ мы прославлять святыхъ, но видно и то, что, когда прославляемъ мы святыхъ, тогда прославляемъ Самого Бога. Ибо, похваляя святыхъ, похваляемъ добродѣтель, а похваляя добродѣтель, мы похваляемъ Бога, источника добродѣтели. И потому праздники святыхъ суть праздники Божіи. „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ: Богъ Израилевъ“ (Псал., 67, 36)! Того ради должны мы всѣмъ сердцемъ благодарить всеблагаго Бога, что Онъ во всякомъ родѣ и во всякое время воздвигъ такихъ мужей,

добродѣтели которыхъ всякъ могъ бы подражать. И съ симъ точно намѣреніемъ прославилъ Онъ имена ихъ безсмертіемъ. Многихъ, которыхъ міръ почитаетъ за великихъ героевъ, слава исчезла, но смиренная добродѣтель громка по всѣмъ вѣкамъ. Мы позабыли, кто царствовалъ въ Египтѣ, да цѣломудреннаго Іосифа не забыли. Не велики у насъ имена древнихъ Вавилонскихъ царей, но велики и любезны имена трехъ Вавилонскихъ отроковъ, которые мужествомъ благочестія силу огня побѣдили. Римъ насъ больше услаждаетъ, когда намъ поминаетъ о Петрѣ и Павлѣ, нежели когда сказываетъ о Ромулахъ, о Нумахъ, о Тарквиніяхъ, о Фабриціяхъ и прочихъ. „Житія и похвалы святыхъ,—говоритъ одинъ церковный историкъ,—подобны свѣтлостію звѣздамъ: яко же бо звѣзды положены на небеси, но всю небесную просвѣщаютъ. Онѣ отъ индіянъ зрятся, не сокрываются отъ скиѳовъ, землю озаряютъ, и морю свѣтятъ, и корабли плавающихъ управляютъ, ихъ же именъ хотя и не знаемъ множества ради, но свѣтлой добротѣ ихъ чудимся. Такъ и свѣтлость святыхъ, хотя ихъ тѣла затворены во гробахъ, но силы ихъ не ограничиваются въ поднебесной земными предѣлами. Чудимся тѣхъ житію, и удивляемся славѣ, ею же Богъ угодившихъ Ему прославляетъ“.

Многіе жалуются, что ихъ добродѣтель гонятъ, и что они со всею своею доброю совѣстію остаются безъ утѣшенія. Что? ежели бы, при томъ, по смерти добродѣтельныхъ имя совсѣмъ исчезало, то могу сказать, едва ли бы и самые крѣпкіе вѣрою не поколебались; едва ли бы не заговорили съ оными безумными, отъ Соломона описанными, что „одинъ случай человѣка и скота, какъ смерть того, такъ и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ, и что излишне имѣетъ человѣкъ паче скота?—ничтоже“ (Еккл., 3, 19). Но когда сіи же малодушные увидятъ, что добродѣтель по смерти не умираетъ, прославляется, сзываетъ цѣлые соборы на хвалу свою, многіе народы—на удивленіе свое, тогда, вдругъ измѣнившись, съ веселымъ восторгомъ возопіютъ: „воззрите на всѣ мимошедшіе роды, кто вѣрова Господеви и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)?

Благодарить убо, и паки говорю, Господа должно, что Онъ, оставивъ примѣры святыхъ, столь сильно тѣмъ возбуждаетъ насъ къ добродѣтели. Да благодарить надобно не словомъ, но дѣломъ; а дѣломъ благодаримъ, когда, празднуя святымъ, ревнуемъ имъ исправленіемъ. Но такъ ли празднуемъ мы? Смѣхъ—праздники христіанскіе. Когда празднуется, напримѣръ, воздержаніе Іоанново, тогда празднолюбцы утопаютъ въ винѣ. Когда празднуется чистота блаженной Дѣвы, тогда приносится богатая жертва плотскимъ склонностямъ. Когда прославляемъ апостольскіе смертные подвиги, тогда всюду гремятъ сладо-

страстныя увеселенія; когда почитаемъ страданія мученическія, тогда дома наши наполняются ласкательными и лицемѣрными поздравителями. Когда празднуемъ носившихъ чрезъ всю жизнь крестъ терпѣнія, тогда властвуетъ роскошь, и своевольствуетъ праздность. Ахъ! пусть послушаютъ изрядные христіане, что Богъ такимъ празднователямъ нѣкогда сказалъ: „праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя, вы Мнѣ стали въ сытость, ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“ (Іс., 1, 14). Пріятнѣе было святымъ, когда ихъ гнали и мучили, нежели, когда такимъ образомъ празднуемъ память ихъ: ибо они муками увеселялись, а такими празднованіями оскорбляются, и это потому, что мученія служили къ славѣ ихъ, а празднованія такія помрачаютъ славу ихъ. Но отселѣ будемъ мы молить Подвигоположника всѣхъ святыхъ Бога, чтобы, съ помощію Его, достойно празднуя святымъ на землѣ, сподобились мы причастниками быть и свѣтлаго торжества на небеси. Аминь.

Слово въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„На семъ камени созижду Церковь Мою“.
(Матѳ., гл. 16, ст. 18).

Два храма невмѣстимаго Божества мысль наша представить себѣ можетъ, а именно: видимый сей міръ и Церковь. Ибо какъ весь міръ Богъ наполняетъ присутствіемъ Своимъ, такъ и въ Церкви Своей обитаетъ Онъ особеннымъ образомъ. Но міръ состоитъ изъ разныхъ одушевленныхъ вещей, а Церковь—изъ однѣхъ добродѣтельныхъ душъ. И для того,—по свидѣтельству святыхъ книгъ,—„небо и небо небесе не довлѣютъ“, чтобы вмѣстить безконечнаго Бога (3 Царств., 8, 27); а о Церкви Своей Онъ Самъ у Пророка говоритъ: „здѣсь—покой Мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ его“ (Псал., 131, 14). Весь міръ создать стоило Богу единаго слова: „рече, и быша: повелѣ, и создашася“ (Псал., 148, 5). Но, чтобы создать Церковь, надобно было ему Самому видъ раба принять, и Своею кровію напоить ея основаніе. Сей священный домъ Отецъ создалъ, Сынъ искупилъ, Духъ Святый освятилъ; и потому, когда міръ изъ основаній своихъ подвижется, Церковь во вѣкъ пребудетъ непоколебима. Что предвидя, про-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Красномъ Селѣ при лагерѣ, 1765 г., мѣсяца іюня 29 дня.

рокъ Исаія сими привѣтствуетъ ее словами: „ты наречешися градъ Господень, Сіонъ святаго Израилева, положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ“. И по сей-то причинѣ нынѣшнее Евангеліе благовѣствуетъ намъ, что Церковь создана на камени. Но, дабы яснѣе понять сію твердость Церкви, потщимся мы доказать то изъ самаго событія. Ты же, Всемогущій міра и Церкви Правитель, благоволи, собравшейся во имя Твое, церкви сей мало вникнуть въ Божественныя дѣла Твои, и почудиться премудрости Твоей.

Въ совѣсть всякаго Богъ вложилъ чувство богопочитанія. Сія сила совѣсти благополучно дѣйствовала во многихъ; собраніе сихъ многихъ истинныхъ богопочитателей есть Церковь. И понеже оная сила совѣсти имѣла свое дѣйствіе отъ самаго начала міра, такъ тогда же Церковь и получила свое основаніе. Основаніе сіе Евангеліе, нынѣ чтенное, называетъ каменнымъ. Причина тому есть ясна сама чрезъ себя: ибо домъ на твердомъ каменномъ основаніи строится затѣмъ, дабы случающіеся вѣтры, бури, дожди и другія противности не могли повредить его. Почему, когда и Церковь создана на камени, слѣдуетъ, что она имѣла свои опасности. Твердость какого нибудь дома узнаемъ мы изъ того, ежели онъ при всѣхъ своихъ противностяхъ пребудетъ непоколебимъ. Почему, ежели хочемъ узнать и твердость Церкви, и что, подлинно, создана она на камени,—надобно разсмотрѣть, какъ она, при всѣхъ своихъ бывшихъ несчастіяхъ осталась со всею своею славою.

Церковь имѣла два несчастія. Съ одной стороны, ее безпокоила злоба и суевѣрство; а съ другой, смущали ее вредныя мнѣнія и ученія.

Первое безпокойство Церкви Спаситель начинаетъ отъ крови Авеля праведнаго, которую пролилъ родной братъ Каинъ: всѣ убо гонители „путемъ Каиновымъ ходятъ“ (Іуд. посл., ст. 11). Отъ Каина пошелъ нечестивый родъ, а отъ Сифа, наслѣдника Авелева, благочестивый. Первые были непрестаннымъ препятствіемъ въ благочестіи симъ послѣднимъ. Но послѣ истреблены были потопомъ; а Церковь въ маломъ ковчегѣ была сохранена отъ всепожирающей бездны. Послѣ потопа, при умноженіи человѣческаго рода, умножилось число злыхъ людей, которыхъ, какъ будто, предводителемъ былъ нечестивый Хамовъ родъ. Около сихъ временъ возникло идолопоклонство, и сіе зло разливалось по всей вселенной; но при томъ во всякомъ родѣ и вездѣ были такіе люди, которые въ срединѣ суевѣрствъ хранили истину вѣры непорочно. Нѣтъ сомнѣнія, что они отъ суевѣрнаго рода были безпокоены, хотя ихъ имена древность времени и скрыла отъ насъ. По случаю умножившихся въ свѣтѣ заблужденій Богъ благоволилъ Церковь Свою при-

своить къ Авраамову роду, дабы весь свѣтъ могъ ясно видѣть его судьбы въ управленіи сей видимой Церкви, которая въ лицѣ своемъ представляла всѣхъ избранныхъ Божіихъ, разсѣянныхъ по лицу земли. Авраамъ Исаакъ, Іаковъ доблестно прошли чрезъ огнь искушеній и напастей. Благочестивое потомство ихъ въ желѣзной печи порабощенія мучилось чрезъ нѣсколько вѣковъ отъ египтянъ. По исшествіи Церкви изъ Египта разные народы на нее нападали и тщались искоренить ее. Когда казалось, что Церковь получила покой въ землѣ обѣтованія, тогда-же она была обезпокоена и отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ утѣсняема; а, напослѣдокъ, и изъ мѣста своего была выгнана рукою двухъ сильныхъ восточныхъ владѣтелей Салманассара Ассирійскаго и Навуходоносора, Вавилонскаго царя. По исшествіи Церкви изъ плѣна Вавилонскаго, нѣсколько времени казалась она быть успокоена, пока, напослѣдокъ, не подпала тѣмъ же искушеніямъ при Маккавеяхъ. И сіе злоключеніе продолжалось почти до самаго Спасителева пришествія въ міръ.

Мы теперь видимъ, какимъ несчастіямъ была подвержена Церковь Ветхозавѣтная. Всѣ пророки понесли прекословіе и озлобленіе; и всѣ крѣпкіе отъ Израиля и мужи чрезвычайной святости отъ самаго тогдашняго времени питаемы были хлѣбомъ оскорбленія, и пили чашу горести. Кратко сказать: кровь праведная начала быть проливаема отъ Авеля, а кончалась на Крестителѣ Іоаннѣ, предвозвѣстникѣ благодати. И сіе— въ Ветхомъ Завѣтѣ.

А въ Новой благодати Самъ Спаситель предначалъ сей святѣйшій подвигъ, и Своею Божественною особою освятилъ для всѣхъ насъ спасительное ношеніе креста. Своему Учителю послѣдовали ученики, которые посланы были отъ Него въ міръ, яко агнцы посреди волковъ. Нынѣ празднуемые нами, Апостолы увѣнчались сею блаженною кончиною. Они сами о себѣ говорятъ, что свѣтъ ихъ почелъ за соръ, и что они „позоръ были міру и ангеломъ и человѣкомъ“ (I Коринѳ., 4, 9). И какъ апостольская кровь была нѣкоторымъ сѣменемъ, изъ котораго нечаянно произрасло неисчислимое множество христіанъ, то всѣ они, какъ овцы, были закалаемы и, какъ пшеница, пожинаемы были. Но сіе несчастіе было для Церкви самое счастливое: ибо, когда казалась она не только быть утѣсненною, но и совсѣмъ уничтоженною, тогда нечаянно съ бо́льшею славою расширялась, на подобіе искры, которая, бывши сокровена, вдругъ возжигаетъ великій пламень. И сіе подало случай одному церковному учителю сказать: „чѣмъ больше насъ жмутъ, тѣмъ больше растемъ; сѣмя есть кровь христіанская“.

Сіи явныя злоключенія продолжались до временъ Константина Великаго. Престали они при семъ благочестивомъ Государѣ; но не

престали скрытыя, какія во всякое время добродѣтель претерпѣваетъ отъ злобы. Христіане по всей вселенной оскорбляемы и убиваемы были отъ частыхъ набѣговъ невѣрныхъ народовъ. Но, кромѣ сего, чрезъ недолгое время паки на Церковь Христову палъ жребій несчастливый. Востокомъ завладѣлъ Магометъ, и сія язва, разливаясь по Аравіи, Египтѣ, Палестинѣ и Сиріи, напослѣдокъ заразила весь востокъ,—отъ чего восточная Церковь приведена въ печальное состояніе, въ которомъ и доселѣ еще мы оплакиваемъ ее. Въ сіи же самыя несчастливыя времена западъ отдѣлился отъ востока и подверженъ сталъ игу властолюбиваго папы, который, нося на себѣ имя христіанское, сдѣлался горькимъ христіанъ гонителемъ.

При сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, когда Церковь на востокѣ порабощена была, а на западѣ была она развращена, что дѣлаетъ Богъ? О, неусыпнаго Его о Церкви промысла! сію великую утрату дополнилъ Онъ Россіею, которую около самыхъ тѣхъ временъ благоволилъ просвѣтить истинною вѣрою, и престолъ вѣчнаго царства Своего принесъ къ намъ. А тѣмъ самымъ Господь преясно доказалъ, что Онъ Церковь Свою основалъ на камени, и что ее ни врата адовы (Матѳ., 16, 18), то есть, никакія вражескія козни преодолѣть не могутъ. Видѣли мы, какія были противъ Церкви бури, но утихли, погасли огни, притупились мечи, и врагу оскудѣша оружія въ конецъ; а Церковь, сверхъ желанія и чаянія враговъ своихъ, торжествуетъ надъ ними.

И торжество сіе покажется намъ свѣтлѣйшее, ежели заглянемъ мы и на безпокойства внутреннія, которыя она такъ же побѣдила, но тѣмъ съ большею славою, чѣмъ опаснѣйшія были сіи смущенія. Ибо чрезъ нихъ тщался врагъ напасть на самыя основанія вѣры и погасить искру истины, зажженную въ самой внутренности души. Инымъ влагалъ онъ въ мысль, что Бога нѣтъ; инымъ,—что ихъ два—добрый и злой; другимъ, что ихъ—великое множество; иные думали, что хотя и есть Богъ, но о мірѣ никакого не имѣетъ попеченія; другіе оттуда заключали, что въ свѣтѣ дѣлается или по случаю или по необходимости, слѣдовательно, въ одно мѣшали добродѣтель и порокъ. Другіе нападали на безсмертіе души, и тщались опровергнуть всѣ будущія блаженныя надежды; иные не хотѣли признать немощи естества нашего, и упорно отвергали Евангельскую благодать, которая ее исцѣляетъ. Всѣ вѣка такими чудовищами были обезчещены, и отъ нихъ наибольше раздиралась утроба Церкви Христовой. Ежели разсудить почеловѣчески, кажется, не можно бы надѣяться и слѣдамъ остаться истины при такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а наипаче, что гонителей было наибольшее число; а Церковь, напротивъ, была малое стадо

избранныхъ Божіихъ. Но нѣтъ: сей священный корабль между волнами не погрузился, сія райская роза между терніями больше процвѣтала, сіе злато вѣры всегда съ большею свѣтлостію выходило изъ огненной пещи несчастія.

Мы здѣсь не должны обойти и Церковь россійскую, которая такъ же, какъ и Церковь вселенская, чрезъ многія безпокойства достигла до толикой славы. При самомъ ея младенчествѣ бывшія въ Россіи междоусобныя войны, кто не скажетъ, сколько дѣлали препятствія расширенію царства Іисусъ Христова? не успѣло сіе волненіе утихнуть, какъ вдругъ загремѣла ужасная буря татарской орды, которая плѣнила Россію, и всюда разсѣяла священныя христіанъ собранія. Подъ симъ игомъ не одинъ вѣкъ страдало отечество наше, и Церковь казалась быть при послѣднемъ своемъ издыханіи; но вдругъ всесильный ея Правитель запретилъ бурѣ, и стала тишина велія. Симъ Божіимъ благодѣяніемъ и доселѣ Церковь наша наслаждается: не имѣетъ она никакого гоненія, ибо царствуетъ въ Церкви миръ, подъ покровительствомъ благочестивѣйшей нашей Монархини, вѣнецъ которой украшается усердною къ Богу вѣрою, престолъ—премудростію, порфира—милосердіемъ.

Такъ гдѣ же дѣлись твои, о Церковь, возлюбленная мать наша,—гдѣ дѣлись твои гонители? куда прошли облака твоего несчастія? Мы уже ихъ, слава Богу, не видимъ; ищемъ ихъ мѣста, и не обрѣтаемъ. А, напротивъ, видимъ лице твое радостное, смотрящее на собранныхъ въ нѣдра твои чадъ твоихъ. Но чѣмъ, скажи ты намъ, чѣмъ побѣдила ихъ ты, которая не имѣешь и не любишь никакихъ оружій? Мы видимъ, что ты побѣдила ихъ терпѣніемъ, слезами своими ихъ потопила, ихъ мечи притупила своею плотію, ихъ огни погасила своею кровію, совсѣмъ ихъ посрамила надеждою будущей радости. Веселися убо и ликовствуй, Христова Церковь, священный ковчегъ истины! возвеличи Господа, благодѣтельствующаго тебѣ, возноси, яко трубу, гласъ твой во вся концы земли, что твое основаніе есть на недвижимомъ камени; и потому врата адовы не преодолѣютъ тебя.

Помянувъ о Церкви Россійской, мы не должны остаться, чтобы не помянуть и о самой Россіи. Всемогущая десница Господня, которая управляетъ Церковію, та же управляетъ и государствами; а наипаче, что благополучіе Церкви соединено есть съ благополучіемъ государства. Церковь Россійская, сказали мы, имѣла свои безпокойства, многимъ же и Россія подвержена была перемѣнамъ, многимъ несчастіямъ. Но, побѣдивъ мужественно всѣ противности, она все въ большую возрастала славу, наподобіе винограда, который, чѣмъ больше обрѣзывается, тѣмъ изобильнѣйшій приноситъ плодъ. Еще мы всѣ носимъ въ свѣжей памяти, сколько возвеличилъ Богъ отечество наше чрезъ Великаго Петра, и его

мужествомъ посрамилъ непріятелей нашихъ. Въ полномъ теченіи славы осталась Россія по смерти сего почтеннаго безсмертіемъ мужа. Но какъ уже и послѣ того времени начали входить въ отечество наше нѣкія смущенія,—и тогда Богъ показалъ Себя неспящимъ о благополучіи нашемъ: обрадовалъ Онъ скорбящихъ россіянъ кротчайшею и милосерднѣйшею Елисаветою.

Потомъ избралъ Тебя, Всеавгустѣйшая Государыня наша, священнымъ орудіемъ Своего премудраго промысла. Ты утѣшила мать нашу—Церковь, а печальному отечеству была сама матерью радости и, положивъ сіе твердое основаніе, строишь на немъ храмъ благополучія благоразумнымъ правительствомъ. Добродѣтель въ Твоемъ сердцѣ находитъ себѣ пріятное жилище, неповинность—безопасное убѣжище, заслуга—щедрое награжденіе, Божія благодать—всегда готовое содѣйствіе. И потому увѣрены мы, что неусыпно хранитъ Богъ Церковь нашу, хранитъ и отечество, и неразрывность сего святаго союза утвердилъ Онъ въ помазанной особѣ твоей.

Но, о несказаннаго къ намъ Божія милосердія! не довольно было Ему утѣшить насъ настоящими, ежели бы при томъ еще не ободрить и будущею надеждою. Видимъ мы всепресвѣтлѣйшую Монархиню нашу, яко плодоносное древо, во всей своей полнотѣ добродѣтелями цвѣтущую; видимъ же и прекрасную Ея вѣтвь, Тебя, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мы почитаемъ особу Твою за несумнительный залогъ продолженія Божіей къ намъ благости, и потому Церковь уповаетъ въ свое время найти въ Тебѣ духъ, напоенный благочестіемъ и ревностію къ расширенію вѣчнаго царства; а отечество—сокровище добродѣтелей. Дабы сему чаянію удовлетворить, потщись Ты, Благовѣрный Государь, чтобы цвѣты младыхъ Твоихъ лѣтъ принесли довольные плоды. Ты имѣешь побужденіе домашнее и дѣйствительное—Ея Императорское Величество, дражайшую Родительницу свою: заимствуя отъ нея жизнь естественно, заимствуй отъ нея и добродѣтель добровольно. Но, вотъ, и примѣры, которые подаетъ Тебѣ Самъ Богъ, нынѣ празднуемые апостолы: Петръ и Павелъ. Петръ да будетъ Тебѣ примѣръ благочестія, а Павелъ—премудрости: Петровыми ключами отверзай храмъ полезныхъ ученій, а Павловымъ мечемъ разсѣкай всѣ узлы трудности, которые препятствовали бы Тебѣ въ прекрасномъ семъ теченіи. Мы сего желаемъ, мы надѣемся, мы молимъ всещедраго Бога, чтобы попеченіе Ея Императорскаго Величества о Тебѣ обрадовано было благословеннымъ успѣхомъ, а чаяніе всея Россіи исполненіемъ того. Аминь.

Слово при заложеніи Императорской Академіи Художествъ и при ней церкви *).

(О ВОСПИТАНІИ).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія Художествъ, и сіе основаніе святаго храма подаютъ довольную къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобы быть мѣстомъ добродѣтели, а церковь освящается, чтобы быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердецъ къ принятію всякаго добра, здѣсь Духъ Святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя Божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды, здѣсь—духовное успокоеніе и награжденіе: разныя, подлинно, дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны были бы всѣ наши предпріятія, ежели бы они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама Церковь не малой лишилась бы помощи, ежели бы не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, Церковь будетъ вопить, чтобы вознесъ на небо сердце свое тотъ, который такъ воспитанъ, что, кромѣ земнаго, ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщавать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать ученіе добродѣтели тому, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И кажется мнѣ, для того, что Церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всѣмъ попечителямъ симъ говоритъ словами: „сердце мое снѣдаетъ горькая печаль, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей: труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я, подлинно, спасительное сѣмя, но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія; а добрымъ воспитаніемъ представляйте мнѣ ихъ сердца, яко благую землю. Сей умиленный Церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобы не пренебрегать святую должность воспитанія? А наипаче, что, видится мнѣ, и самые младенцы къ намъ простираютъ руки слабыя свои, и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ:

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества 1765 года, іюля 7 дня.

„Богъ насъ произвелъ на свѣтъ слабѣе животныхъ другихъ неотмѣнно съ тѣмъ, что Онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство, и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло Самого Бога“.

Я уже оставляю то, что заплатить долгъ своимъ родителямъ мы можемъ не инымъ чѣмъ, какъ равнымъ попеченіемъ о воспитаніи другихъ.

Но надобно знать, „въ чемъ состоитъ послушаніе“. Изъ преждереченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя поражать обыкли только своею наружностію, а больше ничего: не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно въ томъ, чтобы взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего; на семъ незыблемомъ основаніи утвердясь, душу свою такъ пріуготовить, чтобы снискать къ благочестію усердіе, къ Государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь;—въ должности быть прилежнымъ, въ домостроительствѣ тщательнымъ, въ трудахъ нелѣностнымъ, въ счастіи невозносливымъ, въ несчастіи неунылымъ, къ общей пользѣ ревностнымъ, во всякихъ обхожденіяхъ быть искреннимъ, ласковымъ, учтивымъ, снисходительнымъ. Въ семъ состоитъ существенная сила воспитанія.

Но нѣтъ, думаю, столь мало просвѣщеннаго, который не зналъ бы этого. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло,—въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность есть причина, что бываютъ въ воспитаніи великіе непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ: онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣютъ совершеннаго употребленія въ разсужденіи: они управляются почти одними чувствами, и потому, ежели что видятъ, ежели что слышатъ,—тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣютъ въ памяти. Сіи, укрѣпленныя въ младенчествѣ, добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время будутъ служить имъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ: ибо, чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобы тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые знаки благочестія, неотмѣнно и младенецъ напоенъ будетъ тѣмъ же духомъ благочестія; ежели же имѣетъ суевѣрныхъ, или къ закону презрительныхъ, нельзя, чтобы и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели младое дитя во всегдашнемъ

домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее пристрастіе къ веселостямъ и другимъ наружностямъ,— весьма трудно, чтобы сія язва слабыхъ не коснулась младенческихъ чувствъ. Не хочешь, чтобы младенецъ рзвращенъ былъ?—не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ усмотрѣть могъ бы, чему ему подражать надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука, дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ; а сердце имѣть привязанное къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящейся совѣсти? „Что пользы человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ“? говоритъ Евангеліе (Марк., 8, 36). Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели не будутъ препровождаемы честностію дѣлъ. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ придетъ въ нѣкоторый возрастъ. Но что, ежели онъ въ самомъ началѣ своихъ дней, ежели въ самой колыбели приглядится къ такимъ примѣрамъ, которые не расположили его нимало къ принятію добра? Тщетны тогда будутъ науки и безполезны. Да что говорить безполезны?—не можетъ быть вреднѣе того человѣка, который имѣлъ бы науки, но не имѣлъ исправленной совѣсти. И потому не сомнительно, что самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть Евангельская: ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобы не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе—не въ словесѣ, но въ силѣ; оно хочетъ, чтобы послѣдователь его былъ, яко свѣтило въ мірѣ. „Тако да просвѣтится свѣтъ нашъ предъ человѣки, яко да видятъ наша добрая дѣла, и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ“ (Матѳ., 5, 16). Почему нельзя не признаться, чтобы сей способъ, то есть, добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Принявъ сіе основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія; а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые не только были бы ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ имѣли бы и духъ патріотическій.

При семъ не безполезно помянуть и о томъ, что̀ наипаче примѣрами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца? Первѣе всего, надлежитъ внушать имъ страхъ Божій: ибо „начало премудрости страхъ

Господень“ (Притч., 1, 7). Трудно, чтобы, симъ необузданный, человѣкъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя, совсѣмъ тѣмъ, непрестанно воюютъ на разумъ. Положимъ, что откровенно и по наружности будетъ притворять себѣ нѣкоторый видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства. Но, коли страха Божія нѣтъ, онъ наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло, а, связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, онъ отворитъ чрезъ то невозбранный путь ко всякому честному дѣлу. Послѣ сего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Подлинно, полезны науки, но полезны и художества. Науки просвѣщаютъ мысль, художества не допускаютъ до душевнаго разслабленія; науки показываютъ путь ко всякому добру, художества, дѣйствительно, тѣмъ пользуются; науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе,—художества самымъ дѣломъ въ томъ состоятъ. Я могу прибавить въ похвалу художествъ и то, что науки легко можно употребить во зло, и злоупотребленныя причиняютъ великій вредъ; а художества, не знаю, можно ли употребить во зло,—и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ, и тѣмъ пользуетъ себя, пользуетъ общество и духомъ своимъ премудраго поетъ Творца.

Такъ кто же теперь не видитъ, что, ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, не сомнительно можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный товарищъ? Всего сего тѣмъ удобнѣе можемъ надѣяться отъ дѣтей, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть,

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи, слушателей моихъ утруждать рѣчью о томъ, чего самую вещь они видятъ передъ своими очами? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь! Ибо, что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ предпочесть одно другому: столь они превосходны всѣ!

Сія, основанная Вашимъ Величествомъ, Академія Художествъ, трудно сказать, больше ли есть доказательство милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго способа

къ благополучію ихъ. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, посвятили сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія; а дабы все сіе было надежнѣе, не оставили въ уваженіе принять и первую должность воспитанія. За сіе высокоматернее попеченіе одолженными Вашему Величеству признаютъ себя Церковь, отечество, юношество; и я сознаю себя слабымъ, чтобы могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣетъ отсюда ожидать добрыхъ христіанъ, отечество—честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнію, будутъ одолжены Вашему Величеству доброю жизнію. Они жалуются на свою натуру, что не поспѣшила она дать имъ столько способности, чтобы могли изъяснить словомъ то, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, долгайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и всѣ мы молимъ премилосерднаго Господа, дабы Онъ увѣнчалъ сіе благословенное Ваше тщаніе дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

(О ПОЛЬЗѢ УЧЕНІЙ).

„Положите на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“.

(Лук., гл. 21, ст. 14).

Мудролюбивые мужи разсуждаютъ, отчего человѣку надобно свое исправленіе начинать—отъ разума или отъ воли, и почти всѣ согласны въ томъ, что—отъ разума. Причину тому даютъ сію, что воля или сердце исправно тогда, когда оно желаетъ добра, и отвращается зла; а нельзя, де, ни добра желать, ни зла отвращаться, не имѣя просвѣщеннаго понятія о добрѣ и злѣ. Но вѣчная премудрость, Евангеліемъ проповѣдуемая, кажется, учитъ противное тому. „Положите,—говоритъ она,—на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщавати“, то есть, старайтесь прежде снискать честность души, а витійство словъ и просвѣщеніе ума будутъ даны вамъ послѣ. Однако, въ сихъ противностяхъ нѣтъ противности: ибо, хотя конецъ какого-нибудь дѣла испол-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, 1765 года, сентября 20 дня.

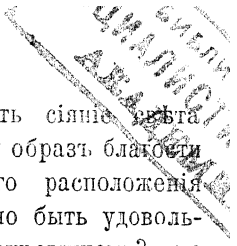
няется послѣ, но въ намѣреніи онъ—прежде. Такъ и добронравіе, хотя слѣдуетъ за просвѣщеніемъ разума, однако, въ намѣреніи должно быть оно прежде: понеже для того надобно учиться, дабы украсить себя честностію нравовъ; и ежели бы не предположить сего конца, то не нужны, по крайней мѣрѣ, суетны были бы всѣ ученія. И потому справедливо совѣтуетъ Евангеліе, чтобы всякъ изъ насъ положилъ насердцѣ своемъ—„не прежде поучатися отвѣщавать“. Но, къ большему изъясненію истины сей и къ умноженію свѣтлости торжественнаго сего дня, разсудимъ мы обстоятельнѣе „о пользѣ ученій“. А Ты, Отче свѣтовъ, изъ Божественныхъ Твоихъ сокровищъ открой намъ безвѣстная и тайная премудрости Твоея!

Излишне было бы доказывать, что ученія пристойны человѣку: ибо подъ именемъ ученія разумѣемъ мы познаніе истины; а человѣкъ одаренъ разумомъ, то есть, способностью познавать истину. Почему если бы кто отвергалъ ученіе, тотъ не только отвергалъ бы разумъ, но долженъ бы отказаться и самаго человѣчества.

Во-первыхъ, ученіемъ мы снискиваемъ просвѣщеніе мыслей. Отворено предъ нами зрѣлище Создателевыхъ премудрыхъ дѣлъ: закроемъ ли мы предъ нимъ очи свои, и не паче ли въ нѣкоторомъ восторгѣ возопіемъ: „яко возвеличишася дѣля Твоя, Господи“ (Псал., 103, 24), „полны суть небо и земля славы Твоея“? А ученія отверзаютъ намъ дверь въ сей священный храмъ: при руководствѣ ихъ мы узнаемъ начало вещей, порядокъ, союзъ, дѣйствія, конецъ и пользу; снискиваемъ понятіе о составѣ міра, о стихіяхъ, о теченіяхъ свѣтилъ небесныхъ, о явленіяхъ воздушныхъ, о свойствахъ тѣлъ, о животныхъ и о разныхъ ихъ родахъ, растущихъ изъ земли и объ ихъ видахъ, а наипаче о самихъ себѣ, о добродѣтели и порокѣ и объ ихъ добрыхъ или худыхъ слѣдствіяхъ. Да еще крылами ученій мы возлетаемъ и къ истинамъ высочайшимъ, которыми приближаемся къ неприступному Божеству и разсматриваемъ красоту несозданную. О, коликое богатство благости Божіей! какая изобильная трапеза представляется въ наслажденіе наше! И хотя мы понимаемъ очень мало, но и сіе малое сколь есть велико для насъ! При томъ, будемъ ли мы извинительны, ежели бы и малое сіе захотѣли терять нерадѣніемъ своимъ?

Да что нужды входить въ такія подробности? — можетъ скажетъ кто. На сіе отвѣтствуемъ: нужда—та, чтобы силу нашей души не оставить безъ дѣйствія, чтобы искру нашего ума не погасить, чтобы удивиться премудрости Божіей, чтобы, вникнувъ въ союзъ вещей, усмотрѣть, какъ мы тутъ же связаны, и изъ того познать, куда намъ намѣреніями своими и дѣлами клониться надобно.

А когда человѣческій разумъ обогатится познаніемъ истины, рождается изъ того внутреннее удовольствіе, ибо всякая истина сама



чрезъ себя есть красоты неизглаголанной. „Она есть сіяніе вѣчнаго присносущнаго и непорочное зерцало Божія дѣйствія и образъ благости Его; она благолѣпнѣе солнца и превосходнѣе всякаго расположенія звѣздъ“ (Премудр., 7, 26, 29). Такъ какому же надобно быть удовольствію въ сердцѣ того, который наслаждается симъ сокровищемъ?—по истинѣ, великому. Несмотря на сіе, въ Притчахъ пишется: „яждь медъ, сыне, благъ бо есть сотъ, да насладится гортань твоя: сице уразумѣеши премудрость душею твоею“ (Притч., 24, 13, 14). Услажденіе сіе растетъ по мѣрѣ познанія; чѣмъ больше кто познаетъ и чѣмъ выше восходитъ познаніемъ, тѣмъ больше умножается внутреннее удовольствіе.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, познаніе наше здѣсь есть низко и недостаточно: тягостію тѣла обременяется духъ нашъ, и страстей смущеніемъ притупляется острозрительность ума нашего. Но когда сложимъ съ себя тягостное бремя плоти сей, когда соединимся съ чистѣйшимъ существомъ Божіимъ, тогда въ несозданномъ свѣтѣ Его узримъ свѣтъ незаходимый. Ибо въ жизни сей,—по Апостольскимъ словамъ,—„отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упразднится“ (1 Коринѳ., 13, 9, 10), то есть, пропадетъ, такъ, какъ пропадаетъ капля, падшая въ море. И потому здѣшнее познаніе есть часть познанія небеснаго; слѣдовательно, и настоящее удовольствіе есть нѣкоторое предчувствіе будущаго безконечнаго наслажденія. Такъ не видимъ-ли мы превосходства ученій? При отшествіи нашемъ въ вѣчность, богатство здѣсь оставимъ, съ почестями разстанемся, съ увеселеніями простимся; а свѣтъ ума, который мы снискали ученіями, не только не погаснетъ, но паче возсіяетъ. Но сойдемъ мы паки съ небесныхъ круговъ на земный сей шаръ.

Ученія не только услаждаютъ наше сердце, хотя и сіе есть нужная часть блаженства человѣческаго: ученіями мы пріобрѣтаемъ себѣ разныя житейскія выгоды, какъ въ разсужденіи общества, такъ для всякаго особь. Въ разсужденіи общества, отъ ученія происходятъ добрые законы, ими хранится правосудіе, благословляется земледѣліе, процвѣтаютъ торги, изобрѣтаются художества, содержится въ порядкѣ воинство, и, при твердой безопасности, царствуетъ глубокій миръ.

Явился нѣкогда Богъ младому Соломону и, въ полномъ величествѣ славы Своей, сказалъ ему: „проси, что хощеши себѣ“ (3 Царств., 3, 5). Сей порфироносный отрокъ, еще не имѣя данной себѣ премудрости, показалъ духъ достойный премудрости; желаніе сердца своего онъ изъяснилъ сими словами: „Азъ есмь отрокъ малъ, и не вѣмъ исхода

моего и входа моего“: даждь рабу Твоему сердце смыслено слышати и судити люди Твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла“ (3 Царств., 3, 7, 9). И угодно было сіе слово предъ Господомъ: Соломонъ получилъ сокровища премудрости, а съ ней снискалъ себѣ богатство и славу, а подданнымъ тишину и благоденствіе.

Тотъ же самый Божій гласъ вопіетъ и всякому изъ насъ: „проси, что хощеши себѣ“. На сей снисходительный привѣтъ Господень кто не воскликнулъ бы съ радостью: „Боже Отцевъ! Даждь мнѣ при Твоихъ престолахъ сѣдящую премудрость и не отрини мене отъ отрокъ Твоихъ“ (Премудр. Солом., 9, 4)?! Ибо, вкупѣ съ премудростью, приходятъ вся благая. Мужъ, одаренный разумомъ, порядоченъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, прилеженъ въ домостроительствѣ, гнушается роскошью, удаленъ и отъ скупости, въ отправленіи своей должности не принужденъ, въ обхожденіяхъ пріятенъ, во всякихъ случаяхъ остороженъ. Ученіе въ счастіи—украшеніе, въ несчастіи—утѣха, въ скудности—богатство, въ трудахъ—покой, въ затрудненіяхъ—совѣтникъ, въ пути—товарищъ, въ уединеніи — сладкій другъ, въ богомысліяхъ — вождь къ Богу, ходатай къ соединенію съ Нимъ. Но, не входя въ подробныя похвалы премудрости, надобно заключить Соломоновыми словами: „долгота житія и лѣта жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богатство и слава: отъ устъ ея исходитъ правда, законъ же и милость на языцѣ носитъ. Путіе ея путіе добри и вси стези ея мирны. Древо живота есть всѣмъ держащимся ея, и покланяющимся на ню, яко на Господа гверда“ (Притч., 3, 16, 17, 18).

Не достало бы намъ дня сего, ежели бы исчислять всѣ плоды ученія. Но, присемъ, не надобно позабыть онаго, положеннаго въ заглавіи нашей рѣчи, евангельскаго слова, которое напоминало, чтобы положить на сердцѣ своемъ—„не прежде поучатися отвѣщавати“, то есть, чтобы мы объ истинѣ мудрствовали не словами, а дѣлами. Ибо сіе доказываетъ, что самый лучшій плодъ и нужный конецъ всѣхъ ученій есть честность нравовъ и добродѣтель: безъ сего всѣ науки суетны и труды безполезны. Ежели кто къ ученію прилежитъ, а нерадитъ о добродѣтели, тотъ нечувствительно самъ старается, какъ бы снисканное ученіе потерять; и потому онъ дважды бѣденъ: первое, что лишенъ добродѣтели,—второе, что трудится всуе.

Къ отвращенію сего, Евангеліе употребляетъ всѣ силы: оно учитъ, что „никто же вжегъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть“ (Матѳ., 5, 15). „Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣняци, или кимвалъ звяцаяй. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру,

яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничто же есмь“ (1 Коринѳ., 13, 1, 2). Да и во многихъ мѣстахъ Писанія Духъ Святый охуждаетъ ученія въ тѣхъ людяхъ, которые, надымаясь пустымъ знаніемъ вещей, о благочестіи и добродѣтели мало думаютъ. Такъ-то самое лучшее Божественное дарованіе, чрезъ злоупотребленіе человѣческое, можетъ быть случаемъ худыхъ слѣдствій!

Не удивительно, что невѣжество есть источникъ многихъ непорядковъ, суевѣрствъ и развращеній. То же самое случается и съ тѣми, которые и учатся, да не тому, чему бы надлежало, или и тому, да не такъ употребляютъ оное. Многіе, оставивъ источники Израилевы, черпаютъ изъ кладязей погибельныхъ; многіе, только помазавши губы науками, высоко о себѣ мечтаютъ. Сія досадная мечта о себѣ рождаетъ излишніе вымыслы и затѣи, изъ которыхъ часто выходитъ безобразное и нелѣпое. Отсюда же выскакиваютъ непомѣрныя любопытства и, слѣдовательно, сомнѣнія въ несомнительныхъ вещахъ; а оттуда проникаетъ часто развращеніе, а нерѣдко и безбожіе. Сіе-то разсуждая, премудрый Павелъ написалъ, что „разумъ кичитъ, а любы созидаетъ“ (1 Кор., 8, 1), то есть, высокія знанія могутъ быть причиной пустой пышности, а непорочная совѣсть полезна для всѣхъ. И потому, не знаю я, невѣжество ли, или такіе высокомѣрные умы больше причиняютъ вреда; не знаю, не лучше ли грубость, соединенная съ постоянствомъ, нежели ученая вѣтренность: ибо не все то, что блещется, есть злато. Остается убо всѣмъ послѣдовать Евангельскому совѣту, чтобы „не прежде поучаться отвѣщавати“, то есть, хотя и прилежать къ снисканію наукъ, да такъ, чтобы притомъ не выпускать изъ виду добродѣтель.

При окончаніи разсужденія сего, обращаю слово мое къ Августѣйшему Вашего Императорскаго Величеству лицу. Я увѣренъ, что мудростію всякаго слова Вашего Величества дѣйствительнѣе знаменитый примѣръ, которымъ и пользу просвѣщенія утверждаете, и злоупотребленіе суемудренныхъ приводите въ стыдъ. Ваше благоразумное правительство ясно доказываетъ, источникъ какихъ плодовъ есть просвѣщенная душа. Ваша неутомимость въ трудахъ можетъ и самаго лѣниваго возбудить къ должности своей; Ваше усердіе къ благочестію сильно согрѣть и самыя холодныя въ вѣрѣ сердца. Свѣтильникъ Вашъ не сокровенъ подъ спудомъ, но поставленъ на златомъ свѣщникѣ благовѣрнаго царствованія и свѣтитъ всему сѣверу, достигаетъ до послѣднихъ краевъ востока, или паче до концевъ земли. Возведи окресть очи Твои и виждь собранная чада Твоя, съ коликимъ благоговѣніемъ наслаждаются материняго Твоего взора, но не могутъ насладиться. Море служитъ Тебѣ, принося богатство иныхъ странъ; земля, удобряемая раченіемъ Твоимъ, благославляетъ Тебя плодами; рѣки плещутъ Тебѣ руками съ веселіемъ; грады ближайшіе и отда-

ленные покоятся подъ сѣнью Твоего самодержавія, разные народы провозглашаютъ славу Твою разными языками; а всѣ вкупѣ, возводя къ небу руки свои, призываютъ на главу Твою всѣ благословенія Господни. Да возрадуется убо душа Твоя о сихъ благодѣяніяхъ Божіихъ о Тебѣ, и въ веселіи сердечномъ да поетъ предъ Нимъ съ Псалмопѣвцемъ: „Тебѣ пожру жертву хвалы: отверзите мнѣ врата правды, вшедъ въ ня исповѣмся Господеви“ (Псал., 49, 14; 117, 19).

Но минемъ ли мы первый предметъ радости Твоей и нашей, Его Императорское Высочество, виновника нынѣшняго нашего торжества? Богъ вѣчный, взирая съ высоты Святыя Своея и видя Тебя, Великая Государыня, трудящуюся въ вертоградѣ Россійскомъ, Своими нетлѣнными устами рекъ: „въ вѣкъ сохраню ей милость Мою, и завѣтъ Мой вѣренъ ей“ (Псал., 88, 29). Мудрость продолжу въ благороднѣйшей крови ея и труды ея утвержду въ благословенномъ Наслѣдникѣ ея“. Сіе небесное увѣреніе да наполнитъ райскимъ веселіемъ сердце Вашего Величества, да ободритъ душу Вашу и къ будущимъ подвигамъ.

Да внимаетъ же сіе и Твой духъ, Благовѣрный Государь Цесаревичъ! Богъ, Богъ всѣхъ временъ, положилъ Тебѣ нынѣшній день основаніемъ двѣнадцатаго года. Солнце, теча по зодіаку, чѣмъ выше поднимается тѣмъ большій жаръ испускаетъ смертнымъ: и Ты, восходя на высоту теченія лѣтъ, согрѣвай желанія наши благою надеждою. Когда наступаетъ весна, птицы своимъ сладкопѣніемъ оглашаютъ воздухъ, земля покрывается цвѣтами, и малѣйшія животныя начинаютъ трудиться, пріуготовляя себѣ пищу для будущаго времени. Нынѣ—весна лѣтъ Твоихъ: цвѣты премудрости Твоей да процвѣтаютъ, и благовоніе Твоихъ разсужденій да разливается по нашимъ чувствамъ, дабы мы въ свое время могли собрать благословенную жатву. Не для того сіе говоримъ, чтобы мы не увѣрены были о Твоихъ великихъ успѣхахъ въ наукахъ; никакъ. Но да будетъ простительно наше желаніе, что оно ненасытимо,—что мы, видя въ Тебѣ великое, желаемъ и надѣемся еще большаго; и въ сей радостной надеждѣ поемъ: „се, зима прейде, дождь отъиде, отъиде себѣ, цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ, гласъ горлицы слышанъ бысть въ земли нашей“ (Пѣсн. 2, 11—12).

Боже Святый и во святыхъ почиваяй! Сіи священныя особы—Всеавгустѣйшую Монархиню нашу и дражайшаго Сына ея благослови небеснымъ Твоимъ благословеніемъ: Духъ Твой Святый да найдетъ на нихъ, и сила Твоя да осѣняетъ Ихъ. Аминь.

Слово въ недѣлю двадцать шестую по Пятидесятницѣ *).

„Что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ Моихъ“?

(Лук., гл. 12, ст. 14).

Много человѣкъ самъ себя безпокоитъ. Иной, не безъ причины жалуясь, говоритъ: „что дѣлать? не имѣю, чѣмъ проводить бѣдную свою жизнь“; а нынѣшній богачъ, не меньше жалуясь, самъ въ себѣ размышляетъ: „что дѣлать? не знаю, гдѣ мнѣ дѣвать богатство свое“. Одинъ мучится скудостію, другой безпокоится изобиліемъ: разныя причины, но производятъ одно дѣйствіе. Однако, не скудость есть причина безпокойства, но малодушіе; также не изобиліе вещей есть причина заботъ, а ненасытное желаніе. Но, какъ бы то ни было, возможно сіи противныя жалобы согласить. Ежели недостатки скуднаго растворить излишествомъ богатаго, то у обоихъ останется умѣренность; слѣдовательно, тотъ и другой долженъ перестать безпокоиться. Такъ почто же было тебѣ, богачъ, думать ломать житницы свои? почто предпринимать столько труда? Алчныя утробы бѣдныхъ суть безопасныя житницы богатства твоего: руками убогихъ, отъ тебя снабдѣнныхъ, можешь построить себѣ не житницы на земли, но храмину нерукотворенну. вѣчну на небесѣхъ.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, какъ нельзя не имѣть никакого попеченія о нуждахъ житейскихъ, такъ не полѣнимся изслѣдовать, *какіе надобно положить предѣлы нашимъ желаніямъ въ разсужденіи богатства?* А Ты, въ милости богатый Господи, дѣйствіемъ истины Твоей открой завѣсу нашихъ мыслей и управь сердце наше къ одному сокровищу, которому не прикасается тлѣніе.

Различныя житейскія нужды неотмѣнно требуютъ отъ насъ пристойнаго попеченія о содержаніи своемъ: „никто же бо когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю“ (Ефес., 5, 29). И потому нельзя сказать, чтобы со всѣмъ возбранено было стараться о пользѣ своей и искать себѣ честнымъ образомъ прибытковъ. Но паче святый Апостолъ повелѣваетъ, что, ежели кто не трудится, тотъ да не ястъ (2 Сол., 3, 10); да и самъ онъ, днемъ упражняясь въ проповѣди, ночь не спалъ, сидя при рукодѣліи своемъ и промышляя о пищѣ слѣдующихъ дней (2 Сол., 3, 8). Но было и много богатыхъ, которые, при великомъ своемъ изобиліи, не потеряли и богатства добродѣтели. Понеже

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1765 года, ноября 20 дня.

скудость и богатство суть среднія вещи, которыя употреблены быть могутъ на добро и зло; и для того справедливо Сирахъ говоритъ: „добро есть богатство, въ немъ же нѣсть грѣха, и зла есть нищета во устахъ нечестиваго“ (Сирах., 13, 30). А когда Евангеліе сказываетъ, чтобы мы не пеклись объ завтрашнемъ днѣ (Матѳ., 6, 34), симъ не запрещается всякое и умѣренное попеченіе, но запрещается попеченіе чрезмѣрное, когда кто, на подобіе безсловеснаго животнаго, думаетъ единственно о тѣлесномъ насыщеніи и о прибыткахъ, оставивши попеченіе о благочестіи и о честности. Въ томъ же разумѣ велѣно намъ взирать и на птицъ небесныхъ (Матѳ., 6, 26), чтобы мы не думали, аки бы все зависѣло токмо отъ нашего тщанія, но паче увѣряли бы себя, что все бываетъ по волѣ Промысла Божія, Который благословляетъ нашъ трудъ.

По сіе есть несчастіе человѣческаго рода, что рѣдко когда мы можемъ сохранить свои мѣры. Оное справедливое попеченіе о нуждахъ своихъ часто обращается въ студный порокъ корыстолюбія, сребролюбія, непомѣрной заботливости, скупости и роскоши.

Сіе бываетъ, когда, *во-первыхъ*, человѣкъ желаетъ больше, нежели сколько ему надобно. Хотя, подлинно, трудно опредѣлить, сколько кому имѣть надлежитъ, а наипаче ежели разсуждать различность состояній; однако, не трудно примѣтить ненасытное желаніе. Извѣстно, что всякому надобно имѣть нѣсколько одежды, не для пышности и гордости, но для прикрытія наготы и для согрѣтія немощнаго тѣла. Надобно имѣть пищу и питіе, не для пресыщенія и пьянства, но чтобы утолить гладъ и жажду и подкрѣпить изнуренныя трудомъ силы. Надобенъ домъ не для увеселенія очесъ, не для насыщенія, надменнаго мечтанія, но чтобы защитить себя было гдѣ отъ воздушныхъ безпокойствъ. Надобна нѣкоторая частица земли для своего пропитанія и для всякихъ житейскихъ выгодъ. Вотъ—наши нужды, и, хотя онѣ теперь не всѣ подробно исчислены, однако отсюда можно довольно узнать, что попеченія наши должны быть умѣренны.

Но надобно ужаснуться, когда посмотрѣть, сколько заботится смертный человѣкъ: днемъ ломаетъ голову, ночью не спитъ и сохнетъ отъ непрестанныхъ думокъ. Иной множеству одеждъ не полагаетъ числа, другой въ приуготовленіи разныхъ родовъ пищи и питія не знаетъ мѣры, третій въ строеніи огромныхъ зданій превосходитъ всякую надобность, четвертый желанію расширить свои владѣнія не полагаетъ никакихъ границъ. Почто столь много безпокоишь себя, человѣче, и непомѣрно стараешься о томъ, что есть излишне и потому безполезно? Весьма великій сапогъ не годится на ногу твою, понеже препятствуетъ хожденію твоему: подобно, и излишнія заботы не сходны съ твоимъ составомъ,

который, по премудрому Создателеву расположенію, можетъ быть доволенъ малымъ. Но, когда посмотрѣть на твои деннонощныя суеты, можно не безъ причины подумать, что ты или не такъ понимаешь себя, или почитаешь себя безсмертнымъ, или не вѣруешь Божію Промыслу, Который и малѣйшую птицу питаетъ и полевый цвѣтъ украшаетъ. Такіе ненасытные люди сожалѣнія достойны, что столь много, а напрасно, себя безпокоятъ; но притомъ и досадны, что, сами излишествомъ всякимъ изобилуя, попускаютъ другимъ истаевать отъ скудости, а иногда и всякаго проклятія достойны, когда раззореніемъ другихъ обогащаютъ себя и на развалинахъ убогихъ свои расширяютъ зданія. И сей есть первый способъ непозволительнаго корыстолюбія.

Второе, когда кто, думая о прибыткахъ, позабываетъ то, въ чемъ больше есть надобности и пользы, то есть, обогащать душу свою благочестіемъ и добродѣтелію. Неразумный человѣкъ! ты оставляешь большее, а ищешь меньшаго,—проходишь вѣчное, а бѣгаешь за временнымъ,—думаешь о деньгахъ, а теряешь сокровище некрадомое, каковое есть свѣтъ разума и непорочные нравы. Не душа ли больше есть пищи и тѣло одежды? О такихъ-то нынѣшнее Евангеліе сказало, что они „въ себя, а не въ Бога богатѣютъ“ (Лук., 12, 21).

Третіе, когда кто, собирая богатство, надѣется во время несчастія защитить имъ себя. О, суетная надежда! отъ несчастія думаютъ избавиться тѣмъ, что бываетъ причиною несчастія. „Богатый, говоритъ святый Златоустъ, окруженъ ненавистниками и навѣтниками: всѣмъ раболѣпствовать, всѣмъ ласкательствовать принужденъ бываетъ“. Да и подлинно, въ судахъ неправедные судіи пристально смотрятъ на богатаго, въ домахъ воры окрадываютъ, на дорогахъ разбойники нападаютъ. Многіе думали, собравши богатство, пожить при всякомъ довольствѣ, но нечаянно раззорились. Многіе, не прилежа о воспитаніи дѣтей, думали снабдить ихъ имѣніемъ, но дѣти, получивъ имѣніе, промотали. Многіе надѣялись, собравши богатство, повеселиться, но, между тѣмъ, застигла или печальная старость, или напали болѣзни, причиною которыхъ были безвременныя заботы. Иные думали богатствомъ нажить себѣ пріятелей; но кто не знаетъ, сколь надежны пріятели, купленные деньгами!? А то уже и смѣшно, что многіе берегутъ деньги, какъ сказываютъ, на смерть, чтобы было, чѣмъ погребстись. Сіе не для того говорятъ, акибы они много о смерти думали, ибо извѣстно, что ничего такъ сребролюбецъ не боится, какъ смерти; но чтобы сдѣлать нѣкоторый видъ непристойнымъ желаніямъ своимъ. И такъ смерть, вмѣсто того чтобы отвращать ихъ отъ сребролюбія, сдѣлалась нечаяннымъ случаемъ къ сребролюбію. Послушайте же вы, плѣненные сею страстію: „не пользуютъ имѣнія въ день ярости“ (Притч., 11 4). Но пускай такъ, что аки бы можно было деньгами отъ несча-

стія откупиться. Со всѣмъ тѣмъ, надежнѣе полагаться на добродѣтель, которая не только отъ несчастія избавитъ, но и не допуститъ до несчастія можетъ. Но пойдемъ далѣе.

Четвертое, и тотъ безчеститъ себя порокомъ корыстолюбія, который безразсудно думаетъ, что все зависитъ отъ его трудовъ, а не паче отъ благословенія Божія. Такихъ людей не трудно примѣтить. Если кто въ работѣ не даетъ себѣ отдыху съ видимымъ поврежденіемъ своего здравія; кто не говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ токмо о прибыткахъ; кто не отъ суетъ отстаетъ въ праздничные дни, во дни, посвященные на богослуженіе,—таковаго, безъ сомнѣнія, за корыстолюбца почитай. И часто случается, что, такимъ образомъ снисканное, имѣніе въ одинъ часъ пропадаетъ. Дождь, громъ, молнія, потопленіе, хотя, подлинно, суть дѣйствія естественныя, но, притомъ, они часто служатъ своему Создателю орудіемъ къ наказанію нечестивыхъ. Кто никакихъ трудовъ не жалѣетъ для прибытковъ, а не думаетъ о благочестіи и добродѣтели: тотъ, положимъ, что изыскиваетъ, напримѣръ, сто способовъ обогатить себя, но между тѣмъ теряетъ тысячу способовъ сохранить богатство свое.

Пятое, когда кто къ богатству пристрастенъ такъ, что не хочетъ никогда разстаться съ нимъ, не памятуя того, что мы какъ наги взошли въ міръ сей, извѣстно, что наги и выйдемъ. И потому надлежитъ съ вещами міра сего поступать такъ, какъ пристойно странствующимъ, то есть, пользоваться ими, но притомъ готовымъ быть всякій часъ оставить ихъ. Такіе, къ имѣнію пристрастившіеся, люди весьма бываютъ жалки во время смерти: безпокоятся, что принуждены оставить любезнѣйшую въ жизни вещь, а притомъ терзаются воображеніями, не зная кому-то достанется. Въ срединѣ сего волненія повѣетъ буря ужасной смерти и, разбивъ корабль, разсыплетъ всѣ мечтанія. „Часто я смѣялся, говоритъ Златоустъ, „когда читалъ духовныя, въ которыхъ умирающій другимъ оставляетъ то и то“. Но хотѣлъ бы онъ или не хотѣлъ, долженъ все оставить. А иные, чему опять смѣяться можно, нѣкоторымъ страннымъ образомъ ничего не оставляютъ. А какъ?— закапываютъ въ землю и при смерти завидуютъ въ невозможномъ. Такіе, когда умираютъ, не они богатство оставляютъ, но богатство оставляетъ ихъ.

Шестое, вотъ — еще новый родъ корыстолюбцевъ: нѣкоторые непрестанно собираютъ богатство, а не имѣютъ ничего. Разумѣю я скупыхъ; скупыхъ, говорю, которые не—владѣтели имѣнія своего, но бѣдные приставники; они богатство собираютъ, чтобы больше собирать. Сей идолъ у нихъ есть неприкосновенный, которому они жертвуютъ всею своею жизнію. Такіе люди, кому кажутся смѣшны, а мнѣ жалки;

трудятся, потѣютъ, суетятся, въ день безпокоятся, всю ночь свои кладовыя осматриваютъ, а, совсѣмъ тѣмъ, ходятъ въ раздранныхъ рубищахъ, живутъ поангельски, почти ничего не ѣдятъ, не пьютъ, жена не одѣта, сынъ брошенъ безъ воспитанія, бѣгаютъ отъ пріятелей, чуждаются сродниковъ и весь свѣтъ мотовствомъ порицаютъ, въ одеждѣ срамны, въ обхожденіяхъ задумчивы и отъ непрестаннаго мыслей напряженія безкровны. „А кто себѣ золъ, кому добръ будетъ“ (Сирах., 14, 5)? написалъ Сирахъ. Сіи-то подобны оному баснословному Танталу, который стоялъ въ водѣ по горло, а напиться не могъ. Кажется, за сей порокъ не должно имъ другого ожидать наказанія, кромѣ собственнаго своего мученія.

Но время перемѣняетъ видъ свой. Какъ стали люди просвѣщенные и учтивость знающіе, гнушаться начали скупости порокомъ; но, какъ говорятъ, изъ огня въ воду. Многіе, вмѣсто скупости, обожили блистательную роскошь, или, простѣе сказать, мотовство. Изрядная добродѣтель! не знаю, что изъ нихъ одно другому предпочесть. Скупость безпокоитъ своего рачителя, роскошь влечетъ за собою цѣлый полкъ болѣзней; скупость не пользуется своими трудами, роскошь пожираетъ чужіе труды; та отягощаетъ или стѣсняетъ человѣческое сердце, сія разслабляетъ всѣ душевныя силы. Скупость вредитъ тому, кѣмъ она владѣетъ; а роскошь нерѣдко цѣлыя государства раззоряетъ. И потому повѣтріе роскоши едва ли не смертоноснѣе: ибо не такъ удобно скупость, какъ роскошь сообщаетъ ядъ свой.

Напослѣдокъ, связываемъ себя порокомъ корыстолюбія тогда, когда временнаго богатства не употребляемъ на пріобрѣтеніе богатства вѣчнаго. Нѣтъ лучшаго торга, какъ купить за временное вѣчное и за тлѣніе—нетлѣнное; а сей торгъ бываетъ, когда отъ имѣнія своего снабжаемъ бѣдныхъ, увѣчныхъ, обиженныхъ, немощныхъ, сродниковъ, пріятелей и всѣхъ ближнихъ прибѣгающихъ къ намъ. Ибо въ такомъ случаѣ богатство не только не есть безчестно, но еще ходатайствуетъ намъ безчисленныя Божіи благословенія.

И потому и добно заключить, что, ежели кого Богъ благословилъ богатствомъ, и онъ не причастенъ нынѣ, сказанныхъ нами, пороковъ, тотъ можетъ со дерзновеніемъ сказать душѣ своей: душе, „имаши блага многа“, имѣешь богатство, которымъ стада бѣдныхъ питаются,—„блага лежаща на лѣта долга“: ибо, такъ употребленное, богатство и по смерти не оставитъ тебя, но препроводитъ въ небесныя обители: яждь съ благословеніемъ, пей съ благодареніемъ и веселись предчувствіемъ блаженной надежды. Аминь.

Слово на Новый, 1766 годъ *).

Проходя далѣе путемъ нашей жизни, сподобились мы, возлюбленные слушатели, въ новое теченіе вещей вступить, а чрезъ то ближе къ предѣлу нашему стали,—ближе къ вѣчности стали. Окончили одинъ годъ, начинаемъ другой. Слава Тебѣ, премудрый Правитель міра, что въ безмѣрной безднѣ тѣлъ Ты не позабылъ частицу и нашего состава, ибо „составъ мой яко ничтоже предъ Тобою“ (Псал., 38, 6). Но при семъ, простите, смущаюсь, когда вижу, что цвѣтъ лѣтъ нашихъ, напослѣдокъ, увядаетъ, и все непрестанно къ тлѣнію приближается. Которые, яко утреннее солнце, восходили, тѣ, наконецъ, темнымъ западомъ покрываются; у однихъ уже опредѣленіе смерти на лицѣ написано, а другіе не меньше имѣютъ нужду взывать ко Господу: „скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ кое есть“ (Псал., 38, 5)? О, какое сіе есть естественное таинство! Признаюсь, слушатели, что темнѣетъ свѣтъ въ очахъ моихъ, и помрачается моя мысль, когда воображаю цѣлый союзъ всѣхъ вещей, покрытый непроницаемою тьмою; а еще больше ужасаюсь, когда помышляю о безднѣ вѣчности, которая должна въ себѣ сокрыть всѣ перемѣны вещей. Но оставимъ премудрости Божіей сіи, столь высокія и для слабости нашей мало понятныя, тонкости; сойдемъ пониже: *разсудимъ, какое есть сходство между теченіемъ времени и теченіемъ нашихъ лѣтъ и дѣлъ?* И сіе слово наше посвящаемъ Тебѣ, Боже всѣхъ временъ! Да будетъ оно въ семъ году благословеннымъ началомъ нашихъ благихъ дѣлъ.

Августинъ, западной Церкви учитель, говаривалъ: „что есть время, разумѣю, когда никто меня о томъ не спрашиваетъ; когда же кто спросилъ бы меня о томъ, не зналъ бы, какъ отвѣчать“. И подлинно, явственное понятіе времени не безъ трудности находятъ сами изыскатели мудрости. Однако, то извѣстно, что время не есть какая вещь, но свойство, заключаемое въ вещахъ. Міръ сей можемъ мы представить себѣ на подобіе великой рѣки, которая движется непрестаннымъ теченіемъ, и въ которой одна капля влечется за другою. Ежели бы кто на берегу сей великой рѣки сидѣлъ и замѣчалъ оныя взаимныя слѣдованія каплей, тотъ дѣлалъ бы не иное что, какъ считалъ бы время, и когда бы то теченіе разсѣкалъ или на много или на мало, то изъ того происходило бы время или долгое или краткое. Мы обыкли счислять время по теченіямъ солнца и луны: ибо рѣдко какое тѣло

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1766 года.

имѣетъ столь порядочное теченіе, какъ оныя свѣтила. Сіе и надобно для вѣрнаго исчисленія времени,—что Самъ Богъ подтверждаетъ въ книгѣ Бытейской: „Да будутъ,—сказалъ Онъ,—свѣтила на тверди небесней... въ знаменія и во времена, и во дни и въ лѣта“ (Быт., 1, 14). Отсюда-то явствуетъ, что время безъ перемѣнъ быть не можетъ, и все, что подлежитъ перемѣнамъ, есть во времени; а что подлежитъ перемѣнамъ, то подвержено и тлѣнію. Красота цвѣтовъ увядаетъ; пріятная, покрывающая землю, зеленость желтѣетъ и изсыхаетъ; высокіе кедры сокрушаются; твердые металлы съѣдаетъ ржа; всѣ животныя на воздухѣ, на землѣ и въ водѣ умираютъ и гніютъ; изъ гладкихъ полей вдругъ дѣлаются бездны, а изъ безднъ выходятъ огнедышущія горы. Гдѣ теперь—оныя, древностію прославляемыя, пирамиды, обелиски, статуи, колоссы и висячіе сады? гдѣ—бывшія цвѣтущія имперіи вавилонская, египетская, персидская, греческая, римская? Все уступило времени, все погребено подъ развалинами вѣковъ.

Изъ общей судьбы всѣхъ вещей нельзя выключить и насъ: ибо и человѣкъ—во времени, и всѣ его дѣла—во времени. Еще бо мы не достигли до оной блаженной вѣчности, Христомъ обѣщанной; еще не возсіяваетъ намъ то солнце, которое днемъ и нощію свѣтитъ и не знаетъ запада; еще не дошли мы до того пребывающаго града, котораго строитель и художникъ — Богъ; еще не увѣнчана безсмертіемъ глава наша, еще стоимъ на пути, еще плаваемъ въ океанѣ міра сего. Какія мы терпимъ перемѣны въ семъ странствіи,—кто сего или на другихъ не примѣтилъ, или на самомъ себѣ не дозналъ?

Перемѣна въ насъ бываетъ или по лѣтамъ или по дѣламъ. По лѣтамъ: младенчество полно слабостей; въ среднемъ возрастѣ, ежели что уцѣлѣетъ отъ болѣзней, то съѣдаютъ заботы или несчастія; а несчастіямъ помогаютъ страсти; дряхлая же старость сама чрезъ себя—болѣзнь. Легли здоровы, встали больны; пошли веселы, возвращаемся смутны; теперь красивъ, завтра безобразенъ; нынѣ легокъ и проворенъ, но послѣ скоро, какъ только солнце сдѣлаетъ нѣсколько круговъ, самъ себѣ тягостенъ и несносенъ. Да и надобно ли сему удивляться, когда цѣлость нашего состава разрушается, ежели только порвется тоненькая жилочка, или остановится маленькая капелька крови. Такъ справедливо Писаніе Святое напоминаетъ намъ: „кая жизнь наша?—говоритъ оно,—паръ есть, иже въ малѣ является, потомъ же исчезаетъ“ (Іак., 4, 14). Надменные и высоко о себѣ мечтающіе пусть памятуютъ сію нашего естества слабость; а мы къ тому же прибавимъ и сіе, что жизнь наша, кромѣ всѣхъ оныхъ слабостей, еще ограничена весьма краткими предѣлами. Не успѣемъ, такъ сказать, осмотрѣться, взошедши въ сей, отъ Бога намъ построенный, домъ,—какъ вотъ и зовутъ оттуда вонъ.

Нѣкогда фараонъ спросилъ Іакова, отца Іосифова, сколько ему лѣтъ? Іаковъ отвѣчалъ: „малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего“ (Быт., 47, 9). А сколько тогда ему было лѣтъ?—сто тридцать. Что говоришь ты, старче Божій! еще ли твои лѣта были кратки? О, когда бы ты зналъ, что дніе лѣтъ нашихъ едва достигаютъ семидесяти лѣтъ, а и крѣпкіе едва восьмидесяти, да и то съ трудомъ и болѣзнями! Вотъ—какая въ лѣтахъ нашихъ перемѣна!

Но придемъ въ большее умиленіе, или паче ужаснемся, когда посмотримъ на перемѣну нравовъ нашихъ. О нетвердости младенческихъ, тутъ же и отроческихъ, разсудковъ и желаній не говорю. Юность свирѣпствуетъ сладострастіемъ, мужество — честолюбіемъ, старость — корыстолюбіемъ; въ низкомъ состояніи—малодушны, въ среднемъ—недовольны, въ высокомъ—непомѣрны; въ скудости ропщемъ, въ богатствѣ суетимся, въ чести надымаемся, вездѣ безпокоимъ себя. Невѣжа суевѣрствуетъ, полуученый все знаетъ, просвѣщенный обо всемъ сумнится. Теперь кротокъ и тихъ, черезъ часъ пылаешь гнѣвомъ и мѣшаешь небо съ землею; теперь обходителенъ, пріятенъ и другъ,—завтра и холоденъ, и неприступенъ, и врагъ; нынѣ набоженъ и благочестивъ, а послѣ, сбросивъ съ себя узду страха Божія, бѣгаешь по стремнинамъ и горамъ всякихъ своевольствъ.

Разсуждая сіи перемѣны лѣтъ и нравовъ нашихъ, кого мы поставимъ виною ихъ?—перемѣны нашихъ лѣтъ. Положимъ, что причиною суть неиспытанныя Божіи судьбы; но кому присвоимъ перемѣну нашихъ нравовъ? Дерзнемъ ли то приписать Богу? Но ежели добросовѣстный человѣкъ не можетъ безъ сожалѣнія смотрѣть на сіе нравовъ развращеніе, то всеблагій ли Богъ благоволитъ о семъ? Ахъ, мои слушатели! Виною тому есть небреженіе наше, неосторожность и вольное порабощеніе себя страстямъ. Пускай бы мы извинительны были, ежели бы погрѣшили въ одномъ чемъ или въ другомъ по слабости своей; ибо—человѣки мы. А ежели въ порокахъ себя погружаемъ, ежели записываемъ себя невольниками страстей, ежели не дремлемъ, но на оба уха безопасно спимъ; то не остается намъ, какъ только стыдиться и краснѣть. „Азъ рѣхъ: бози есте. А вы есте плоть, духъ ходяй и не обращаяйся“ (Псал., 81, 6; 77, 39). Того ради подобаетъ намъ себя исправить, чтобы не вотще благодать Божію принять: „се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія“ (2 Кор., 6, 2)!

Но не совсѣмъ же надобно смущаться намъ. Ибо хотя во времени терпимъ мы столь много перемѣнъ, хотя время въ тлѣніе приводитъ все почти, но во времени же паки все отрождается. При открытіи пріятной весны солнце свѣтлѣе блистаетъ, земля украшается цвѣтами, источники прозрачнѣе текутъ, древа покрываются листвіемъ и

плодами, и обновляется весь видъ естества. Между толикими, обновляемыми тѣлами одно-ли наше тѣло истлѣетъ безвозвратно?—нѣтъ, благословенные христіане! И мы ожидаемъ тлѣнному естеству нашему обновляющей весны,—ожидаемъ, егда недостатки наши скроются при свѣтлости блаженной славы: ожидаемъ, „егда смертное сіе облечется въ безсмертіе, и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе (1 Кор., 15, 54). Но пойдемъ далѣе и продолжимъ изъяснять предложеніе наше.

Время есть или прошедшее, или настоящее, или будущее. Прошедшее ничто, настоящее есть едва понимаемая точка, будущее не извѣстно. Не забудьте, что мы здѣсь сравниваемъ теченіе времени съ теченіемъ нашихъ лѣтъ и дѣлъ. Прошедшее лѣтъ нашихъ время—ничто, будущее не извѣстно, настоящее—наималѣйшій пунктъ. Можно сказать о прошедшемъ времени лѣтъ нашихъ, что оно прошло, но нельзя того сказать о нашихъ дѣлахъ: наши прошедшія дѣла не прошли. Нѣтъ, пройти они не могутъ: остались они, да и всегда останутся въ совѣсти. Добрыя дѣла всегда веселятъ, веселятъ своимъ воспоминаніемъ, веселятъ своими безсмертными плодами; а худыя дѣла всегда безпокоятъ своимъ воспоминаніемъ, безпокоятъ своими вредительными слѣдствіями. И такъ, дѣла наши не проходятъ, а хотя бы они и подлинно прошли, но паки возвращаются, добрыя—къ нашей радости, а худыя—къ нашему мученію. Для сего разогнемъ мы святую книгу. Вотъ, что тамъ написано: „въ велицѣмъ дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни; и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ, и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тимоѳ., 2, 20, 21). Вы и безъ меня понимаете силу словъ сихъ. Въ обществѣ христіанскомъ суть и добрые и худые люди: одни подобны златымъ, другіе глинянымъ сосудамъ. Но изъ глинянаго сосуда не можетъ быть золотой, такъ же, какъ и изъ золотого глиняный; а изъ худого человѣка можетъ быть добрый человѣкъ, такъ же, какъ и добрый можетъ стать худымъ. Вы—сосуды златые! вы—добродѣтельныя! вы—усыновленныя Богу души! берегитесь, чтобы не потерять сіе сокровище; берегитесь, чтобы изъ сосудовъ златыхъ не стать глиняными. „Мняйся стояти, пусть блюдется, да не падетъ“ (1 Коринѳ., 10, 12). А вы, сосуды глиняные, вы, которые охотно работаете подъ тяжкимъ игомъ порока, вспомните благородство естества своего и потщитесь изъ сосудовъ глиняныхъ стать златыми. Не знаю, можетъ ли что быть пріятнѣе, какъ видѣть, что грѣшникъ обращается отъ своего заблужденія и чрезъ то дѣлаетъ радость всѣмъ на небеси ангеламъ; напротивъ, нѣтъ плачевнѣе и горестнѣе, какъ видѣть, что хорошій человѣкъ начинаетъ становиться худымъ. И такъ, видимъ мы, что про-

шедшія дѣла возвращаются, добрыя къ нашей радости, а худыя къ нашему мученію. Что же касается до нашихъ будущихъ дѣлъ, они почти всегда бываютъ основаны на прошедшихъ и настоящихъ нашихъ дѣлахъ. Кто всегда ведетъ себя честно и тѣмъ какъ бы нѣкоторую привычку къ добродѣтели снискалъ; кто склонности свои привелъ въ порядокъ; кто и воображеніемъ беззаконія гнушаться пріобучалъ себя, о томъ весьма надежно можемъ заключить, что онъ и впредь или нимало или весьма трудно поколеблется. Наипаче же, наши дѣла зависятъ не отъ слѣпой какой судьбины, но отъ произволенія и Божіей благодати, которая всегда споспѣшествуетъ нашимъ добрымъ намѣреніямъ.

И потому отсюда слѣдуетъ заключить, что продолженіе времени, есть продолженіе благости Божіей къ намъ. Сіе Божіе благодѣяніе прославить въ часъ сей мы должны, ибо теперь входимъ мы въ двери новаго года. Новый годъ есть благопріятный всякому случай къ новымъ подвигамъ, къ новымъ заслугамъ, случай благословенный къ продолженію добрыхъ намѣреній, къ оказанію ревности, къ исправленію погрѣшностей: младымъ—къ снисканію просвѣщенія, старымъ—къ пріуготовленію себя къ нестарѣющей жизни, грѣшникамъ—къ покаянію, праведникамъ къ большему въ добродѣтели успѣху; всѣмъ—къ исполненію своей должности.

Въ сіи златыя двери новаго года, рукою Божію отворенныя, первую Тебя, Всепресвѣтлѣйшая Монархиня наша, вводитъ Господь вѣковъ и Владыка всякой жизни: первую, говорю, ибо Ты—первая служительница дѣлъ Господнихъ, первое и священное орудіе рукъ Его. При входѣ Твоемъ въ сей священный храмъ времени, что Тебѣ выходитъ въ срѣтеніе, благоволи объявить намъ, намъ усердіемъ слѣдующимъ за Тобою? Но видимъ и очень ясно видимъ, что встрѣчаетъ Величество Твое трудъ и попеченіе обо всѣхъ насъ. О, повидимому, непріятная встрѣча, однако, необходимо нужная и притомъ препрсвождаемая удовольствіемъ совѣсти и вѣчнаго награжденія! Подвигъ прешедшаго года Ты благополучно окончила, другой слѣдуетъ. Теки, священная главо наша, теки симъ благословеннымъ путемъ. За прешедшее благодаря, весело предъ Господомъ возглашай: „Боже, въ псалтири десятоструннѣмъ воспою Тебѣ, дающему спасеніе царемъ“ (Псал., 143, 9, 10). И сіе благоспѣшество въ прешедшихъ дѣлахъ да будетъ Тебѣ несумнительнымъ увѣреніемъ и о будущемъ Господнемъ благоволеніи къ Тебѣ. А мы, что въ благодарность принесемъ за всѣ Твои благодѣянія, за всѣ труды и неуслышныя о насъ попеченія, самодержавію Твоему? что?—принесемъ усердіемъ зажженное, а вѣрностію запечатлѣнное сердце: больше сего ничѣмъ заслуги свои наградить не мо-

жемъ. Сіе признаніе недостатковъ нашихъ увеличиваетъ славу Твою.

Что же скажемъ Тебѣ, златая вѣтвь златаго древа, благовѣрный Государь Цесаревичъ! Ты, съ теченіемъ времени, возрастаешь къ радости нашей,—почему въ засвидѣтельствованіе усердной Твоей Всемомущему Промыслителю благодарности, всякій часъ почитай за дражайшій случай къ пріумноженію внутренняго Твоего сокровища, и при восхожденіи Твоемъ на высоту лѣтъ съ большимъ сіяніемъ да блистаютъ Твои, намъ прелюбезныя, дарованія. Такимъ образомъ, весна Твоихъ лѣтъ возложитъ на главу Твою вѣнецъ, сплетенный изъ цвѣтовъ премудрости и добродѣтели.

Боже! въ десницѣ Твоей содержай всѣ концы земли, отворивый намъ двери новаго года, отверзи и двери правды, да вшедъ въ нихъ принесемъ Тебѣ жертву благихъ дѣлъ въ воню благоуханія духовнаго, дондеже сподобимся наслаждаться Самимъ Тобою въ блаженной вѣчности. Аминь.

Слово, сказанное при погребеніи

Господина Генералъ-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и святыя Анны, Кавалера, бывшаго Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина *).

„Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ“.

(Апок., гл. 14, ст. 13).

Сей печальный гробъ представляетъ предъ очи наши общую человѣческую судьбу, которой никто изъ смертныхъ избѣжать не можетъ. Но, почто я сказалъ, избѣжать? ибо о смерти суть разныя человѣческія мнѣнія. Иные, подлинно, смерти страшатся и всемѣрно желали бы оной избѣжать; а другіе, напротивъ, не только смерти не ужасаются, но нѣкоторымъ образомъ оной и желаютъ. Одни говорятъ: „О смерте, коль горька твоя есть память“? а другіе вопіютъ: „Мнѣ еже жити, Христосъ, а еже умрети, пріобрѣтеніе есть. Увы мнѣ, яко пришельствіе мое“, то есть, странствованіе въ жизни сей, „продолжися“ (Сирах., 41, 1; Филип., 1, 21; Псал., 119, 5)! Сія разность мнѣній человѣческихъ о смерти происходитъ оттого, что одни, будучи плѣнены страстями, чрезмѣрно привязываютъ себя къ жизни сей; другіе, будучи плѣнены любовію Бога, ищутъ совершеннаго съ Нимъ соединенія. Мы, слушатели, суще чада Церкви и дѣти воскресенія, да подражаемъ при-

*) Говорено въ Невскомъ монастырѣ, апрѣля 15 дня, 1766 года.

мѣру благочестивыхъ, и небоязненнымъ духомъ должны встрѣчать приходящую смерть. Но, чтобы намъ больше увѣренными остаться въ томъ, посмотримъ, *что мы чрезъ смерть теряемъ въ жизни сей и что пріобрѣтаемъ въ жизни будущей?*

Смертію разрушается сей нашъ тѣлесный составъ, и душа, аки обнаженная, изъ жилища своего выходитъ. „Но вѣмы, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе имамы отъ Бога, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор., 5, 1). Почему не о томъ скорбѣть надобно, что на время одежду тѣла скидаемъ съ себя, но паче о семъ воздыхаемъ, облещися желающе въ жилище наше небесное.

Смертію лишаемся жизни сей, которая, сколь многими горестями есть наполнена,—кому изъ васъ не извѣстно. Чрезъ все теченіе краткой жизни сей боремся мы съ болѣзнями, съ бѣдами, съ несчастіями, а паче со страстями. Сколько въ свѣтѣ есть болѣзненныхъ Лазарей, сколько страждущихъ Іововъ, сколько несчастливыхъ Іосифовъ! Яко въ оксанѣ, волнуемся житейскими попеченіями, и одна, такъ сказать, волна не успѣетъ пройти, какъ надобно встрѣчать другую. И сіи тяжкіе удары не престаютъ насъ поражать дотолѣ, пока, напослѣдокъ, не опровергнутъ во гробъ, яко разбитый корабль—въ пристанище. Такой жизни мы чрезъ смерть лишаемся!

Но, вмѣсто той, пріобрѣтаемъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—жизнь, въ которой нѣтъ страсти смущающей, нѣтъ зависти изсушающей, нѣтъ бѣдъ оскорбляющихъ, въ которой нѣтъ дряхлой старости, нѣтъ же и младенческой слабости, но состояніе присноцвѣтущее, никакимъ перемѣнамъ неподлежащее, пребываніе блаженное, никакихъ предѣловъ неимущее, житіе непорочное отъ всякихъ несовершенствъ удаленное. Сіе въ высокой мысли своей воображая, блаженный Давидъ съ радостнымъ восторгомъ возопилъ: „Господи силъ, блажени живущіи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя. Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ“ (Псал., 83, 5, 11).

Смертію лишаемся мы всѣхъ всѣхъ богатствъ: ибо извѣстно, что какъ наги взошли въ міръ сей, наги и выйдемъ. Но не знаю, должно ли намъ печалиться о сей утратѣ, ежели разсудимъ, сколько надобно суетиться, чтобы пріобрѣсти ихъ, а не меньше заботиться, чтобы сберечь оныя. Ежели снискивать богатство честнымъ образомъ, надобно весьма много труда; ежели—безчестнымъ, надобно отяготить совѣсть свою; ежели его ни на что не жалѣть, надобно впасть въ безпутную роскошь; ежели чрезмѣрно беречь его, надобно обезславить себя гнуснымъ порокомъ скупости. Но положимъ, что богатство здѣсь есть полезно для всякихъ житейскихъ нуждъ; да можно ли сказать что оное теряемъ мы, когда промѣниваемъ его на богатство небесное? Не въ

нашихъ ли ушахъ слышно всегда оное Евангельское слово: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ: идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше“ (Матѳ., 6, 19, 21).

Смертію лишаемся мы почестей. Подлинно, здѣсь надобно оставить всѣ гербы нашего достоинства и проститься со всѣми титлами славы нашей. Но не высочайшей ли есть чести степень, чтобы удостоиться быть участникомъ сокровенныхъ Божіихъ совѣтовъ и пребывать въ Его вѣчной любви? Святый Богословъ въ Откровеніи видѣлъ блаженныхъ, сѣдящихъ на престолахъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, носящихъ торжественныя вѣтви, и имѣющихъ вѣнцы златые на главахъ своихъ (Апок., 20, 4).

Смертію лишаемся мы пріятелей и друзей, но какихъ?—часто невѣрныхъ ласкателей, которые больше смотрятъ пользу свою, нежели нашу. Хотя и, подлинно, лишаемся истинныхъ пріятелей и вѣрныхъ друзей, но, вмѣсто того, входимъ въ сожитіе съ чистѣйшими ангелами, съ пророками, съ преславнымъ апостольскимъ ликомъ, съ торжествующими мучениками, съ увѣнчанными преподобными и со всякимъ праведнымъ духомъ; будемъ веселиться ихъ обращеніемъ, услаждаться бесѣдою, играть отъ шума празднующихъ. Да еще и того нельзя сказать, чтобы мы вѣрныхъ друзей лишались: нѣтъ, мы только предшествуемъ имъ и за нѣсколько времени напередъ, какъ бы изъ потопленія, на берегъ выплываемъ: рано ли поздно ли, всѣ къ единой мѣтѣ поспѣшаемъ.

Смертію наша тѣлесная красота помрачается, всѣ части согниваютъ и въ прахъ обращаются, разсыпаются кости, разрываются жилы, и весь составъ истлѣваетъ. Но нѣкогда, въ послѣдній день, воскреснемъ со славою, и тогда предъ имѣющимъ возсіять Солнцемъ правды, Христомъ, предстанемъ веселыми и радостными: очистятся наши чувства, просвѣтится мысль, всѣ душевныя и тѣлесныя силы прославятся. „Еже бо сѣется,—по Апостольскимъ словамъ,—въ немощи, то востаетъ въ силѣ: сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ“ (1 Кор., 15, 42, 43).

Смертію разстаемся мы со свѣтомъ, и всѣ вещи при западѣ нашемъ пропадаютъ изъ глазъ нашихъ. Но, вмѣсто того, входимъ торжественно во врата вѣчности и соединяемся съ крайнимъ добромъ, Богомъ. Сей союзъ блаженнаго съ Богомъ будетъ столь крѣпокъ, что Богъ будетъ въ немъ, а онъ—въ Богѣ, будетъ обоженъ, или, по Павлову слову, „Богъ будетъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28), то есть Онъ будетъ разуму—свѣтъ, сердцу—веселіе и тишина, очамъ—

радость, вкусу—сладость, ушамъ—пріятность. Онъ будетъ тѣлу красота, пища и одежда; Онъ будетъ всяческая во всѣхъ. И тогда исполнится пророчество Исаіино: „Пріидутъ въ Сіонъ съ радостію и веселіемъ вѣчнымъ: на главѣ бо ихъ и веселіе и хвала и радость пріиметъ я, отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе“ (Іс., 35, 10).

Теперь мы можемъ видѣть, слушатели, сколь мало смерть есть страшна человѣку, утвержденному христіанскимъ упованіемъ; и потому можно заключить, что, кто, лишаясь жизни сей, получаетъ жизнь вѣчную, безболѣзненную,—лишаясь богатства земного, воспріемлетъ богатство небесное,—лишаясь друзей, тотъ удостоивается сожитія святыхъ. Кто, разставшись съ свѣтомъ симъ, сподобляется быть участникомъ блаженнаго лицезрѣнія Божія,—тотъ не умираетъ, но преставляется отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси,—на малое время сномъ смерти засыпаетъ, чтобы свѣтлѣе воскреснуть въ соборѣ святыхъ; тотъ не умираетъ, но возобновляется, прославляется и отъ всѣхъ своихъ трудовъ успокоивается. „Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ“.

Таковою блаженною кончиною опочилъ въ Бозѣ сей, высокопочтенный и многими титлами прославленный, мужъ, „имя рекъ“, котораго тѣло предаемъ земли, изъ коей оно и создано, а духъ молитвами всей Церкви препоручаемъ щедротамъ и милосердію Божію. „Блаженъ тотъ, по словамъ Писанія Святого,—за которымъ благія дѣла вслѣдъ его ходятъ“! Мужъ сей знаменитыми своими дѣлами еще въ жизни сей заслуживалъ себѣ безсмертіе и, собирая сокровище добродѣтелей, предуготовлялъ себя чрезъ то къ сокровищу небесному, некрадомому. Отъ самыхъ младыхъ лѣтъ посвятилъ онъ себя общей пользѣ своего отечества и такъ восходилъ по степенямъ почестей, что одно достоинство было основаніемъ и заслугою другого. Былъ онъ уже въ знатнѣйшихъ должностяхъ еще при ономъ, безсмертія достойномъ, Государѣ Петрѣ Великомъ, и къ сему преславному Монарху отправленъ былъ отъ королевскаго аглицкаго двора съ кредитивомъ министра,—чѣмъ, какъ премудраго онаго Самодержца сердце было особливо обрадовано, такъ и онъ получилъ отмѣнную себѣ славу, и отъ щедраго Государя награжденіе. Былъ также министромъ и при другихъ разныхъ иностранныхъ дворахъ и отличалъ себя прозорливою политикою въ неопущеніи пользы дражайшаго отечества своего. Потомъ, будучи возведенъ на высокое достоинство главнаго министерства, онъ-ча раменахъ Своихъ несъ тяжесть многихъ государственныхъ дѣлъ столь благополучно, что тѣмъ облегчалось чувствительно бремя атласа Россійскаго; и по всему тому былъ вѣрный Самодержцевъ Всероссійскихъ слуга, общества полезный членъ, отечества истинный патріотъ.

Всѣ сіи добродѣтели, можетъ, не такъ были бы видны, ежели бы Богъ, по невѣдомымъ Своимъ судьбамъ, не посѣтилъ его нѣкоторыми несчастіями, но которыя онъ столь великодушно снесъ, что показалъ себя и безропотательнымъ послушникомъ судебъ Божіихъ, и благочестивымъ христіаниномъ. Почему, наконецъ, и обрадовалъ его Богъ, въ награжденіи терпѣнія его, высочайшимъ къ нему благоволеніемъ нынѣ благополучно царствующей Всепресвѣтлѣйшей Великой Самодержицы нашей. Въ семъ состояніи послѣдніе свои дни онъ посвятилъ богомыслію и приготовленію себя къ вѣчному покою и, въ глубокой старости достигши 73 лѣтъ, преставился благочестиво и можетъ съ Павломъ сказать: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдахъ“ (2 Тимоѳ., 4, 7). А мы, со всею Церковію, помолимся о немъ, да вѣнецъ правды воздастъ ему Господь праведный Судія, и въ ликѣ блаженныхъ да устроитъ его въ святой Своей вѣчности. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій *).

„Рцыте дшери Сіоновѣ: се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“.

(Матѳ., гл. 21, ст. 5).

Видя днесь Церковь Божію, со всякимъ благочиніемъ собравшуюся, увѣряю себя, что вижу я духовный Іерусалимъ, таинственный Сіонъ градъ Бога живаго. Да вкупѣ умными очами зрю и Божественнаго Избавителя, предуготовляющаго Свое преславное, не въ земный оный Іерусалимъ, но въ души ваши вшествіе, и желающаго въ сердцахъ вашихъ вѣчную Себѣ поставить обитель. Ибо Самъ Онъ сказалъ: „идѣже собрани будутъ два или тріе во имя Мое, ту есмь и Азъ посредѣ ихъ“ (Матѳ., 18, 20). Почему, имѣя отъ Евангелія повелѣніе, чтобы о томъ всей Церкви возвѣстить, велегласно во уши ваши вопію: „Се, Царь вашъ грядетъ вамъ кротокъ“. Сколь ни вожделѣнно само по себѣ Его пришествіе, но оно тѣмъ радостнѣе, что препровождаемо есть кротостію: „се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“. Хотя вся жизнь Его украшаема была сею добродѣтелію, но ею обрадовалъ Онъ насъ наипаче тогда, когда шествовалъ въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы положить основаніе Новаго Завѣта, и запечатать оный Своею кровію,—съ тѣмъ, чтобы объявить Себя Законодателемъ Евангельской благодати, и ея дѣйствіе поставить правиломъ вѣры и любви. Такъ, ежели великій Законодатель нашъ столь кротокъ и тихъ, что не приводитъ въ суетное

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ придворной церкви, 1766 года, апрѣля 6 дня.

удивленіе наружною пышностію и не поражаетъ сердца смертныхъ страхомъ, ежели Онъ, — по Пророческимъ словамъ, — „не преречетъ, не возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа его“ (Ис., 42, 2); ежели Онъ послушливъ былъ даже до смерти; ежели Онъ и за распинателей Своихъ молился: то какой можетъ быть законъ Его? какой?— развѣ кроткій, снисходительный, утѣшительный, радостный.

Но, понеже сія матерія и сама чрезъ себя есть важная, и намъ, яко христіанамъ, весьма полезная, а инымъ, имѣющимъ малое, можетъ, о ней просвѣщеніе, и неотмѣнно нужная: такъ изслѣдуемъ, *какое есть спокойство или характеръ Евангелія*? А Ты, Христе Спасителю, истину Евангелія чрезъ слово Твое въ сердцахъ нашихъ насади, насажденную благодатію Твоею напой, а добродѣтелію возрасти.

Чтобы имѣть намъ ясное понятіе объ Евангеліи, надобно наперед знать, что есть законъ, и какія его свойства? Подъ именемъ закона разумѣемъ мы врожденную всякому человѣку силу, по которой узнаетъ онъ, что—добро, и что—худо, и что дѣлать, и что не дѣлать надобно. Сей законъ называется естественный, по правиламъ котораго точно поступать мы обязаны совѣстію своею. Кто сей законъ совершенно исполнитъ, тотъ предъ судомъ Божіимъ есть праведенъ, поелику исполнилъ все то, что ему въ законѣ предписано; а кто въ чемъ-нибудь наималѣйшемъ законъ преступилъ, тотъ предъ Божіимъ судомъ сталъ повиненъ и подверженъ Его правосудію. Ибо, какъ не возможно, по силѣ вѣчной правды, не признать праведнымъ совершеннаго исполнителя закона, такъ не возможно не почесть повиннымъ преступника закона. Ежели бы кто законъ исполнилъ совершенно и чрезъ то праведнымъ сталъ бы предъ Богомъ,—такое оправданіе, по христіанскому богословію, было бы „оправданіе отъ дѣлъ закона“, и сей способъ оправданія, могу сказать, былъ бы самый естественный. Слѣдовательно, ежели бы сей естественный способъ оправданія оставался и нынѣ въ полной своей силѣ, то и не было бы нужды въ Евангеліи, какъ говоритъ Апостолъ: „Аще законом правда, убо Христосъ туне умре“ (Галат., 2, 21).

Но можемъ ли мы оправдаться онымъ естественнымъ способомъ, то есть, исполненіемъ закона, — я то оставляю суду совѣсти вашей. А между тѣмъ объявляю вамъ мнѣніе Апостольское, какое онъ, въ лицѣ своемъ, произноситъ о всѣхъ людяхъ: „законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага; но азъ плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ: не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣваю“ (Римл., 7, 12, 14, 15). А изъ того заключаетъ оный великій учитель: „яко нѣсть праведенъ никто же, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Богови, зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ“

(Римл., 3, 10, 20). Такъ, вотъ, видимъ, что оный естественный способъ оправданія болѣе не можетъ силы своей имѣть, или, лучше сказать, словами Писанія Святого, „законъ изнемогъ“ въ томъ, чтобы представить насъ праведными предъ Богомъ чрезъ исполненія свои; слѣдовательно, ясно видите, что одна натуральная религія болѣе въ мірѣ мѣста своего имѣть не можетъ.

Дозвольте мнѣ теперь отворить дверь къ Евангелію. Въ такомъ печальномъ состояніи, скажите, чѣмъ вы утѣшите себя? Скажите, чѣмъ ободрите вы свой разслабленный духъ? чѣмъ увѣрите повинное сердце свое, что оно суда Божія бояться не должно? хощете ли, чтобы правосудный Богъ пришелъ къ вамъ въ сіяніи неприступной славы, въ гнѣвѣ ярости Своей, и требовалъ бы отъ васъ точнаго исполненія заповѣдей Своихъ? или желаете, чтобы Онъ, скрывъ нестерпимые для грѣшника лучи Своего Божества, явился подъ образомъ естества нашего и Своею снисходительною кротостію утѣшилъ бы нашъ трепещущій духъ? О, Боже милосердый! не вниди въ судъ съ рабы Твоими. Въ Тебѣ сокровенны неисчерпаемые источники благости. Когда мы не можемъ похвалиться исполненіемъ закона, остается намъ единое средство, чтобы съ истиннымъ покаяніемъ прибѣгать къ Господню милосердію; а проповѣдь милосердія есть Евангеліе. Когда не можемъ оправдать себя дѣлами, остается имѣть упованіе оправдаться благодатію; а ходатай благодати есть Господь Іисусъ Христосъ. Когда не можемъ мы сами чрезъ себя, за преступленіе закона, удовлетворить Божію правосудію,—имѣемъ единороднаго Сына Божія, удовлетворившаго за насъ жертвою смерти Своея. „Благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ: Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 8, 9). Итакъ, прейде сѣнь законная, благодати пришедшей.

Но, можетъ, я отяготилъ мысль вашу сими высокими разсужденіями: однако, будучи увѣренъ о вашей усердной охотѣ къ слушанію слова Божія, дерзаю продолжать рѣчь мою. Чтобы еще больше узнать намъ духъ Евангелія, изъяснимъ сіе такимъ примѣромъ, на которомъ прежде всѣхъ оказалась Евангельская сила. Первый человѣкъ созданъ въ неповинности и, за правило всѣхъ своихъ дѣйствій, имѣлъ законъ совѣсти своей. Ежели бы онъ свою неповинность не опорочилъ никакимъ преступленіемъ закона, онъ былъ бы въ состояніи естественнаго, а не Евангельскаго закона. Но когда законъ преступилъ, въ то самое время естественный способъ оправданія потерялъ свою силу, а, вмѣсто того, открылись ему вдругъ два состоянія, состояніе—правосудія и состояніе милосердія Божія: правосудія, ежели бы въ преступленіи своемъ остался онъ нераскаяннымъ; а милосердія или Евангелія, ежели бы съ чистымъ покаяніемъ призналъ свою немощь. Почему милосердый Богъ

и призвалъ его симъ, по истинѣ, Евангельскимъ гласомъ: „Адаме, гдѣ еси“ (Быт., 3, 10)? Въ какомъ состояніи—ты, возлюбленное рукъ Моихъ созданіе? почто скрываешься? гдѣ дерзновеніе врожденной тебѣ неповинности? Вижу Я, что подвергъ ты себя суду своей совѣсти, но Я милосердіемъ Моимъ утѣшаю тебя и, понеже ты нарушилъ завѣтъ закона, пріемлю тебя въ новый завѣтъ благодати.

Какими словами утѣшалъ Богъ перваго человѣка, тѣми же призываетъ и насъ къ Себѣ дражайшій Спаситель нашъ. Онъ говоритъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѳ., 11, 28).

Кто изъ христіанъ, слыша сіи слова, не возрадуется духомъ своимъ, и не признаетъ снисходительное свойство Евангелія? Для того-то Пророкъ, предвидѣвъ сію благодать, повелѣваетъ возвѣстить о ней всей Церкви: „рцыте дщери Сіоновѣ: се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ“ (Ис., 62, 11). Для сего и я, по случаю кроткаго Его вшествія въ Іерусалимъ, которое мы нынѣ празднуемъ, почелъ за пристойное говорить объ утѣшительномъ свойствѣ Евангельскаго закона.

Ежели бы кто, совсѣмъ тѣмъ, защищалъ естественный законъ съ предосужденіемъ Евангельской благодати (ибо, впрочемъ, и мы его не отвергаемъ), тому я съ Павломъ свидѣтельствую, что онъ долженъ весь законъ исполнить; но, когда явится преступникомъ его, ему нѣтъ больше участія въ благодати Евангельской; а, вмѣсто того, самъ себя онъ подвергаетъ правосудію Всемогущаго. Такая несчастливая мысль рождается отъ неумѣреннаго самолюбія, отъ сокровенной гордости, отъ непризнанія своей слабости, отъ незнанія силы закона, отъ невѣдѣнія Божія правосудія. Но, познавъ свойство Евангелія, не оставимъ, хотя кратко, изъяснить дѣйствія или плоды Христовой благодати.

Когда Евангельскій законъ основанъ на милосердіи Божіемъ, прямо изъ того слѣдуетъ, что, кто прибѣгъ подъ покровъ сей благодати, тотъ пріемлетъ оставленіе грѣховъ, входитъ въ златое состояніе первосозданной неповинности, вступаетъ въ завѣтъ любви, присвояется въ число чадъ Божіихъ. О, благость неизглаголанная! не только не осудилъ грѣшныхъ насъ, но и помиловалъ, — не только помиловалъ, но и оправдалъ, — не только оправдалъ, но и удостоилъ быть чадами любви Своей.

„Тѣмъ же убо,—привѣтствуетъ насъ святый Апостолъ,— къ тому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу“ (Ефес., 2, 19). „И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего, въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче. Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, то наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ“ (Галат., 4, 6, 7).

Сія-то сыновняя любов истинныхъ христіанъ къ Богу заставляетъ ихъ произносить оныя жаркія слова: „сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми“; и потому „дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу“ (2 Кор., 5, 4, 8). Доколѣ, радость наша, будешь скрываться отъ насъ? Ты возжегъ искру Твоей любви въ сердцахъ нашихъ, приведи оную въ совершенный пламень. Духъ нашъ возносится къ Тебѣ и не престаетъ безпокоиться, пока совершенно не успокоится въ Тебѣ. Ты намъ вліялъ предчувствіе блаженства Твоего, дай и совершенное наслажденіе. Кто въ душѣ своей находитъ такое расположеніе, тотъ есть участникъ благодати и сынъ царствія.

Но не оставимъ помянуть еще сладчайшій плодъ Евангелія, а именно, что оно для насъ—дѣйствительнѣйшее побужденіе къ исполненію воли небеснаго Отца. Подлинно, и законъ насъ къ тому же побуждаетъ, но страхомъ, а Евангеліе—любовію. И потому послѣдователь закона, какъ рабъ, боясь наказанія своего господина, аки не хотя дѣлаетъ добро; а послѣдователь Евангелія, яко сынъ, по усердію отдаетъ себя въ объятія добродѣтели. Какъ? буду ли я и тогда неблагодарнымъ, когда отъ щедрой руки Господней получилъ столь изобильныя благодѣянія? буду ли столь ослѣпленъ, чтобы хотѣлъ своими пороками оскорблять столь любовнаго ко мнѣ Отца?

Въ разсужденіи сего святый апостолъ Павелъ вопіетъ: „нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатію“ (Римл., 6, 14). Благословенные христіане! вы нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатію, не для того, аки бы вы уволены были отъ исполненія закона, но для того, что возбуждать себя должны вы къ исполненію его не страхомъ, а сыновнимъ усердіемъ. „Нѣсте подъ закономъ, но подъ благодатію“.

О, блаженныхъ насъ, удостоившихся причастниками быть толикой благости! слыши, дщерь Сіоня! слыши, Христова Церковь! се, Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ. Постели предъ Нимъ ризы смиреннаго сердца; встрѣчай Его съ ваіями добродѣтели и радостнымъ восклицаніемъ, открой Ему усердную внутренность свою.

А ежели кто сей радости не чувствуетъ, у того, видно, еще не расцвѣли вѣтви покаянія, или и расцвѣтшія увяли. Но мы, суще чада Евангелія, утвердимъ себя въ благодати сей твореніемъ благихъ дѣлъ, тѣмъ паче, что приближаются дни искупленія нашего, да сподобимся, понесши крестъ страстей Господнихъ, быть обрадованными и славою Его воскресенія. Аминь.

Слово о содѣявшихъ въ 1754 году убійство надъ матерію и сестрою своими, а нынѣ преданныхъ церковному покаянію предъ народомъ *).

Православной Церкви чада!

Церковь Божія видитъ теперь предъ очами своими печальное зрѣлище, которымъ матернее ея сердце внутренне прободается. Се, вамъ предстоятъ два злодѣя, къ тягчайшей смерти осужденные: мужъ и жена, убійцы матери и сестры своей. О, страшнаго злодѣянія! о, звѣрскаго терзанія! таковою, едва слыханною, дерзостію возстали они противъ самаго естества, погасили внутреннее чувствіе совѣсти; попрали кровь Новаго Завѣта, обезчестили Евангеліе, оскорбили Духа Божія, себя оторвали отъ тѣла Церкви Христовой. О, какая лютая язва для Церкви! Вѣдаете вы, что Церковь есть священное стадо духовныхъ овецъ; но се—ея буря и волны. Церковь есть мать, въ нѣдрахъ своихъ согрѣвающая чадъ своихъ, но се—ея изверги. Кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ, да возможемъ оплакать бѣдное сихъ преступниковъ состояніе!?

Извѣстно вамъ, православные христіане, сколь страшное опредѣленіе законъ Божій издаетъ на человѣкоубійцъ. Въ словѣ Божіемъ написано тако: „Проливаяй кровь человѣчу, въ ея мѣсто его проліется: яко во образъ Божій сотворихъ человѣка“ (Быт., 9, 6), глаголетъ Господь Саваоѳъ. А сила сихъ словъ есть та, что человѣкоубійца согрѣшаетъ противъ самого величества Божія, и власть, которую Богъ имѣетъ надъ жизнію человѣческою, злодерзкій сей похищаетъ у Него.

Но что можемъ мы сказать объ отцеубійствѣ? какую заслуживаетъ оно казнь? Божественный Законодатель объ отцеубійцѣ ничего и не помянулъ, какъ будто не надѣялся Онъ, чтобы могло быть такое чудовище, которое вооружилось бы противъ давшихъ ему жизнь, ибо въ законѣ гласитъ тако: „иже злословитъ отца своего, или матерь свою, смертію да умретъ, и иже біетъ отца своего или матерь свою, смертію да умретъ“ (Исх., 21, 15, 16). Видите, что законъ тому, кто злословитъ или бьетъ родителей, опредѣляетъ смерть; а о тѣхъ, которые родителей убиваютъ, ничего не упоминаетъ: не для того, аки бы они не достойны были всякой казни, но для того, что будто невѣроятнымъ казалось быть такой ехиднѣ, которая растерзала бы утробу своей матери. И ежели тотъ, кто злословитъ своихъ родителей, подлежитъ

*) Сказано въ Москвѣ въ притворахъ церквей, куда преступники приводимы были, 1769 года, въ мѣсяцѣ Маѣ

смерти и временной и вѣчной, то какой уже казни повиненъ есть тотъ, который свои несчастныя руки омочилъ въ крови своей матери и сродства своего? Въ такой грѣшной душѣ сама совѣсть есть жесточайшее и непрестанное мученіе, и судъ сей совѣсти тѣмъ страшнѣе, что онъ есть нѣкоторое преддверіе будущаго праведнаго суда. О, коль страшно есть впасть въ руки Бога жива! „Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое“ (Римл., 2, 8, 9).

Но, о, Боже праведный! „аще беззаконія назриши, кто постоитъ“ (Псал., 129, 3)? Твое есть оное, оживляющее насъ, слово: „яко не хощу смерти грѣшника, но еже обратитеся и живу быти ему“ (Іезек., 33, 11). Подлинно, законъ преставляетъ намъ Бога праведнѣйшимъ и нелицепріятнымъ Судіею; но Евангеліе намъ проповѣдуетъ Его же благоутробнымъ Отцемъ. Законъ отворяетъ преступникамъ своимъ адъ; но Евангеліе отверзаетъ кающимся рай. Законъ вопіетъ: „проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Второз., 27, 26); но благодать съ кротостью призываетъ и говоритъ: „обратитеся, и обращуся къ вамъ. Измыйтеся и чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима. И аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю“ (Ис., 1. 16, 18).

О, крайняго снисхожденія небеснаго! Самъ Господь Богъ, будучи подвиженъ неизлаголаннымъ милосердіемъ, принялъ на Себя нашу тлѣнную плоть! Всѣ естества нашего немощи на Себѣ понесъ, пострадалъ и умеръ съ тѣмъ единственно, чтобы грѣшнаго человѣка спасти, падшаго возставить, немощнаго исцѣлить, беззаконіями умершаго воскресить, и для того Самъ Онъ Себя уподобляетъ доброму пастырю, ищущему, погибшей и на горахъ заблуждающей, овцы (Матѳ., 18, 12, 13).

Таковаго милосердія Своего яснѣйшіе примѣры Господь оставилъ намъ. Онъ Давида, неповинно убившаго Урію, но покаявшагося, помиловалъ; Онъ мытаря, грѣхами отягченнаго, оправдалъ; Онъ Петра, отвергшагося Его, но обратившагося не презрѣлъ, а принялъ его горькія слезы. Онъ Савла, бывшаго гонителя Своего и убійцу многихъ святыхъ, но обратившагося, не только не осудилъ, а еще устроилъ его Своимъ избраннымъ сосудомъ, и причелъ его къ апостольскому лику. Онъ разбойника, который неповинно умертвилъ многихъ людей, разбойника, говорю, не отвергъ, но принялъ его истинное, краткими словами изъясненное, покаяніе, и двери царствія ему отверзъ.

Да почто приводить намъ, возобновленные, многіе примѣры? Мы сами, благословенные христіане, мы сами — живое свидѣтельство сей великой благодати Божіей. Послушайте что Апостолъ ко всѣмъ намъ

вопіетъ: „Богъ богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюби насъ, сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми, сооживи Христомъ: благодатію есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ насъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Ефес., 2, 4, 5, 8, 9).

Кто изъ насъ, братіе, слыша сіи великіе примѣры человѣколюбія Господня, не утвердитъ сердце свое, чтобы грѣхами не оскорблять сего милосердаго Благодѣтеля? И кто, чувствуя совѣсть свою, беззаконіями отягощенную, не отвергнетъ отчаяніе и къ милосердію Господню не прибѣгнетъ?

Сія благодѣтельная Божія десница касается и васъ, злосчастные убійцы! Сей источникъ благости и вамъ отворенъ, ежели только чувствуете раскаяніе въ злодѣйствѣ своемъ. Не слышите ли, какъ благодать ударяетъ въ двери вашего сердца, и вопіетъ въ уши ваши сладчайшій гласъ нашего Спасителя: „Пріидите ко Мнѣ вы, обремененные грѣхами! Я вашихъ беззаконій отвращаюсь, но ваше покаяніе не отвергаю (Матѳ., 11, 29). Мнѣ ненавистно ваше сердце, но—когда оно есть нераскаянно; ваше обращеніе, отъ зла на добро, превращаетъ Мой судъ на милость. Ваши слезы погашаютъ огнь Моей ярости. На ваше обѣщаніе исправленія, Мои руки къ объятію вашему простираются. Страшитъ васъ Мое правосудіе: подлинно, стрѣлы онаго уже на васъ напряжены; но милосердіе Мое превозмогаетъ. Посмотрите на Мои раны, которыми Я за грѣхи ваши уязвленъ; посмотрите, сквозь прободенное копіемъ ребро, на сердце Мое,—и видите, коликою оно пылаетъ къ любовію человѣчеству“.

Сими, даже каменную душу умягчить могущими, словами подвигнувшись, соберите вы свой смущенный духъ, слезами сокрушите сердце свое, и тяжкими воздыханіями откройте внутренность свою Врачу душъ и тѣлесъ. Церковь Христова, имѣя порученную ей власть вязать и рѣшить, увѣряетъ васъ именемъ Господнимъ, что ваше покаяніе не отвергнуто, но принято будетъ, яко драгій залогъ обращенія вашего отъ зла къ добру. Да и самымъ дѣломъ вы въ томъ уже увѣрены: ибо видите, что святая Церковь васъ, яко недостойныхъ, отъ себя не отогнала, но открыла свои нѣдра и, яко чадолюбивая мать, одолжена приложить попеченіе свое о васъ. Налагаетъ она на васъ сіи легкія раны, да исцѣлитъ вашу болѣзненную душу: симъ временнымъ наказаніемъ предвосхищаетъ васъ отъ адскаго вѣчнаго мученія.

А намъ, чада Православной Церкви, попечительный Божій Промыслъ чрезъ сей печальный случай подаетъ великое наставленіе. Ибо все сіе сказали мы не съ тѣмъ, чтобы падшимъ ругаться; но чтобы тѣхъ, которые стоятъ, осторожнѣйшими сдѣлать,—не съ тѣмъ, чтобы раны

уязвленнымъ пріумножить, но паче, чтобы, неуязвленныхъ еще, не вредными соблюсти,—не съ тѣмъ, чтобы волнующихся погрузить, но чтобы тѣхъ, которые благополучно плывутъ, предохранить. Теперь мы очами своими видимъ дѣйствія правосудія и милосердія Божія: правосудіе—въ наказаніи грѣшниковъ, милосердіе—въ призываніи ихъ къ покаянію. Побоимся убо Божія правосудія, чтобы на себя не привлечь оное нашими грѣхами. А милосердіемъ Его да утвердимъ себя не возвращаться на прежніе пороки: счастливъ тотъ, кто бѣдствіями другихъ дѣлается осторожнѣйшимъ!

За все сіе благодареніе приносимъ человѣколюбивому Богу, удивляясь премудрости Его. Сею благодарностію обязана Ему Церковь и мы: Церковь истому, что прославляетъ Онъ ея силу въ наказаніи порока и святость въ различеніи овцы отъ козлища; а мы—для того, что сей случай даетъ намъ наставленіе.

Достойно же по Бозѣ прославлять и благочестіе вѣрной Божіей служительницы, Великой и милосердой Самодержицы нашей Екатерины Алексѣевны. Чѣмъ ужаснѣйшимъ видитъ Она преступленіе, тѣмъ усерднѣе, о спасеніи души преступника, къ Церкви прибѣгаетъ. Ею души сихъ осквернѣнныхъ приводятся къ Божію милосердію, ею и мечъ правосудія надъ оскверненнымъ ихъ тѣломъ для того самаго удерживается. Не се ли, Христова Церковь, прямое тебѣ—утвержденіе? не се ли—древнихъ твоихъ и святыхъ установленій исполненіе?

Но обратимся уже мы, ученики кротчайшаго Спасителя, къ симъ злосчастнымъ, подвигнемся сожалѣніемъ о нихъ, поболимъ сердцемъ, покажемъ силу христіанской любви: много бо поразить ихъ можетъ сей всенародный позоръ, да не опровергнетъ ихъ великая сія скорбь въ отчаяніе. Помолимся о нихъ со всею Церковію.

Боже милосердія и Отче щедротъ! воспламени сердца сихъ грѣшниковъ къ покаянію: прими ихъ, къ Тебѣ припадающихъ, обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ; трепещущую отъ суда Твоего совѣсть ихъ ободри Евангельскимъ Твоимъ благословеннымъ гласомъ и, аще пріидутъ въ прямое раскаяніе злодѣянія своего, причти ихъ избранному Твоему стаду.

А вы, бѣдствующія души, употребите милосердое снисхожденіе благаго Бога, общія молитвы всей Церкви и благочестивое попеченіе Монархини о васъ къ ицѣленію вашихъ грѣховныхъ ранъ,—да не како, сіе пренебрегше, и временному тягчайшему и будущему безконечному наказанію неизбѣжно себя подвергнете. Аминь.

Слово въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но отецъ Мой, иже на небесѣхъ".

(Матѳ., гл. 16, ст. 17).

Куда ни обратимъ мы очи свои, вездѣ находимъ радостные предметы блаженства нашего. Воззримъ ли мы на святое общество благословеннаго христіанства, видимъ милосердо взирающее на него око Святаго Израилева. Посмотримъ ли на Россію, видимъ въ ней цвѣтущее древо мудраго самодержавія, подъ тѣнью котораго сладко всѣ покоятся. Церковь нынѣшнимъ празднованіемъ выводитъ предъ насъ два великіе примѣра святости и благочестія; Россія всегда предъ очами своими имѣетъ дражайшую двоицу, Благочестивѣйшую Монархиню съ любезнѣйшимъ Ея сыномъ, предметъ нашей радости, вину благополучія, примѣръ добродѣтели. Церковь празднуетъ днесь своихъ основателей, трудами которыхъ міръ приведенъ въ первосозданное благообразіе; Россія совершаетъ нынѣ торжество Тезоименитства Всероссійскаго Наслѣдника, плода благословеннаго Августѣйшей Матери, почитая въ Монархинѣ исполненіе своихъ желаній, а въ Наслѣдникѣ сладчайшую надежду. Итакъ, Церковь и Россія вкупѣ приводятъ намъ примѣры неба и земли; небо и земля соглашаются къ общему нашему блаженству. Все намъ пріятствуетъ: отъ всѣхъ странъ вѣетъ зефиръ благоденствія. „Что воздадимъ Господеви за вся, яже воздаде намъ? Слышите языцы и покарайтеся, яко съ нами Богъ" (Псал., 115, 3; Ис., 8, 9).

Но, чтобы наша радость была не блистательна только, но и плодоносна, растворимъ ее духовною бесѣдою; посмотримъ, *какое блаженство Спаситель присвояетъ Петру, и относитъ оное не до явленія плоти и крови, но до явленія небеснаго Отца.* А Ты, Боже духовъ и всякія плоти, нашъ, плотію обременяемый, духъ подъими отъ земныхъ къ горнимъ и, очистивъ мысленное око, даждь разумно видѣти Тя.

„Блаженъ еси, Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ". Въ семъ Евангельскомъ текстѣ нѣкоторыя слова требуютъ изъясненія, а именно, что означаетъ „явленіе, плоть и кровь, явленіе плоти и крови, и явленіе Отца небеснаго"?

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ Петергофѣ, 1766 года, іюня 29 дня.

Явленіе значитъ познаніе вещей, ибо непознанныя вещи кажутся намъ сокровенными въ глубокой темнотѣ; да и, подлинно, союзъ вещей для слабаго понятія нашего есть непроходимая бездна. Подъ именемъ плоти и крови разумѣются способности въ человѣкѣ, которыя приличествуютъ ему не яко человѣку, но яко животному, чрезъ которыя, слѣдовательно, не различествуетъ онъ отъ другихъ животныхъ, напримѣръ, зрѣніемъ или слышаніемъ собирать образы вещей, желать вкусу пріятнаго и прочее. Итакъ, явленіе плоти и крови въ человѣкѣ есть познаніе вещей общее всѣмъ животнымъ, утверждаемое не на разумѣ, но на чувствахъ, низкое, земное, тѣлесное. Подъ именемъ Отца небеснаго, хотя извѣстно, кого намъ воображать надобно, но здѣсь, относительно познанія, разумѣется несозданный свѣтъ вѣчнаго ума, нѣкоторую искру котораго получила разумная тварь. И потому явленіе Отца небеснаго есть познаніе вещей, утверждаемое на чистомъ разумѣ, который управляется не чувствами, но лучами несозданнаго свѣта,—который, возвышая себя выше видимыхъ существъ, входитъ въ невидимое и туда вперяетъ око умнаго своего зрѣнія.

По изъясненіи сихъ Евангельскихъ словъ, изслѣдуемъ, какое, именно, познаніе относить надобно до явленія плоти и крови, и какое до явленія небеснаго Отца?

Явленіе плоти и крови, во-первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многіе тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что приняли съ млекомъ младенчества, или что видятъ у большей людей части въ употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но едва ли не больше и къ худому,—для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, приличествуетъ больше животнымъ, нежели разумной твари.

Отсюда раждается невѣжество и суевѣрство: понеже мысль, связанная привычкою, какъ оковами, сама отнимаетъ у себя вольность къ изслѣдованію новыхъ истинъ, и въ скудности своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благочестивою. Сія болѣзнь тѣмъ опаснѣе, что развѣ съ великою трудностію можно излѣчить ее: понеже привычка становится другою природою, и потому обыкновенно соединена бываетъ она съ непобѣдимымъ упорствомъ. Сіе великимъ было препятствіемъ теченію проповѣди Апостольской: ибо надобно было истреблять заблужденіе въ такихъ мысляхъ, въ коихъ оно долгимъ обычаемъ вкоренилось и утвердилось. Притомъ, сіе же самое есть доказательство, что проповѣдь апостольская было дѣло Божіе, когда ложныя мнѣнія, многими вѣками укрѣпленныя, наконецъ, покорили себя сладкому игу Евангелія.

Когда преславный именемъ и дѣлами Государь Петръ Великій въ свой народъ вводилъ просвѣщеніе и честное поправленіе нравовъ, о, сколь свирѣпо тогда противъ него вооружалась плоть и кровь! сколь много привычка препятствовала сему благословенному предпріятію! Она заставляла обычаямъ порабощенныхъ говорить: „мы и безъ наукъ хлѣбъ ѣдали; сіе дѣло небывалое. Наши отцы и безъ того жили“... Но, всѣ сіи трудности побѣдивъ, Великій Государь всѣмъ вѣкамъ оставилъ имя свое любезнымъ. Подлинно, не надобно и обычаевъ перемѣнять, но добрыхъ; а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное, есть дѣйствіе разума, Духомъ Святымъ просвѣщеннаго. Дабы кто не зараженъ былъ порокомъ худой привычки, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи, чтобы въ младенцѣ, который почти только состоитъ изъ плоти и крови, плоть оживлять духомъ разсужденія, и чтобы въ немъ кровь пріобучена была течь по жиламъ премудрости, дабы любленіе истины и добродѣтели стало въ немъ какъ бы привычкою.

До худой же привычки можетъ надлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истины, но не всегда сіе доказательство неоспоримо: ибо въ древности, какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худого. И потому надлежитъ дать свободу просвѣщенному разуму, чтобы изслѣдывать и самую древность и въ ней разобрать, что подражанія, и что отвращенія достойно.

Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новость. Какъ помянутый порокъ бываетъ чаще у старыхъ людей, такъ сей по большей части— у молодыхъ: ихъ горячая мысль поражается, когда что нибудь остро, хотя неосновательно, выдумано или написано,—когда что прелестно, хотя слабо, сдѣлано. Они тогда становятся надменны, думая, что сіе было бы нѣкоторый родъ порабощенія, еслибы старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ посчастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которые на все новое отдаютъ свои глаза, и въ руки свои брать не боятся самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, почему и ожигаются. Еслибы новость была основаніемъ истины, то надобно бы сей истинѣ перемѣниться въ ложь, когда бы новость состарѣлась; но истина ни старѣетъ, ни обновляется: ибо она есть вѣчна. И потому всякую новость съ перваго раза должно почитать за подозрительную, пока здравымъ разумомъ довольно изслѣдована не будетъ, и пока не будетъ усмотрѣно, что въ самой той новости есть нѣкая важность основательной древности. Но посмотримъ, нѣтъ ли еще другихъ плотскихъ разсужденій.

Есть также дѣйствіе плоти и крови, когда только почитается за истинное и доброе то, что умножаетъ наше имѣніе, что пріятно чувствамъ, что соединено съ честію. Подлинно, дозволительно умножать имѣніе, но справедливымъ образомъ; безгрѣшны пріятности чувствъ, но когда онѣ не противны разуму; похвальна честь, только бы она состояла не такъ въ мнѣніи другихъ о насъ, которое часто бываетъ несправедливо, какъ въ любленіи честности. Однако, очень часто случается противное сему: ибо для пріобрѣтенія истины и добродѣтели надобно имѣть трудъ и пролить не одну каплю пота, надобно иногда понести нѣкоторую утрату имѣнія, а иногда надобно подвергнуть себя худому, хотя неосновательному, мнѣнію другихъ; но какъ все сіе есть непріятно нѣжности нашихъ чувствъ и не вмѣстительно первому легкому воображенію; для сего часто плоть и кровь беретъ верхъ надъ разумомъ, и чувства порабощаютъ себѣ духъ. Одинъ въ своей должности нерадивъ, понеже не хочетъ свои изнѣженные члены трудомъ обезпокоить; другой правду нарушаетъ, дабы чрезъ то умножить свой прибытокъ; третій умалчиваетъ правду, чтобы не нажить себѣ враговъ и чрезъ то бы не понести ущербу чести своей. Такія и подобныя плотскія разсужденія, трудно сказать, сколь много повреждаютъ похвальную нашихъ дѣлъ систему.

Сіе было великимъ препятствіемъ апостольскимъ подвигамъ. Они проповѣдывали крестъ, или великодушное терпѣніе всякихъ противностей, нищету, или добровольное лишеніе всего для истины; проповѣдывали, чтобы презрѣть всѣ мнѣнія о насъ другихъ, сколько бы они ни были блистательны, еслибы иначе нельзя было записаться въ книгу живота. Можете вообразить, сколь такое ученіе могло быть пріятно человѣку, плотію и кровію порабощенному!

Для чего и нынѣ Церковь Божія въ нѣкоторыхъ своихъ дѣтяхъ не видитъ такихъ непорочныхъ нравовъ, какихъ бы она желала? для чего ея святое ученіе во многихъ остается безплодно? для чего не имѣетъ она сего удовольствія, чтобы видѣть страсти подъ ногами у добродѣтели? О, ты, плоть и кровь! ты тяжестію своею обременяешь сердца наши и не допускаешь вознестись къ горнимъ!

Но, вотъ, еще новое и странное дѣйствіе плоти и крови, когда кто въ разбираніи истины единственно полагается на свой разумъ, и почитаетъ за справедливое то, что разсужденію его кажется справедливымъ. Подлинно, разумъ самъ чрезъ себя всегда есть предводитель къ истинѣ; но, кому неизвѣстно, съ какими слабостями онъ въ насъ соединенъ? Вотъ — причина тому, что мы имѣемъ малое и немногихъ вещей познаніе, да и въ то весьма сокровенно вкрадываются страсти и столь хитро насъ прельщаютъ,—что мы часто почитаемъ за здравый

разумъ то, что есть одно чувственное воображеніе: что мы думали быть духъ, а оно есть плоть. А хотя бы кто науками и довольно просвѣщенъ былъ, но хитросплетенные логическіе софизмы, но школьныя суславія, но пустыя тонкости едва ли не большую часть отвели отъ истины. Вѣдаете вы, какихъ, между прочимъ, смѣшныхъ мнѣній были изобрѣтатели тѣ, коихъ древность почитала за философовъ. Есть и нынѣ такіе мудрецы самозванцы, которые, будучи надменны сами собою, своими страстными мнѣніями хотятъ поработить и иныхъ, и удивительнымъ какимъ-то образомъ, другихъ повреждая и безчестя, чрезъ то себѣ славу снискиваютъ. Послушаемъ Павла, учителя христіанской мудрости, что онъ говоритъ къ таковымъ: „азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ“ (1 Кор., 3, 1). Для чего?—понеже „душевенъ“ или плотской „человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется“ (1 Коринѳ., 2, 14), то есть, небесныя истины не плотію, но умомъ, просвѣщеннымъ Духомъ Святымъ, изслѣдываются. Но, о Боже, когда толикая темнота покрываетъ нашъ разумъ, и когда столько есть препятствій къ познанію Твоей истины,—въ сей нашей бѣдности къ Тебѣ прибѣгаемъ, Отцу свѣтовъ: ибо Ты, Господи, просвѣщаешь свѣтильникъ нашъ!

Возлюбленный Богу христіанинъ! ты выведенъ изъ сего затрудненія и въ общей всѣхъ нуждѣ ты блаженъ и треблаженъ. Твой умъ осіянъ лучами Евангельскаго закона; твоя совѣсть Духомъ Святымъ увѣрена объ отеческой къ тебѣ склонности всемогущаго Промыслителя. Хотя бы ты и не достигъ до пространнаго познанія естественныхъ вещей, но тебѣ открыты истины самонужныя, на которыхъ основано твое вѣчное блаженство. Кто лучшее тебя имѣетъ понятіе о Богѣ, о мірѣ, о самомъ себѣ? Ты воображаешь себѣ Бога существомъ благодѣтельнымъ и милостивымъ, Который, снисходя къ недостаткамъ человѣчества, явился подъ покрываломъ нашей бренной плоти и, сообщивши Себѣ естество наше, содѣлалъ насъ участниками Своего Божества. Ты обширную громаду міра сего почитаешь за руководство къ твоему Избавителю, въ соединеніи съ Которымъ состоитъ все твое совершенство. Ты самого себя представляешь себѣ нѣкою частицею тварей, содержимою въ союзѣ вещей, котораго союза конецъ есть радостная вѣчность. Твое спасеніе состоитъ въ сихъ истинахъ; которыхъ если кто не знаетъ, весьма несчастливъ, хотя бы, впрочемъ, пріобрѣлъ знаніе всѣхъ вещей. И для того я привѣтствую тебя именемъ Евангелія: блаженъ еси, христіанинъ, благодатію присвоенное Богу чадо, „яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ, иже на небесѣхъ“. Блажены есмы, Израилю, яко угодная Богу намъ разумна суть.

А чтобы больше намъ въ семъ подвигѣ благочестія успѣвать, Церковь святая, какъ всегда, такъ особенно въ нынѣшній день, представляетъ два знаменитые примѣры, двухъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ: горящаго вѣрою Петра и славнаго мудростію Павла. Хотя они были того же съ нами слабаго естества, но, когда восхотѣли, сдѣлали умъ свой богописанною скрижалію, а сердце жилищемъ духа, трудами своими побѣдили слабости тѣлесныя, воздержаніемъ укротили страсти, богомысліемъ прогнали земныя мудрованія и дали духу торжествовать надъ плотію,—почему праведно на небеси увѣнчаны безсмертіемъ, а на земли всѣмъ вѣкамъ оставили свою жизнь къ подражанію.

Сіи примѣры тѣмъ сильнѣе должны возбудить насъ къ подражанію своему, что мы видимъ въ томъ предшествующую намъ и отверзающую славный путь, Благочестивѣйшую нашу Самодержицу. Ея Императорское Величество, какъ есть глава управляющая всѣмъ тѣломъ Россійскаго общества, такъ есть надежнѣйшая руководительница ко всякому дѣлу благочестія. Ея просвѣщенная мысль въ стыдъ приводитъ невѣжество, предъ ея нелицемѣрнымъ благочестіемъ презрѣнно суевѣрство, предъ ногами ея благоразумной кротости лежитъ поверженною жестокость и свирѣпость, ея неутомимость въ трудахъ побѣждаетъ общія слабости, ея щедрота отъемлетъ несчастливый жребій, ея бесѣда растворена солію благодати, ея материнй взоръ проливаетъ радость, ея средобольное сердце подаетъ отраду бѣднымъ, ея благодѣтельная рука есть покровъ безопасный для всѣхъ.

Благочестивѣйшая Государыня! несозданный свѣтъ озаряетъ мысль Твою, и ковчегъ души Твоей наполненъ благоуханіемъ Святаго Духа. Почему и праведный Богъ, въ награжденіе за Твои добродѣтели, благословляетъ всѣ Твои намѣренія, всѣмъ предпріятіямъ споспѣшествуетъ, всѣ дѣла славою вѣнчаетъ. Онъ показалъ благій промыслъ Свой въ предшедшихъ Твоихъ дѣлахъ, показываетъ въ настоящихъ, но не оставилъ промыслить и о будущихъ, даровавъ Тебѣ любезнѣйшаго, любезными дарованіями украшеннаго, сына. Се, предъ очами Твоими цвѣтетъ онъ, напаяемый изъ источника Твоей мудрости, яко кринъ, струями воды животной.

А Ты, сладчайшая надежда, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имянинникъ! мужайся въ подвигѣ мудрости и добродѣтели и достигай до онаго блаженства, которое Евангеліемъ присвояется человѣку, просвѣщаемому явленіемъ Отца небеснаго. Да и, дѣйствительно, Твоя особа участна есть сего блаженства: ибо Ты, Благовѣрный Государь, обогащаешь умъ свой знаніемъ разныхъ наукъ, при руководствѣ которыхъ усматриваешь Божественную красоту истины; а сія красота плѣняетъ Твое сердце любовію добродѣтели. Сему по-

спѣшествуетъ чистота Твоего духа, любезная ко всѣмъ склонность, нелицемѣрное къ Богу усердіе, которымъ зажжена Твоя непорочная душа. А къ большему дѣйствію, сіи цвѣтоносныя вѣтви Твоихъ дарованій Ея Императорское Величество, дражайшая Твоя Родительница, согрѣваетъ матернею своею любовію къ Тебѣ и неусыпнымъ попеченіемъ о Твоемъ воспитаніи. Все сіе обращая въ свою пользу, при руководствѣ всесильной Десницы, поспѣшай, пресвѣтлѣйшій Наслѣдникъ, симъ славнымъ путемъ исполняй радость Августѣйшей Матери и усердныя желанія всѣхъ насъ,— чѣмъ, вѣруемъ, Всеблагій Господь и благословитъ Россію. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Возмогайте во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“.

(Ефес., гл. 6, ст. 10).

Возсіялъ намъ паки оный благословенный день, въ который Богъ, благодѣтельствуя Россіи, даровалъ намъ дражайшій залогъ благости Своей. Благополучное преуспѣваніе въ возрастѣ лѣтъ и дарованій, высокаго Наслѣдника Августѣйшей нашей Самодержицы, есть толикое Божіе къ Россіи благодѣяніе, что мы непрестанныя хвалы и благодаренія должны воздавать пекущемуся о насъ Промыслу. Ибо, при вожделѣнномъ и мирномъ царствованіи Великой Монархини нашей, когда и высокій ея Наслѣдникъ, шествуя по матернимъ слѣдамъ, непрестанно стремится къ своимъ совершенствамъ,—общее благополучіе больше пріемлетъ сіянія, больше радости, поелику оно утверждается несумнительною надеждою продолженія. И какъ сказалъ Давидъ, что Богъ, видя Свои дѣла въ порядочномъ теченіи, чувствуетъ изъ того нѣкоторое въ Себѣ удовольствіе: „Возвеселится,—говоритъ онъ,—Господь о дѣлѣхъ Своихъ“ (Псал., 103, 31); такъ, поистинѣ, и нынѣ, зря съ горнихъ мѣстъ Своихъ на любезное Августѣйшей Матери чадо, Онъ, яко движимъ радостію, устами Апостола Своего глаголетъ къ нему: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“!

Сей Божественный гласъ возьмемъ мы, слушатели, въ основаніе нашей бесѣды и, прилагая его особливо къ виновнику нынѣшняго торжества, изслѣдуемъ, *въ чемъ состоитъ истинное мужество*? Къ со-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества въ придворной церкви, въ Санктъ-Петербургѣ, 1766 года, сентября 20 дня.

дѣйствію же слова нашего призовемъ Божественную благодать: воззри на насъ, всевидящее Око, и гласъ истины Твоея да оглашаетъ наши уши и да движетъ наше сердце!

Мужество есть превосходнѣйшая изъ добродѣтелей, поелику она есть основаніе другихъ добродѣтелей: ибо нельзя приступить къ какому-нибудь похвальному предпріятію, ежели прежде утвержденъ не будетъ духъ мужествомъ. Но надобно знать, въ чемъ состоитъ истинное мужество, дабы намъ порока не почесть за добродѣтель. Мужествомъ, можетъ быть, кто назоветъ тѣлесную крѣпость, каковою, напримѣръ, въ древности прославились Милонъ, Геркулесъ и Самсонъ, которые со львами боролись и однимъ ударомъ звѣрей убивали,—или каковые были оные, древностію же славимые, исполины, кои однимъ чудовищнымъ видомъ тѣла своего въ страхъ приводили слабыхъ смертныхъ. Но мы весьма далеки отъ того, чтобы добродѣтель мужества поставить въ таковой крѣпости тѣла: ибо слѣдовало бы всѣмъ малосильнымъ быть всегда лишеннымъ сей добродѣтели. Притомъ, еслибы таковой крѣпости присвоить имя мужества, то многіе звѣри всегда превосходили бы насъ сею добродѣтелію. Прейдемъ мы такое погрѣшительное мнѣніе.

У иныхъ заслуживаетъ имя мужественнаго тотъ, который смѣло ввергаетъ себя во всякія опасности: бросается, напримѣръ, на непріятеля въ то время, когда лучше было бы уступить и чрезъ уступленіе стать побѣдителемъ,—идетъ отважно въ ту страну, гдѣ, напримѣръ свирѣпствуетъ моровая язва,—принимается за дѣло выше своихъ силъ и чрезъ то повреждаетъ здравіе свое. Нѣтъ въ семъ мужества, но—одна безразсудность; слѣпымъ жаромъ движимое стремленіе; машина сильно бросающая, но не знающая своей мѣты. Таковая дерзновенная безразсудность часто бываетъ подвигаема видомъ ложной ревности, и трудно сказать, причиною какихъ вредныхъ слѣдствій бываетъ она тогда. Вамъ извѣстны тѣ люди, которые, надѣясь, не знаю, вѣнецъ какой святости получить, бросаются въ огонь и сожигаются, коихъ бѣдность оплакиваетъ Церковь и отечество наше.

Но паче всего обижаютъ истинную добродѣтель мужества тѣ, кои приписываютъ оную героямъ міра сего, то есть, тѣмъ, которые, по движенію только суетнаго славолюбія, разорили цвѣтущіе грады, опустошили плодоносіемъ кипящія земли, обезчадили родителей, вездѣ по себѣ оставили страхъ и ужасъ. Боже мой! что мнѣ прежде дѣлать? человѣческую ли слѣпоту оплакивать, или самую добродѣтель, которая въ мнѣніи человѣческомъ столь низка и повержена? Покрыть все поле трупами: это—мужество; въ пепелъ обратить грады: это—геройство; воздухъ наполнить стенаніемъ: это дастъ имя великаго. Таковые суть и

мужественны и велики и герои. Такъ что же—тѣ, за слѣдами которыхъ шествуетъ миръ и спокойствіе? которые суть древо, дающее сладкую тѣнь? которые во всѣхъ смертныхъ почитаютъ человѣчество? которымъ жизнь неповинныхъ есть дарованіе небесное и неприкосновенное? Такъ сіи не мужественны? такъ сіи не велики? такъ сіи не—герои? Клянусь вѣчною истиною, что сіи суть справедливые подражатели человѣколюбиваго Божества,—что сіи-то суть самое большее благодѣяніе, какое родъ человѣческій получить можетъ отъ щедроты небесъ.

Не говорю я здѣсь о тѣхъ, которые принимаются за мечъ противъ человѣколюбивой склонности сердца своего, которые обливаютъ его прежде слезами своими, нежели другихъ кровію, которые находятъ себя принужденными, печальною крайностію, пролить кровь другихъ, не съ тѣмъ, чтобы шумомъ своего имени чрезъ всѣ вѣка гремѣть, но чтобы отвратить тотъ ударъ, которымъ раззоряется благополучіе другихъ. Таковое мужество есть непостыдное, таковая крайность оправдывается истиною, и сіе мужество тѣмъ больше возноситъ своего героя, что онъ тогда вмѣщаетъ въ свое лице опасность всѣхъ, чтобы отвратить оную отъ всѣхъ, и чрезъ то обязываетъ всѣхъ быть одолженными себѣ жизнію.

Но уже перестанемъ, слушатели, изобличать человѣческія слабости, представимъ слово наше въ прямомъ видѣ,—посмотримъ, въ чемъ же состоитъ истинное мужество?

Гдѣ есть мужество, тамъ слѣдуетъ быть и противностямъ, которыя надобно побѣждать. Противности, всегда предлежащія человѣку, суть двоякія: однѣ внутреннія, другія внѣшнія. Внутреннія суть страсти и пороки, а внѣшнія двоякаго рода: въ первомъ родѣ—труды, соединенные съ каждаго должностію, а во второмъ родѣ—всякія несчастія. И потому истинное мужество, во-первыхъ, есть, когда кто побѣждаетъ страсти; а подъ именемъ страстей мы разумѣемъ склонности, стремящіяся противъ здраваго разума. Печальнымъ искусомъ всякій изъ насъ на себѣ дозналь, сколь страшенъ видъ сей домашней войны. Но напрасно я сказалъ, что видъ войны сей страшенъ: нѣтъ, видъ ея прелестенъ и тѣмъ больше опасенъ. О, поистинѣ, великій герой есть, кто торжествуетъ надъ сими непріятелями и содержитъ свои стремленія въ рукахъ своей воли. Кто гнѣвомъ не воспаляется, кто гордость попираетъ, кто сребролюбію смѣется, кто роскошью гнушается, кто бѣдностію не сокрушается, кто не плѣняется завистію, не разслабляется лѣностію и чувственными сладострастіями не уловляется,—кто таковъ есть, да пріидетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ любезную его главу лаврами безсмертія. Многіе взяли неприступные грады, но плѣнились отъ страстей своихъ; многіе укротили свирѣпые народы, но остались не-

вольниками непристойныхъ склонностей; и потому сія побѣда далеко есть блистательнѣе другихъ, сей подвигъ есть Евангельскій, сіе торжество достойно зрѣнія ангеловъ.

Во-вторыхъ, имени мужественнаго достоинъ и тотъ, который не ослабѣваетъ въ дѣлахъ своей должности. Вѣдаете вы, что надобно побѣдить многія затрудненія, пролить много поту, не одну ночь препроводить безъ сна тому, кто понадлежащему должность свою исполнить хочетъ. Не говорю о многихъ скукахъ, неудовольствіяхъ, досадахъ, которыя при всякомъ случаѣ встрѣчаются съ нами. Сіи затрудненія намъ кажутся тѣмъ больше скучными, что противное тому прелестно: ибо весьма пріятно для нашихъ чувствъ, чтобы погулять и препровождать часы въ однихъ веселыхъ разговорахъ, на мягкой постели нѣжить свои члены и другими суетами забавлять себя. Вотъ—противности! вотъ—мѣсто похваляемой нами добродѣтели! вотъ—пространное поле геройствовать мужественному духу!

Побѣдить себя противъ оныхъ чувственныхъ прелестей, отрясти отъ своихъ очей дреманіе, безъ скуки снести хлопоты домашнія, терпѣливо выслушать жалобы оскорбляемой неповинности, великодушно разобрать самыя мелкія обстоятельства всякаго дѣла, безъ отягощенія въ непогоду, въ ненастье идти въ приказъ, въ полкъ, въ церковь, предварить восходящее солнце и въ жертву оному принести бодрость нашего духа,—побѣдить всѣ сіи, для нѣжности нашихъ чувствъ непріятныя, затрудненія благополучно, есть побѣда великая; преодолѣть сіе есть великое торжество. Таковая добродѣтель есть истинное мужество, таковый торжественникъ есть истинный христіанскій герой,—и онъ тѣмъ славнѣе, что возвращается съ своей побѣды неокровавленный, но имѣя спокойное и цвѣтущее лицо; а это есть знакъ внутренняго удовольствія, какое чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, когда должность свою исполнитъ.

Въ третьихъ, истинное мужество — побѣдить несчастія. Вѣдаете вы, что и на самыхъ добродѣтельныхъ людей часто падаетъ несчастливый жребій, ежели только можно назвать несчастіемъ, чтобы страдать за справедливость. Клевета часто повреждаетъ ихъ честное имя: зависть не рѣдко лишаетъ ихъ, справедливо нажитаго, имѣнія и заставляетъ омочать слезами свой скудный хлѣбъ, а злость иногда съ мученіемъ отъемлетъ и самую ихъ жизнь. Сіи святыя души со всѣмъ своимъ терпѣніемъ, изъ-подъ самаго покрывающаго ихъ алтаря милосердія Божія, вопіютъ: „Доколѣ, доколѣ, Господи, не мстиши“ (Апок., 6, 10)?

Но на сей радостный день закроемъ мы сіе плачевное зрѣлище, а вмѣсто того возопіемъ: кто хочетъ быть истинный герой, по-

бѣди таковыя несчастія, снеси великодушно противные случаи, укрѣпи твое сердце, чтобы не разслабло отъ ударовъ злости, не попусти ей хвалиться тѣмъ, что она, падая на твою слабую плоть, могла побѣдить и духъ твой. Кто есть сей побѣдитель, да пріидетъ къ намъ, и мы бросимся въ его объятія, чтобы былъ онъ намъ предводителемъ въ подобныхъ случаяхъ; да пріидетъ къ намъ, и мы увѣнчаемъ его и превознесемъ его похвалами нелестными.

Итакъ, видите вы, возлюбленные слушатели, кто есть и каковъ долженъ быть воинъ христіанскій? Но я, признавая недостатокъ моего слова, хочу, чтобы вы на такого героя посмотрѣли въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ мужъ великаго въ Церкви имени, апостолъ Павелъ.

Апостолъ облачаетъ его во вся оружія Божія: препоясываетъ истиною, вмѣсто воинской брони укрѣпляетъ грудь его правдою, а ноги—миромъ, даетъ въ руки щитъ вѣры, возлагаетъ на главу шлемъ спасенія, вооружаетъ мечемъ духовнымъ, иже есть глаголъ Божій (Ефес., 6, 14—18). Можно ли видѣть героя въ лучшемъ вооруженіи? возможно ли, чтобы, сими оружіями укрѣпленный, христіанскій подвижникъ могъ преоборимъ быть или страстями, или затрудненіями, или несчастіями?

Имѣя, слушатели, слово объ истинномъ мужествѣ, мы не можемъ не обратить внимательныхъ своихъ очей на героиню нашу, Августѣйшую всей Россіи Самодержицу, мужественный духъ которой есть утвержденіе и украшеніе всѣмъ ея добродѣтелямъ. Мы сказали, что, между прочимъ, надлежитъ до истиннаго мужества, дабы быть великодушному въ сношеніи трудовъ своей должности. Но кто наипаче отягощенъ трудами, какъ Всероссійская Императрица, которая на священныхъ своихъ раменахъ носитъ бремя пространнѣйшей въ свѣтѣ имперіи? Подкрѣпляемая Вседержителевою рукою, она столь мужественно шествуетъ симъ геройскимъ путемъ, что, входя въ нужды всякаго и разбирая безчисленныя дѣла, есть приснотекущій источникъ удовольствія общаго. Но сіе еще паче возноситъ мужество ея, что Ея Величество, имѣя кроткій и миролюбивый духъ, владѣніе свое сохраняетъ въ мирѣ, умѣряетъ наказаніе согрѣшившихъ, а чрезъ то, удовлетворяя общей безопасности, и самимъ согрѣшившимъ даетъ время и случай къ исправленію.

Всепресвѣтлѣйшая монархиня! Плодъ сего Твоего миролюбиваго духа и кроткаго царствованія есть тотъ, что наши дни въ радости протекаютъ, что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что корабль безпрепятственно идетъ къ своему пристанищу, что жнецъ острить свой серпъ на благословенную жатву, что художникъ въ сладкой тишинѣ

упражняетъ свои руки въ работѣ, что оружіе отдыхаетъ, а чрезъ то, великая героиня, Ты безъ сраженія ставишь трофеи и торжествуешь не надъ связанными непріятелями, но надъ усердными сердцами. И потому, Августѣйшая Государыня, Твои побѣды суть ежедневныя, Твои торжества суть оные гласы веселящихся, которыми призываютъ благословенія Божія на Твою главу. Самъ Богъ симъ зрѣлищемъ увеселяется и вопіетъ къ Тебѣ съ высоты святыя Своея: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“ (Ефес., 6, 10). Да поетъ же предъ Нимъ и Твой духъ въ веселіи духовномъ: „Готово сердце мое, Боже, готово“ (Псал., 56, 8). „Имени Твоему пою, величаяй спасенія царева“ (Псал., 17, 50).

Но и Ты, виновникъ нашего торжества, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Не особенное ли еси доказательство мужества Августѣйшей Твоей матери? Ибо, чѣмъ болѣе возрастаютъ въ Тебѣ дарованія, тѣмъ болѣе открываются не только Твои совершенства, но и прославляется благородство и попеченіе родившей Тебя. Въ нынѣшній благословенный день, благодѣтельствующій Тебѣ Богъ открылъ пространное поле къ новымъ мужества подвигамъ, и Тебѣ предуготовлена новая колесница славы.

Двѣнадцать лѣтъ теперь миновало Тебѣ. О, вѣсть радостная! О, вѣсть превожделѣнная! Окончилъ Ты, благовѣрный Государь, благополучно теченіе младенческихъ лѣтъ и, согрѣваемый лучами милсерднаго Провидѣнія, созрѣваешь на подобіе плодовъ сладчайшихъ. Мы радуемся о семъ; но еще превосходнѣе оная наша радость, которая рождается отъ того, что вкупѣ возрастаютъ Твои дарованія,—что, восходя на высоту лѣтъ, простираешь око ума Твоего далѣе, что, расширяясь, Твое сердце становится вмѣстительнѣе для добродѣтели. Можемъ ли мы усумниться, чтобы впредь не больше умножилось сіяніе Твое, когда еще въ младыхъ лѣтаҳъ видимъ столь славные опыты мужества Твоего? Дѣйствіе Твоего просвѣщенія, Государь, ясно видимо въ непорочныхъ нравахъ Твоихъ, въ Твоемъ чистосердечіи, въ Твоихъ благодѣтельныхъ склонностяхъ. Мы, созерцая все сіе, самихъ себя привѣтствуемъ; а Богъ, Его же рука осѣняетъ Твою главу, вопіетъ къ Тебѣ чрезъ соименитаго Тебѣ Павла: „Возмогай во Господѣ и въ державѣ крѣпости Его“. Возмогай въ благочестіи, возмогай въ пріумноженіи богатства добродѣтели, къ несказанной радости дражайшей Родительницы Твоей и къ благополучію всѣхъ насъ.

Боже, всемогущій силою и крѣпкій державою! Августѣйшую Монархиню нашу съ любезнѣйшимъ Сыномъ Ея покрывай всегда безсмертною Твоею десницею, и нашу радость о Нихъ сравняй съ оною радостію, какую имѣютъ о Тебѣ ангелы Твои на небеси. Аминь.

Слово, говоренное при первомъ случаѣ прихода своего въ лавру, февраля 4 дня, 1767 года.

Взошедъ въ сію богохранимую обитель и въ сей священный храмъ, во-первыхъ, за долгъ свой почитаю принесть благодареніе Господу Богу, что, по благому Его Промыслу, сподобился узрѣть ввѣренное мнѣ духовное стадо, со всякимъ благочиніемъ предстоящее. Принося же благодареніе, молю духомъ моимъ милосердіе Его, да подастъ мнѣ силу сказать слово утѣшенія братіи моей, дабы, при семъ благословенномъ случаѣ, не остались мы безъ желаемой пользы духовной.

Что же повелѣваешь Ты, Божія Премудрость? что повелѣваешь Твоему рабу? Слышу я, слышу Твой всесильный гласъ, который, во-первыхъ, касается души моей. Напоминаешь Ты мнѣ святость званія моего и тяжесть возложеннаго бремени: напоминаешь, чтобы нелѣностно дѣлать въ вертоградѣ Христовомъ,—чтобы ввѣренное спасеніе другихъ почитать за собственное свое, — чтобы держать въ рукахъ возженную свѣчу Евангелія и свѣтомъ симъ руководствовать къ оному неприступному свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ,— чтобы умѣть править симъ священнымъ жезломъ и употреблять оный благимъ въ руководство, а ненаказаннымъ въ исправленіе. Напоминаешь прилагать попеченіе, дабы, посвятившіе себя Богу, иноки были избранное Божіе стадо, — чтобы обѣщанія наши были засвидѣтельствованы самымъ дѣломъ, — чтобы обитель была мѣстомъ святости, — чтобы монастырь былъ школою благочестія, а жизнь монашествующихъ—примѣромъ добродѣтели.

Слыши, душе моя, и внимай! соотвѣтствуй Божественному гласу и помни, что надобно дать отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ.

Той же гласъ Божественный касается и васъ, мои возлюбленные о Христѣ братія! Онъ вспоминаетъ и вамъ званіе ваше, долгъ, даннаго вами Богу, обѣщанія и святость благочестиваго вашего жительства. Да отверзется слухъ сердца вашего, и сей гласъ пріимите усердіемъ души вашей. Но, чтобы напоминаніе сіе было въ насъ дѣйствительно не на сей только часъ, а и на всю нашу жизнь, хочу я кратко вамъ изъяснить, *какое въ древнія времена было, и какое нынѣ должно быть начало или побужденіе къ монашескому житію.*

Начало или побужденіе къ монашескому житію въ древности было „чтобы удалиться отъ міра“. Но сіе слово требуетъ изъясненія: ибо, гдѣ бы кто ни былъ, въ пустынѣ ли, въ лѣсахъ ли, или въ горахъ,— вездѣ онъ окруженъ міромъ; да и самъ онъ, хотя малая, однако, есть нѣкоторая часть міра. Такъ какъ же можно удалиться отъ міра? да и должно ли? ибо міръ заключаетъ въ себѣ прекрасныя дѣла мудраго

Создателя, на которыя если мы взираемъ и о нихъ разсуждаемъ со вниманіемъ, руководствуютъ они насъ къ своему Творцу и возбуждаютъ въ насъ благочестивое почитаніе къ верховному ихъ Правителю. Такъ должно ли отъ таковаго удаляться міра, хотя бы и можно было?

Но, чтобы сіе сумнѣніе было отнято, мы подъ именемъ міра не разумѣемъ сіи созданія Божескихъ рукъ, а разумѣемъ все то, что худое грѣхомъ введено въ міръ, а именно: излишнія мірскія суеты, безчестные примѣры другихъ, вредныя съ худыми людьми обхожденія, всякіе соблазны и препятствія къ добродѣтельному и благочестивому житію. И потому удалиться отъ міра значитъ удалиться отъ всего сего и избрать себѣ мѣсто и состояніе, въ которомъ безпрепятственно можно было бы упражняться въ святыхъ богомысліяхъ, духомъ и устами восхвалять своего Господа, въ сладкой тишинѣ сидѣть при какомъ-либо рукодѣліи и, отогнавъ отъ себя праздность, благословенными своими трудами пользовать не токмо себя, но вспомоществовать и недостаткамъ другихъ. Такое въ древности было начало и побужденіе къ монашескому житію,—начало святое, побужденіе спасительное, намѣреніе Духу Святому пріятное!

А что, подлинно, такое было побужденіе у древнихъ оныхъ святыхъ монаховъ къ уединенному жизнію, — послушаемъ свидѣтельства о томъ святыхъ отцевъ. Святый Кассіанъ и Палладій, которые прилежно описали порядокъ и житіе древнихъ египетскихъ монаховъ, о трудолюбіи ихъ пишутъ такъ: „Иной, де, работаетъ, дѣлая землю, иной — виноградъ, иной мѣдь куетъ, иной печетъ хлѣбы, иной плотничаетъ, иной краситъ, иной выдѣлываетъ кожи, иной плететъ кошницы большія и малыя, а, притомъ, все Святое Писаніе умѣютъ наизустъ“ (Касс. Настав. кн. 3, гл. 2; Паллад. истор. Лавс., гл. 39). Сіе трудолюбіе не только не препятствовало, но паче помогало, чтобы и уста ихъ всегда наполнены были хвалами Господними,—о чемъ такъ пишетъ блаженный Іеронимъ, великій въ добродѣтели подвижникъ. „По собраніи, де, общемъ монаховъ начинаютъ гремѣть псалмы, гремѣть Писаніе. По совершеніи же молитвы, садятся всѣ, и тотъ, котораго они называютъ отцемъ, въ срединѣ ихъ начинаетъ поученіе; и при сей бесѣдѣ толикое бываетъ молчаніе, что не смѣютъ харкнуть или осмотрѣть одинъ на другаго. Сколь похвально онъ говоритъ, сіе доказываетъ плачъ слушателей: катятся тихо по устамъ слезы, и болѣзнь свою во внутренности скрываютъ. Когда же, де, начнетъ онъ говорить о царствѣ Христовомъ и о будущемъ блаженствѣ и о славѣ грядущей, въ то время увидѣлъ бы ты, что всѣ они кротко воздыхаютъ и, возносяся къ небу очи, въ себѣ говорятъ: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко голубинѣ и полещу и вочію“ (Іерон. въ посл. къ Евсток.)!.. Вотъ какое было

житіе и состояніе древнихъ оныхъ блаженныхъ иноковъ, коихъ послѣдователями мы называемся.

А отсюда мы видимъ, что, если кто желаетъ монашество воспріять, онъ долженъ къ святому сему званію себя опредѣлить не затѣмъ, чтобы больше найти себѣ покоя и прохлады,—не затѣмъ, чтобы отдать себя праздности и златое время потерять во снѣ, въ лежаніи, въ суетныхъ разговорахъ и въ другихъ излишествахъ,—не затѣмъ, чтобы себя питать и потомъ трудолюбивцевъ утучнять себя,—не затѣмъ; но чтобы имѣть преподобныя свои руки, занятыя какимъ-либо трудомъ, уши отверзать на слушаніе полезнаго ученія, уста посвятить на хвалу Господню, языкъ на исправленіе слабостей ближняго, мысль—на познаніе истины, душу—на добродѣтель, всего себя—на жертву Богу.

Да и подлинно, ежели бѣдный земледѣлецъ печется жаромъ солнечнымъ и кровавыми трудами собираетъ себѣ скудную пищу, ежели купецъ странствуетъ въ дальнія земли и преплываетъ пучины, ища пропитанія дому своему, ежели художникъ въ глубокую ночь не погашаетъ своей свѣчи и, прегибаясь, утомляетъ руки свои работою, то отрекшійся ли міра инокъ будетъ сидѣть въ покоѣ? Мы ли будемъ меньше ихъ трудиться? намъ ли пристойно опорочить себя праздностью? намъ, коихъ міръ справедливо желаешь видѣть святѣе другихъ? Нельзя сказать того, что „свѣтскіе имѣютъ домъ, и потому, де, нужда трудиться имъ“. А намъ что же дѣлать?—„Молиться Богу“,—скажемъ мы. Изрядное и благочестивое дѣло! И подлинно, никто столько не долженъ молитвою душу свою освящать, сколько посвятившій себя Богу инокъ. Но хотѣлъ бы я знать, сколько ты, святый отецъ, содержишь себя въ молитвенныхъ упражненіяхъ? Ежели весь день и въ большую часть ночи у тебя въ устахъ гремитъ Божіе слово, а въ сердцѣ горитъ истинное умиленіе, то я долженъ отдать честь твоей добродѣтели и тебя взять въ примѣръ къ своему спасенію. Но понеже сила нашей души не можетъ быть столь тверда и напряженна, чтобы мы непрестанно пребывали въ молитвѣ, то въ какомъ же святомъ упражненіи проходитъ прочее время наше? Ежели мы бываемъ въ церкви въ сутки часа четыре или пять, такъ куда же пропадаютъ прочіе благословенные часы? Я больше молчу, а отдаю сіе слѣдствіе всякому на судъ своей совѣсти, и только съ сожалѣніемъ говорю, что праздная жизнь нѣкоторыхъ монашествующихъ (сохрани, Боже, чтобы я заключалъ тутъ всѣхъ: нѣкоторыхъ, говорю, монашествующихъ!) бываетъ причиною многихъ пороковъ, а именно, унынія или разслабленія душевнаго. Но кто впадаетъ въ унынie, тотъ начинаетъ скучать, что онъ избралъ для себя такое состояніе, которое уже ему представляется несноснымъ: отъ таковой скуки раждается задумчивость, а задумчивость подаетъ поводъ къ дурнымъ сомнѣніямъ,

предпріятіямъ и роптаніямъ. Такія мысли безпокойны, сіе внутреннее мученіе несносно: что же дѣлать?—надобно стараться погашать ихъ виномъ. Отъ сего родится къ пьянству привычка, которая когда кѣмъ овладѣетъ, то въ немъ истребляетъ и послѣднее чувство добродѣтели, отъ чего, напослѣдокъ, выходитъ ужасная и многихъ слезъ достойная погибель души.

Да все ли тутъ? Подлинно, страшно и сіе; но, кромѣ того, таковые пороки нѣкорыхъ иноковъ привлекаютъ безчестіе и изощряютъ языки другихъ на все монашеское состояніе. Міръ видитъ все, и нѣкоторые міряне сожалѣютъ, что не находятъ они святости и въ тѣхъ, коихъ и обѣщаніе, и общежительство, и самая одежда увѣщаваетъ и побуждаетъ къ святости; а другіе, слѣдуя, можетъ, своей страсти, не только осуждаютъ, но и при всякомъ случаѣ стараются осмѣять. Таковы печальныя слѣдствія праздной жизни!

Нельзя намъ того сказать, что монашеское житіе такъ препроводить, какъ надлежитъ, есть не невозможно,—нельзя намъ того сказать: понеже добровольно мы къ тому себя обязали, а къ невозможному никто себя обязывать не долженъ. Къ большему нашему въ семъ увѣренію и подражанію представилъ бы я древнихъ святыхъ иноковъ, коихъ добродѣтель доселѣ прославляется, представилъ бы я Павловъ Ѳивейскихъ, великихъ Антоніевъ, Иларіоновъ, Макаріевъ, Марковъ Ѳряческихъ, Арсеніевъ, Герасимовъ, Саввъ, Евфиміевъ, Аѳанасіевъ Аѳонскихъ и прочихъ многочисленныхъ,—представилъ бы я ихъ; но, вотъ, предъ очами нашими предлежитъ основатель сей обители, преподобный и богоносный Сергій, свѣтило Россійское, монашествующимъ всѣмъ святѣйшій примѣръ. Положивъ въ душѣ своей твердое основаніе посвятить себя всего на службу Богу, онъ столь возвысилъ свою добродѣтель, что сіяніе ея и доселѣ служитъ руководствомъ къ нашему просвѣщенію. Славные слѣды и драгоцѣнные остатки трудолюбія его и нестяжанія мы находимъ въ самой сей обители. Кротость блаженной души его видна была при всякомъ случаѣ, а наипаче, когда онъ на степень Всероссійской митрополіи возводимъ былъ. Роптаніе ложныхъ братій онъ сносилъ столь терпѣливо, что его великодушіе приводило ихъ въ стыдъ, слѣдовательно, въ исправленіе: внутреннія же богомыслія его,—умъ, углубившійся въ чистомъ воображеніи Божества, и жаръ молитвенныхъ приношеній кто исповѣсть?..

Сей блаженный отецъ, который прежде богодухновеннымъ языкомъ, а нынѣ посредствомъ своихъ священныхъ мощей, такъ говоритъ къ намъ: „Духовною восхищаюсь я радостію, что вижу неувядающій вертоградъ, руками моими насажденный и напоенный моимъ потомъ. Процвѣтайте въ дому Господни, собранныя Богомъ чада мои; приносите

плоды достойны покаянія. Моя жизнь да будетъ вамъ примѣромъ святости: мои, трудомъ изможденныя, руки да прогонятъ отъ васъ праздность; моя, отъ поста увядшая, плоть да научитъ васъ воздержанію; мои, мудрымъ молчаніемъ запечатлѣнныя, уста да наставятъ васъ благоразумію; тѣло мое, отъ Бога нетлѣніемъ благословенное, кое вы всегда предъ очами своими имѣете, да будетъ вамъ увѣреніемъ, что добродѣтель ваша предъ щедротами Божіими забвена быть не можетъ. Впрочемъ, да будетъ надъ вами Божіе благословеніе и мои содѣйствующія тому молитвы“!

Сіе увѣщаніе отца нашего да напечатаемъ мы, братіе, на скрижали сердца своего и, оное исполняя, да утвердимъ себя упованіемъ, яко Господь Богъ нашъ всему есть мздовоздаятель праведный. А чтобы намъ въ семъ прекрасномъ теченіи подвизаться благопоспѣшно, вкупѣ всѣ призовемъ Божественную помощь, Боже милосердія, собравый насъ во едино! соедини крѣпчайшимъ союзомъ любви Твоея, и въ подвигѣ нашемъ да способствуетъ благодать Твоя, и молитвы угодника Твоего. Рцы и намъ, Человѣколюбче, якоже нѣкогда апостоламъ Твоимъ реклъ еси: *Не бойся малое стадо: яко Отецъ небесный благоизволи дати вамъ царство* (Лук., 12, 32). Аминь.

Слово въ недѣлю Сыропустную *).

Духъ Святый, въ чтенномъ нынѣ Евангеліи, изобильное предлагаетъ намъ угощеніе. Слышали вы, что нынѣшнее Евангеліе поминало намъ о трехъ добродѣтеляхъ, въ которыхъ заключается званіе, какъ всякаго христіанина, такъ наипаче монашеское, а именно, „о непамятозлобіи, и воздержаніи, и о нестяжаніи“. О непамятозлобіи содержится въ сихъ словахъ: „Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ., 6, 14). О воздержаніи же сказано такъ: „Егда поститеся, не будите, яко же лицемѣри“ (Матѳ., 6, 16). А о нестяжаніи такъ изъяснено: „Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли“ (Матѳ., 6, 19) и проч. И понеже Спаситель нашъ мало повыше говорилъ о молитвѣ, какой ей должно быть, а послѣ того тотчасъ присовокупилъ и о помянутыхъ нами трехъ добродѣтеляхъ, то изъ сего мы несумнительно можемъ заключить, что, кто хочетъ Богу молиться, потребно, дабы молитва его препровождаема была оными тремя добродѣтелями, то есть, непамятозлобіемъ, или любовію, воздержаніемъ и нестяжаніемъ. И какъ молитвѣ или истинному богопочитанію крайне

*) Сказано февраля 18 дня 1767 года въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ.

противно есть лицемѣріе, для того Евангеліе предостерегаетъ, чтобы оныя добродѣтели не были опорочены лицемѣріемъ,—и для того говоритъ: „Не будите, яко же лицемѣри“. Ибо, если кто другому прощаетъ обиду только словами, а въ сердцѣ на него злобится, тотъ—не другъ, но лицемѣръ; если кто воздержится отъ нѣкоторыхъ яствъ, а страстямъ даетъ волю, тотъ есть не постникъ, а суевѣрный лицемѣръ; если кто о бѣдныхъ словами сожалѣетъ, а душу имѣетъ плѣненную богатствомъ и скупостію, тотъ—не снабдитель милостивый, но жестокій лицемѣръ. Итакъ, ежели къ помянутымъ добродѣтелямъ будетъ примѣшанъ ядъ лицемѣрія, онѣ повреждаются и пропадаютъ; слѣдовательно, и воздаваемое нами Богу служеніе будетъ недѣйствительно и безплодно. Когда же лицемѣріе столь есть душевредно, потщимся мечемъ слова Божія истребить оное.

Что же есть лицемѣръ? — По слову Христову,—лицемѣръ есть гробъ повапленный, или покрашенный, который снаружи имѣетъ видъ не худой, а внутри полонъ костей мертвыхъ и всякой нечистоты; лицемѣръ есть, который оцѣждаетъ комары, а верблюды пожираетъ, то есть, малые грѣхи уважаетъ, а великіе ставитъ за ничто; лицемѣръ есть, который почитаетъ собственный прибытокъ выше закона и совѣсти. Лицемѣръ есть, который иное содержитъ въ сердцѣ, иное на языкѣ,—который имѣетъ наружность святую, а внутренность беззаконную; лицемѣръ есть, котораго единъ составъ разодранъ на-двое,—который самъ съ собою не согласенъ; лицемѣръ есть въ человѣчествѣ уродъ, который имѣетъ видъ человѣческій, а мысли бѣсовскія.

Чтобы лучше разсмотрѣть намъ сіе безобразное чудовище, посмотримъ на него съ трехъ сторонъ,—къ чему руководствуетъ насъ самое Евангеліе, а именно, со стороны его непамятозлобія, со стороны его постничества и со стороны нестяжанія его.

Лицемѣръ, въ непамятозлобіи, охотно прощаетъ намъ словами свою обиду, но между тѣмъ ищетъ случая къ отмщенію: обходится съ нами ласково, но въ сердцѣ скрываетъ ядъ злобы; увѣряетъ въ глазахъ, что онъ намъ—другъ искренній и слуга вседоброжелательный, а заочно плететъ сѣти къ уловленію нашему; всѣ наши слова предъ нами чрезмѣрно выхваляетъ и превозноситъ до небесъ самые пороки наши, но, отступивъ на одинъ шагъ, уже во вредъ намъ толкуетъ наши слова и старается опорочить самыя добродѣтели наши. Изволь уберечься отъ сей сѣти! Простосердечная душа удобно уловляется таковою хитростію лукаваго лицемѣра и поручаетъ ему сердце свое, котораго онъ скоро бываетъ не только отступникъ, но и предатель. О, какъ горестно преданну быть отъ того, которому я свое сердце повѣрилъ и съ которымъ я бесѣдовалъ не иначе, какъ съ самимъ собою!

Таковая простота наша и искренность намъ вредна, а лицемѣру полезна и прибыточна. Взошедши хитро въ насъ и укравши ключи нашего сердца, онъ, во-первыхъ, похищаетъ наше душевное богатство, то есть, обноситъ насъ худымъ именемъ, приводитъ насъ у другихъ въ ненависть и преграждаетъ дороги къ благополучію нашему; а притомъ, умастивъ насъ гладкими словами и обѣщая дать намъ золотыя горы, истощаетъ и послѣдній пожитокъ нашъ.

Надобно ли, слушатели, уже изъяснить вамъ, сколько таковый лицемѣрный нравъ есть человѣчеству досаденъ, Богу противенъ, христіанину непристоенъ? Вы знаете, что Евангеліе хочетъ, дабы христіане были простосердечны такъ, какъ голуби, — чтобы злобою были младенцы, чтобы любили и ненавистниковъ своихъ, добро творили бы и врагамъ своимъ,—чтобы за обиды свои такъ чистосердечно прощали, какъ желали бы самимъ себѣ быть прощеннымъ отъ Бога. Какъ? ты, христіанинъ, будешь думать, какъ отмстить свою обиду? а вотъ, предъ очами твоими виситъ твой распятый Спаситель, Который при послѣднемъ часѣ блаженной жизни Своей молился о распинателяхъ Своихъ, и сей кротчайшій нравъ оставилъ въ примѣръ къ подражанію твоему! Впрочемъ, если ты хочешь слѣдовать худой склонности сердца своего, то послушай, что говоритъ тебѣ нынѣшнее Евангеліе: „Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ небесный: аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“. Ежели ты не прощаешь брату своему, не проститъ тебѣ Богъ твоихъ грѣховъ; ежели ищешь мстить, Богъ будетъ мститель твой; ежели тщишься другого погубить, погубитъ тебя въ гееннѣ огненнѣй праведный Судія: „ею же мѣрою мѣриши, возмѣрится тебѣ“ (Матѳ., 7, 2). Но приступимъ ко второй части Евангелія и посмотримъ уже на лицемѣра со стороны его постничества.

„Егда поститеся, не будите, яко же лицемѣри“. Вещь сожалѣнія достойная, что лицемѣры не въ домахъ только кроются, не въ судебныхъ только находятся мѣстахъ, волочатся не по улицамъ только и торгамъ, но дерзаютъ входить и въ храмы священные, отворяютъ себѣ не преподобными руками двери и въ божественный алтарь. Сія мерзость запустѣнія стоитъ иногда на мѣстѣ святѣ; лицемѣры и святѣйшій законъ употребляютъ орудіемъ къ своимъ сквернымъ прибыткамъ, и то, что есть средство ко спасенію, обращаютъ себѣ въ погибель. Не можно описать ихъ лучше, какъ уже они описаны отъ предвѣчной мудрости въ Священномъ Евангеліи (Матѳ., гл. 23). Таковые лицемѣры занимаютъ,—говоритъ Спаситель,—учительскія мѣста и строго нападаютъ на малыя слабости бѣдныхъ людей, а сами питаются неправдою и пьютъ, яко воду, беззаконіе. Они обременяютъ простой народъ запо-

вѣдями, вымышленными отъ людей, и за преступленіе оныхъ не умилостивляются, развѣ подаяніями; одежду свою они расширяютъ, надѣясь чрезъ то получить отъ простыхъ важное мнѣніе о себѣ; они любятъ занимать вездѣ первыя мѣста и присвоять себѣ титлы гордыя. Они долго молятся, но таковыя ихъ лицемѣрныя молитвы съѣдаютъ цѣлые домы бѣдныхъ вдовицъ и пожираютъ послѣднее ихъ имущество; они одесятствуютъ мятву, и копръ, и киминъ, то есть, при всякомъ случаѣ показываютъ о себѣ, что они—ревностные хранители и малѣйшихъ обрядовъ закона; но между тѣмъ нѣтъ въ нихъ и слѣда правды и милости и вѣры.

Много надобно было бы намъ времени, чтобы совершенно описать ихъ нравы. Скажемъ еще только, какъ читано въ нынѣшнемъ Евангеліи, что таковые лицемѣры, когда постятся, наводятъ морщины на лице свое и не умываютъ оное,—показываютъ, что они изнемогли отъ поста и едва могутъ ходить,—и все то дѣлаютъ, чтобы другіе почитали ихъ за святыхъ, а чрезъ то къ имѣнію ихъ отворить двери.

О, зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите отъ суда огня геенскаго? О, ненавистные предатели закона и торжники вѣры! Прельщая сердца простыхъ людей, думаете ли вы скрыться отъ Онаго, Который испытуетъ сердца и утробы? лицемѣря предъ очами человѣческими, думаете ли, что возможете обмануть и всевидящее оное Око? Вы безчестите святые алтари, вами въ поруганіе приходитъ Божественная вѣра: вы подаете вредный соблазнъ неутвержденнымъ душамъ, которыя, примѣтивъ въ васъ обманъ, не вѣрятъ и тому, чему вѣрить неотмѣнно надобно: вы безчестіе наводите и на тѣхъ служителей Церкви, которые хранятъ святое званіе свое въ чистой совѣсти.

Мы, благословенные христіане, видя, сколь погибельно есть таковое лицемѣріе, какъ должны поступать сами? Духъ Святый всякій день чрезъ святое слово Свое учитъ насъ: „милости хощу, а не жертвы“ (Матѳ., 9, 13),—что „жертва Богу духъ сокрушенъ“ (Псал., 50, 19),—что „истинные почитатели Бога служатъ Богу духомъ и истиною“; (Іоанн., 4, 23) „духомъ“, то есть, не устами только, не наружностію одною и не одними обрядами; „а истиною“, то есть, исполненіемъ заповѣдей, Богомъ предписанныхъ, а не отъ людей выдуманныхъ: „духомъ и истиною“.

Таковое, вотъ, богопочитаніе есть нелицемѣрное, есть Евангельское, есть христіанское; таковое богослуженіе привлекаетъ намъ съ небесъ благословеніе Божіе. При семъ и постъ богоугоденъ. Но о постѣ я долженъ напомянуть вамъ особенно: ибо сей день предвозвѣщаетъ намъ его пришествіе; и хотя много долженъ бы я съ вами бесѣдовать о спасительномъ воздержаніи, но да не утомлю слухъ

вашъ, приведу вамъ одно только мѣсто изъ Исаіи пророка, въ которомъ прекрасно описано, какой долженъ быть постъ нашъ (Ис., 58, 3—12). Говорятъ тамъ израильтяне: „Господи! какъ? мы постились, но Ты скрылъ Свои очи отъ нашего поста; мы себя истомили, а Ты въ насъ никакой перемѣны не примѣтилъ“? Отвѣщаетъ имъ на то Божественный гласъ: „Для того, де, что вы во время поста питаете страсти свои и во дни воздержанія обижаете другихъ, ссоритесь и бѣгаете по судамъ. Что же Мнѣ—въ такомъ постѣ? Нѣтъ, такой постъ Мнѣ не пріятенъ. А ежели хочешь, чтобы твой постъ былъ угоденъ Мнѣ, то разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрѣшай долги насильственныхъ писаній, отпусти порабощенныхъ въ свободу и всякое писаніе неправедное раздери. раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безпріютныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Ежели такъ будешь поститься, разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя: и будетъ Богъ твой съ тобою присно: и насытишися, якоже желаетъ душа твоя“!

Вотъ, благословенные христіане,—живое изображеніе истиннаго поста! вотъ, какимъ воздержаніемъ прославить себя подобаетъ христіанамъ, а наипаче монахамъ!

Теперь, любезные слушатели, должно бы мнѣ, по обѣщанію своему, разобрать и третію часть нынѣ чтеннаго Евангелія—о нестяжаніи, и посмотрѣть бы на лицемѣра еще подъ симъ видомъ; но чувствую изнеможеніе въ моихъ силахъ. И потому, препоручая сіе Духу Святому, Который не оставитъ научить тщательныя сердца, оканчиваю мое слово, обращая оное къ возлюбленной о Господѣ братіи моей. Молю васъ утробами Христовыми: потщимся препровождать свою жизнь такъ, чтобы она приносила людямъ добрый примѣръ, совѣсти нашей—удовольствіе и ангеламъ—радость. Да будемъ непамятозлобны и любвеобильны: понеже общежительство связываетъ насъ другъ съ другомъ во едино; да будемъ всегда воздержны, да будемъ нестяжательны: понеже міръ почитаетъ насъ за отрекшихся міра; да растворимъ постъ нашъ рукодѣліемъ и трудолюбіемъ: ибо въ семъ наипаче состоитъ монашество, то есть, въ любовномъ житіи, во всегдашнемъ воздержаніи, въ нестяжаніи безпристрастномъ и въ трудолюбіи.

И понеже другое званіе мое разлучаетъ меня съ вами, братіе, на время: то теперь, предстоя жертвеннику Господню, препоручаю васъ Богу и Его благому Промыслу, да Его всесильная десница управляетъ васъ и ко всякому дѣлу благому да наставляетъ. Аминь.

Слово въ недѣлю третью Великаго поста*).

„Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой".
(Марк., гл. 8, ст. 34).

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Зная, что Ваше Императорское Величество и вы, примѣромъ своей Монархини возбуждаемые, слушатели, всегда съ охотою желаете слышать слово Божіе, и что сія спасительная жажда побуждаетъ васъ, дабы оную утолять живою водою ученія, почерпаемою изъ источниковъ Израилевыхъ,—зная сіе, погрѣшилъ бы я противъ самой истины, ежели бы ничего изъ Святаго Писанія не представилъ къ удовольствію вашему. Ибо, какъ желанія вашего ничто не можетъ быть справедливѣе, такъ и духовнаго сего упражненія ничто не можетъ быть пріятнѣе. Какую же трапезу представимъ мы вашимъ, алчущимъ правды, душамъ? Духъ Святый изобильное предлагаетъ намъ угощеніе въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, но угощеніе странное. Ибо, кто желаетъ быть участникомъ сего духовнаго пира, тотъ долженъ отрещись самого себя: „Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе" (Марк., 8, 34). Чтобы быть истиннымъ послѣдователемъ Начальника вѣры нашей, надобно совсѣмъ перемѣнить себя, надобно выйти изъ самого себя. Предложеніе—темное; гаданіе, запечатлѣнное печатію премудрости Евангельской. Почему молимъ Тебя, Источниче всякаго просвѣщенія! Отверзи намъ умъ разумѣти писанія и научи насъ, *какъ, отвергшись самихъ себя, преселиться намъ въ Божественный Духъ Твой?*

Отрещись самого себя, повидимому, есть вещь невозможная, ибо кажется, что въ семъ заключается нѣкоторое противорѣчіе: чтобы быть мнѣ самому, и отрещись мнѣ же самого себя. Но, хотя бы и можно было, опять, кажется, не должно бы быть то: ибо для того, чтобы отрещись самого себя, повидимому, надобно было бы отказаться отъ тѣхъ Создателевыхъ законовъ, на которыхъ основаны движенія нашего тѣла и души. Такія недовольно ясныя мѣста Святаго Писанія, если надлежаще истолкованы не будутъ, бываютъ для другихъ случаемъ къ соблазну. Ибо нѣкоторые, мало просвѣщенные, умы, не возмогши, или не хотя взойти въ глубину божественнаго Писанія, когда находятъ въ немъ нѣкоторыя видимыя противорѣчія, сумнятся объ истинѣ, Богомъ намъ преданнаго,

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ придворной церкви, Марта 11 дня, 1767 года.

слова и, за что должны бы осуждать свою слабость, въ томъ оскорбляютъ Духа Святаго, Творца всякой истины.

Но надобно признаться, что и худыя толкованія подаютъ много случаевъ къ развращенію и къ несправедливому заключенію объ истинѣ Святаго Писанія. Приведенное нами Христово слово объ отверженіи себя одни толкуютъ, что отрещись себя есть умерщвлять всѣ склонности, не дѣлая между ними справедливаго различія, и, такъ сказать, изсушать источникъ человѣческихъ дѣйствій. Другіе думаютъ, что нельзя отрещись самого себя, развѣ удалить себя отъ всякаго сообщенія съ людьми и оградиться горами отъ опасности мірскихъ соблазновъ. Иные, толкуя оное же слово, разсуждаютъ, что для отверженія себя не довольно исполнить обязательства, какія мы на себя приняли, вступивъ въ число благословеннаго христіанства, но надобно еще себя обременять другимъ, не знаю чѣмъ; и для того оное Христово слово, чтобы отрещись себя, относятъ не до всѣхъ вообще христіанъ, но токмо до нѣкотораго извѣстнаго состоянія людей. Такія и подобныя толкованія, подлинно, даютъ случай остроумнымъ, но не довольно разсудительнымъ людямъ, не свято думать объ истинѣ христіанской, вмѣсто того, чтобы такъ думать о несправедливыхъ ея толкователяхъ. Но посмотримъ уже, какой есть настоящій и, съ евангельскимъ духомъ сходный, разумъ Христова слова.

Чтобы получить намъ истинное понятіе объ отверженіи себя, надобно напередъ увѣреннымъ быть (о чемъ, думаю, никто и сумниться не можетъ), что человѣкъ часто предпочитаетъ худшее лучшему, что не рѣдко послѣдуетъ чувственнымъ склонностямъ въ предосужденіе здравому разуму, и что не всегда бываетъ точнымъ исполнителемъ закона совѣсти, а чрезъ то, выходя изъ подъ владычества добродѣтели, дѣлаетъ себя невольникомъ порока. Принявъ истину сію за несумнительную, не трудно узнать, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя. Ибо, когда идетъ кто противъ несправедливаго усилія своихъ страстей; когда пріятность чувствъ приноситъ въ жертву пользѣ, утверждаемой разумомъ, и когда наружныя выгоды порока почитаетъ меньше тѣхъ трудовъ, которые ведутъ къ добродѣтели: тогда онъ разрываетъ самый крѣпкій узелъ предразсужденія и пристрастія; тогда онъ принуждаетъ себя оставить пріятность и пользу для чувствъ весьма лестную. Тогда онъ побѣждаетъ самого себя, по слову евангельскому; а по выраженію апостола Павла, тогда онъ скидаетъ съ себя ветхаго человѣка и съ худыми дѣлами его, а одѣвается въ новаго, и тщится достигнуть до того совершенства, въ какомъ созданъ первый человѣкъ (Колос., 3, 9—10). И потому отрещись себя, значитъ, просто сказать, не слушаться самого себя, когда бы мы въ самихъ себѣ чувствовали побу-

жденія, противныя истинѣ, противныя совѣсти и разрушающія истинное блаженство наше. А что не сказано въ евангеліи, чтобы отвергаться намъ худыхъ склонностей, но самихъ себя, чрезъ сіе означается, чтобы мы отъ нихъ такъ отреклись, какъ бы онѣ совсѣмъ до насъ не надлежали, и ихъ обольщенія такъ были бы для насъ мало чувствительны, какъ бы они находились въ другомъ комъ либо, а не въ насъ. И въ семъ точно разумѣ пишетъ премудрый Апостолъ: „И вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл., 1, 6, 11).

А отсюда видимъ, что, кто отвергается себя, тотъ отвергается себя и не отвергается. Отвергается въ изъясненномъ нами разумѣ, а не отвергается себя, послику чрезъ сіе отверженіе избираетъ себѣ, что больше полезно, поелику чрезъ то становится ближе къ Богу; а вещь, приближающаяся къ своему центру, не отступаетъ отъ естества своего, но слѣдуетъ ему. И понеже мы, отрицаясь себя, больше находимъ себя,—для того Спаситель нашъ въ нынѣшнемъ же Евангеліи сказалъ: „Иже хощетъ душу свою спасти, то есть, не отрещись себя, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою, то есть, отвержется себя, спасетъ ю“.

А изъ всего сказаннаго намъ надобно заключить, что если бы человѣкъ всегда точно послѣдовалъ закону своей совѣсти, и оной ни въ чемъ не преступалъ бы, то и не было бы причины Спасителю сказать: „Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе“, понеже, исполняя точно законъ Его, тѣмъ самымъ слѣдовалъ бы за Нимъ.

Познавъ теперь, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя, боюсь, чтобы не показалось кому весьма строгимъ ученіе сіе; однако, положивъ, что оно, подлинно, такое есть, надобно почитать ту строгость, которая ведетъ насъ къ совершенству. Впрочемъ, можетъ ли то ученіе назваться строгимъ, которое исполнили люди, подверженные подобнымъ съ нами немощамъ? Предстань здѣсь ты, Авраамъ, отецъ вѣрующихъ; предстань и дай намъ самимъ собою примѣръ отверженія себя. Сей праведный мужъ, по несчастію временъ, жилъ между людьми, кои, отступивъ отъ благочестія, вели развращенную жизнь и своими худыми примѣрами не токмо смущали душу праведнаго, но и добродѣтель его приводили въ опасность. Гласъ Божій, обитающій въ непорочной совѣсти, тогда возопилъ ему: „Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу“ (Быт., 12, 1), то есть, оставь видимое и извѣстное и предпочти невидимое и неизвѣстное. Повиновался избранный мужъ трудному сему повелѣнію, послѣдовалъ гласу тому, оставилъ мѣсто рожденія, домъ, сродство и житейскія выгоды и всему тому предпочелъ благочестіе, а чрезъ то, от-

вергшись самого себя, міру оставилъ яснѣйшій примѣръ, какъ побѣждать препятствія, кои встрѣчаются съ нами въ пути добродѣтели.

Тотъ же Божественный гласъ вопіетъ и тебѣ, возлюбленный Богу христіанинъ, и говоритъ: „изыди не изъ земли твоея, но изъ самого себя, изъ внутренности тлѣнія твоего; изыди не отъ рода твоего, но отъ вреднаго съ худыми людьми обращенія; изыди не изъ дому отца твоего, но разорви крѣпкій узелъ, которымъ связываетъ тебя худая привычка,—и иди въ землю, высшую небесъ, въ которой обитаетъ Богъ,—въ землю, кипящую медомъ услажденія вѣчнаго и млекомъ спокойствія совѣсти". Такимъ образомъ совершается отверженіе себя, такимъ образомъ слѣдовать надобно за Избавителемъ своимъ.

И кто бы не захотѣлъ бѣжать вслѣдъ гласа сего? Но дѣлаютъ намъ въ томъ затрудненіе слѣдующія Евангельскія слова: „и возметъ крестъ свой". А симъ означается, что за отверженіемъ себя тотчасъ слѣдуетъ крестъ, то-есть, различныя искушенія; крестъ двоякій: внутренній и внѣшній. Внутренній крестъ есть оное сраженіе плоти и духа, — сраженіе, которое находимъ мы въ самихъ себѣ, когда склонности чувствъ противятся разуму, когда видимъ и похваляемъ лучшее, а слѣдуемъ худшему, когда и то и другое оставить не хочемъ, а то и другое вмѣстѣ получить мы не можемъ. Крестъ тѣмъ тягостнѣе, что онъ пронзаетъ сердце наше и отъемлетъ покой нашей совѣсти. Другой крестъ есть внѣшній, которымъ насъ обременяютъ со стороны: ибо, отрекшись себя и слѣдуя добродѣтели, надобно на себя поднять цѣлый полкъ, страстью порабощенныхъ, людей. Никто не любитъ противное себѣ. Твое, христіанинъ, благочестіе вооружаетъ противъ тебя нечестиваго, твоя справедливость не мила мздоимцу, твоя прозорливость досадна хитрому ласкателю, твое воздержаніе безпокоитъ роскошнаго, твоя тщательность въ гнѣвъ приводитъ лѣниваго, твое постоянство мучитъ человѣка распутнаго: „Аще отъ міра бысте были", — говоритъ Спаситель Своимъ ученикамъ,—„міръ убо свое любилъ бы: якоже нѣсте отъ міра, но Азъ избрахъ вы, сего ради ненавидитъ васъ міръ" (Іоанн., 15, 19).

Неси убо крестъ сей великодушно: иди на Голгоѳу за твоимъ Подвигоположникомъ и въ терпѣніи твоемъ полагай спокойствіе духа твоего; докажи міру, что твое терпѣніе сильнѣе есть, нежели его гоненіе.

Знаю, что мысль иногда говоритъ тебѣ подобно, какъ говорилъ Исаакъ отцу своему, когда тотъ хотѣлъ принести его въ жертву: „Отче, се огнь и дрова, а гдѣ есть овча на всесожженіе" (Быт., 22, 7)? Говоритъ иногда мысль и тебѣ: „Отче небесный! се — огонь и дрова, се — огонь искушеній и напастей и дрова, разжигающія оный огонь; а гдѣ есть утѣшеніе Твое? гдѣ есть всесильная помощь Твоя?" Но могутъ ли

произнесены быть сіи слова, чтобы въ тотъ же часъ сердце твое не наполнилось сладчайшимъ, небеснаго утѣшенія, нектаромъ?

Мы въ самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ утѣшаемся, во-первыхъ, благою совѣстію, которая живо увеселяетъ духъ нашъ; и сжели бы кто не доволенъ былъ симъ, то позволилъ ли бы онъ мнѣ желать себѣ всякаго благополучія съ худою совѣстью? Второе, утѣшаемся твердымъ упованіемъ, что добродѣтель наша въ свое время откроется въ полномъ сіяніи; и если бы кто симъ не доволенъ былъ, то позволилъ ли бы мнѣ онъ желать себѣ всякаго счастія, которое, наконецъ, обращалось бы въ горесть и печаль? „Аще кто пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ, какая польза человѣку тому“ (Марк., 8, 36)?

Но почто я утруждаю слушателей моихъ и увѣщаваю къ той добродѣтели, къ исполненію которой они обязали себя въ крещеніи и тоже всегда подтверждаютъ въ причастіи, и кои, самымъ дѣломъ отправляя должности, возложенныя отъ Церкви и отъ общества, воинствуютъ подъ знаменемъ креста Христова? А, во-первыхъ, Ты, Благочестивѣйшая Монархиня наша, нося на священныхъ своихъ раменахъ тягостное бремя великаго правленія, склоняешь на себя очи не токмо всѣхъ насъ, но и самого Владѣющаго свѣтомъ, и самой собою доказываешь, сколь великія дѣла можетъ понести и совершить душа, посвятившая себя небесной помощи. Почему осталось мнѣ молить токмо великаго Подвигоположника, да облегчаетъ Вамъ спасительное иго Ваше, и симъ путемъ славы да введетъ Васъ въ обитель вѣчнаго покоя. Аминь.

Слово во святый и Великій пятокъ *).

„Егда же пріятъ оцетъ Іисусъ, рече: совершишася. И преклонь главу предаде духъ“.
(Іоанн., гл. 19, ст. 30).

Собравшись въ сей храмъ священный, празднуемъ мы, благословенные христіане, смерть Страдальца неповиннаго, Который тѣмъ для насъ любезнѣе, что Онъ въ семъ видѣ представляется намъ не для того, акибы мы желали Ему такимъ родомъ смерти умереть, но что Его смерть есть свѣтлѣйшее доказательство любви Его къ намъ,— что Его смерть есть дѣйствительное врачеваніе смертности нашей. Знаю я, что непричастные таинствъ христіанскихъ могутъ дивиться и причитать намъ въ стыдъ, что мы почитаемъ Распятаго; могутъ они

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ придворной церкви, въ Москвѣ, 1767 года, апрѣля 6 дня.

говорить: „Иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти? аще Сынъ Божій есть, да снидетъ со креста“ (Матѳ., 27, 42). Такія стрѣлы бросаютъ на насъ іудеи, симъ поноситъ насъ язычникъ. Но наше благоговѣніе къ Нему тѣмъ непорочнѣе и святѣе, что ни стыдъ ложный, ни наружность обманчивая не колеблютъ нашу истину, — что мы утверждаемся на внутренности, на сокровенной силѣ премудрости Божіей, которая людямъ невнимательнымъ часто кажется слабою. Духъ Божій давно предвидѣлъ сіе и благовременно предостерегъ, чтобы мы не преткнулись на таковое мнѣніе міра. „Видите званіе ваше, братіе“, — говоритъ Онъ намъ устами Павловыми, — „яко буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая, да сущая упразднитъ, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ“ (1 Кор., 1, 26—29). На семъ основаніи той же Апостолъ пишетъ къ возлюбленному ученику своему: „Не постыдися, чадо, страстію Господа нашего Іисуса Христа, ни мною юзникомъ Его“ (2 Тим., 1, 8), — не постыдися: ибо преодолѣть таковой стыдъ, который съ нами встрѣчается, когда надобно идти противъ поврежденныхъ мнѣній міра,—преодолѣть сей ложный стыдъ есть свѣтлѣйшая побѣда.

Но обратимъ очи свои къ Солнцу правды, заходящему на горизонтѣ крестномъ, и послушаемъ, что Онъ, при послѣднемъ дыханіи блаженной жизни Своей, говоритъ. Говоритъ Онъ: „Совершишася!“ Что же сіе слово значитъ? научи насъ съ крестной каѳедры Ты Самъ, великій Архіерей, прошедый небеса и входяй во внутреннія, премудрости Божіей, завѣсы,—раздери покрывало, которое отъ насъ сокрываетъ святилище истины, и даждь намъ видѣть сокровенныя тайны Твои!

СОВЕРШИШАСЯ.

Понеже въ словѣ семъ не изъяснено, что́ совершилось, для того надлежитъ изслѣдовать, *что такое приведено въ совершенство и въ окончаніе*, — тѣмъ паче, что слово сіе сказано отъ великаго нашего Учителя при послѣднемъ часѣ. И потому должно оно заключать въ себѣ содержаніе важное, и мы обыкновенно памятуемъ и повторяемъ часто тѣ слова, которыя слышали мы отъ любимыхъ нами умирающихъ.

СОВЕРШИШАСЯ.

Совершились, во-первыхъ, всѣ страданія Снасителя нашего, какія злость человѣческая выдумать, и человѣкъ претерпѣть можетъ. Первые дни младенчества были началомъ Его жизни и, вмѣстѣ, началомъ Его гоненія. Тотъ, Который на небеси уготовлялъ намъ вѣчныя обители, не имѣлъ на земли, гдѣ главу приклонить; Тотъ, Который безсмертною пищею истины насыщалъ человѣческій родъ, былъ гладенъ и жажденъ

чрезъ все теченіе лѣтъ Своихъ; Тотъ, лице Котораго дѣлаетъ радость ангеламъ, былъ оплеванъ, по ланитамъ біенъ и весь окровавленъ; Тотъ, Который взялъ на рамена Свои бремя грѣховъ всего міра, былъ отягощенъ крестомъ и мучительно пригвожденъ на немъ. Подлинно, облеченъ Онъ былъ въ порфиру, но въ порфиру поруганія, — данъ былъ въ руки и скипетръ, но которымъ сокрушали Его главу, — возложенъ былъ и вѣнецъ, но вѣнецъ терновый. Мученіе тѣмъ несноснѣе, что соединено съ поруганіями: ибо одно терзаетъ тѣло, другое пронзаетъ духъ. Пилатъ, сколь, впрочемъ, ни былъ къ милосердію мало преклоненъ, не могъ не быть тронутъ симъ позорищемъ и для того вывелъ Его, обагреннаго текущею кровію, предъ собраніе и сказалъ: „Се, человѣкъ!“ Ежели ваше сердце мученіемъ ненасытно, видите, что все Его тѣло сдѣлалось одною язвою; и ежели васъ не умягчаетъ Его неповинность, да умягчитъ общее человѣчество. „Се, человѣкъ!“

Въ какомъ видѣ отъ Пилата представленъ Іисусъ, въ такомъ Его давно предусмотрѣлъ Исаія пророкъ: „Видѣхомъ Его: и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ: человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый“, то-есть, отъ младенчества привыкшій „терпѣти болѣзнь, яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ: во смиреніи Его судъ Его взятся“ (Ис., 53, 2, 3, 7, 8). Премудрость Божественная, вознесенная на крестъ, воображая, или паче, терпя всѣ таковыя мученія во плоти, несправедливо ли,—разсудите,—возопила: „Совершишася!?“ Егда же пріятъ оцетъ, Іисусъ рече: „Совершишася: и преклонь главу, предаде духъ“.

Совершились, второе, всѣ дѣла великаго посольства Его. Волю небеснаго Отца открылъ, истину всѣмъ благовѣствовалъ, отъ заблужденій отвелъ, основалъ славную Церковь, состоящую изъ всѣхъ народовъ сущихъ подъ небесемъ; а, наконецъ, все сіе запечаталъ кровію Своею и чрезъ то примирилъ небо и землю, какъ-то изъясняетъ божественный Павелъ: „Благоволи Богъ Тѣмъ примирити всяческая съ Собою, умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная“ (Колос., 1, 20). И для того Самъ Спаситель, отходя къ испитію смертной чаши, говорилъ къ Отцу Своему: „Отче! дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ да сотворю“ (Іоанн., 17, 4); а на крестѣ въ томъ же разумѣ возопилъ: „Совершишася“.

Совершилось, третіе, чаяніе языковъ. Всѣ народы ожидали себѣ утѣшенія отъ Бога, утѣшенія Израилева. Ибо кто, страстями смущаемый, не безпокоится совѣстію? и кто, преступая богописанный на сердцѣ законъ, не убоится суда Господа Саваоѳа? Сей страхъ засвидѣтельствовали всѣ народы своими жертвами: ибо къ чему бы проливать жи-

вотныхъ кровь, и таковымъ ужаснымъ зрѣлищемъ служить божеству, еслибы сіе не было знакомъ трепещущей совѣсти, которая, смущаясь воображеніемъ суда нелицепріятнаго, думала удовлетворить вѣчной правдѣ пролитіемъ крови неповинныхъ животныхъ, вмѣсто своей, и тѣмъ успокоить бы себя? Хотя сіе средство само чрезъ себя къ оправданію было недѣйствительно, ибо, по основаніямъ христіанскимъ, „не возможно крови тельчей и козлей отпущати грѣхи“ (Евр., 10, 4); однако, оно доказывало, что весь міръ признавалъ себя повиннымъ предъ верховнымъ Законодателемъ, слѣдовательно, доказывало нужду и чаяніе утѣшенія Божія.

Сіе чаяніе на крестѣ совершилось: что мы не могли исполнить, то исполнилъ, вмѣсто насъ, великій Ходатай нашъ. Ибо, взявъ лице человѣка, Божіимъ гнѣвомъ поражаемаго, принесъ Себя въ жертву и пролитіемъ Своей неповинной крови погасилъ гнѣвъ неба; обративъ на Себя все дѣйствіе правосудія, обезоружилъ оное, а оставилъ для насъ едино милосердіе. И мы можемъ теперь со дерзновеніемъ вѣры нашей сказать: „Отче небесный! можетъ ли Твоя правда въ насъ поразить что-нибудь, которое не было бы окроплено дражайшею кровію Сына Твоего?“ Можетъ ли совѣсть наша не успокоиться, видя удовлетвореніе за грѣхи наши, приносимое Тебѣ чрезъ Единороднаго Твоего? „Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ, за насъ умершій“ (Римл., 8, 33—34). Спаситель, висящій на крестѣ, видя исполненіе сего вожделѣннѣйшаго для насъ дѣйствія, возопилъ: „Совершишася“.

Совершились также всѣ пророческія предсказанія, а равно всѣ жертвы и прообразы Ветхаго Завѣта. Се—твой, Церковь, Исаакъ, отеческою рукою за насъ жертвуемый! се—окровавленная риза Іосифа твоего, но пречистая плоть! се—агнецъ пасхальный, въ твое спасеніе закалаемый, котораго вѣрою причащаемся мы! се—поражаемый камень, и источающій не воду, но токи крови! се—истинная жертва и всесожженіе, по принесеніи которой всѣ прочія жертвы устыдились и сокрылись: ибо, всѣ онѣ, по разумѣнію Апостольскому, были только „тѣнь грядущихъ благъ, а не самый видъ вещей“ (Евр., 10, 1). Окончились, притомъ, и пророческія предсказанія и тѣмъ себя оправдали; исполнились сіи слова Исаіины: „Предана бысть на смерть душа Его, и со беззаконными вмѣнися“ (Ис., 53, 12); исполнилось предвѣщаніе Моиссево: „Узрите животъ вашъ висящъ предъ очесы вашими“ (Второз., 28, 66); исполнилось и оное пророчество Давидово: „Даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта“ (Псал., 68, 22). И для того Искупитель нашъ, когда вкусилъ оцта, съ желчію смѣшаннаго, и притомъ видѣлъ, что все, сказанное о Немъ, исполнилось,—заключилъ симъ словомъ: „Совершишася!“

Окончаніе получилъ и самъ законъ; законъ, написанный въ сердцѣ нашемъ правосудною рукою Божіею, ибо „кончина закона—Христосъ". „Вы нѣсте,—привѣтствуетъ насъ Апостолъ,—„подъ закономъ, но подъ благодатію" (Римл., 10, 4; 6, 14). Не должно думать, акибы сими словами отвергаемъ былъ законъ Божій; никакъ. Но чрезъ сіе Писаніе даетъ намъ знать, что истинно вѣрующій не находитъ себя подъ игомъ закона, который поражаетъ своего преступника проклятіемъ,—что надъ христіаниномъ, признающимъ немощи свои и прибѣгающимъ къ благодати, законъ строгости своей исполнить не можетъ.

Совершились и всѣ Божіи опредѣленія о спасеніи вѣрующихъ и объ осужденіи невѣрующихъ. Ибо, какъ пріемлющіе сію великую жертву опредѣляются въ животъ, такъ отвергающіе оную—въ смерть, по свидѣтельству Евангелія: „Вѣруяй въ онь, нѣсть осужденъ: а не вѣруяй, уже осужденъ есть" (Іоанн., 3, 18).

Сіи слова Евангельскія, съ одной стороны, наполняютъ духъ нашъ великимъ утѣшеніемъ и радостію;—съ другой, трепетомъ и ужасомъ. О! отврати, Спасителю, чтобы мы исключаемы были изъ сей молитвы: „Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю" (Іоанн., 17, 9).

Совершились, наконецъ, всѣ дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Ибо висѣть на крестѣ Существу, всѣхъ тварей святѣйшему, есть доказательство милосердія и любви Божіей къ намъ, которую ни языкъ изъяснить, ни мысль понять совершенно не можетъ. И потому справедливо сіе страданіе Божественнаго лица отъ Церкви называется, „истощаніемъ", акибы сказать: Богъ оказалъ Себя столь милосердымъ къ намъ, что, кажется, истощилъ весь источникъ благости Своей; и понеже совершилось Его милосердіе, то тѣмъ самымъ совершилось и Его долготерпѣніе. Ибо когда Богъ не можетъ показать больше милосердія, и если бы кто пренебрегъ и сіе милосердіе, то больше для него быть не можетъ долготерпѣнія Божія, какъ свидѣтельствуетъ Писаніе: „Волею согрѣшающимъ намъ по принятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва" (Евр., 10, 26); и, сіе вообразивъ, Спаситель возопилъ: „Совершишася!"

Видимъ мы теперь, слушатели, какъ понимать намъ должно произнесенное Христомъ слово, и какой таинственный разумъ заключается въ немъ. Но, вотъ, новое затрудненіе, требующее великаго и строгаго изслѣдованія. Всѣ, совершившіяся смертію Спасителевою, дѣла, о которыхъ сказали мы, еще остаются нѣкоторымъ образомъ несовершенными, коли въ насъ не совершились вѣра и любовь. И для того дражайшій Избавитель, желая спасенія нашего и совершеннаго окончанія дѣламъ Своимъ, требуетъ отъ насъ изъясненія, можемъ ли и мы сказать: „Совершишася?!".

Совершились Его страданія. Такъ пересталъ ли ты своими пороками уязвлять уязвленнаго Христа и тѣмъ въ другой разъ распинать Сына Божія? или еще Онъ въ тебѣ страждетъ, чего не страдалъ отъ іудеевъ? Ибо тягостнѣе Ему грѣхи христіанскіе, нежели мученія іудейскія; несноснѣе для Него преступленіе завѣта, въ который ты вступилъ съ Нимъ, нежели то копіе, которымъ прободено было ребро Его.

Совершились всѣ дѣла посольства Его. Такъ совершилось ли въ тебѣ благое изволеніе послѣдовать гласу небесному? И пересталъ ли ты противиться Духу Святому, къ добродѣтели тебя возбуждающему? Ибо святая истина вѣры остается для насъ безплодною, ежели оную не объемлемъ благимъ изволеніемъ сердца.

Совершилось чаяніе всѣхъ языковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ желаніе осіяннымъ быть лучами благодати? Чувствуешь ли въ сердцѣ своемъ утѣшеніе? слышишь ли въ душѣ твоей сей вопль: „Пріиди, Господи Іисусе! Пріиди, готово сердце мое, Боже! готово“ (Псал., 56, 8). Или погружаешь себя въ нѣкоторомъ глубокомъ снѣ, и нечувствителенъ къ истинной и вѣчной пользѣ твоей?

Совершились всѣ предсказанія пророковъ. Такъ совершилось ли въ тебѣ познаніе христіанской истины, и довелъ ли ты свое познаніе до такого совершенства, чтобы сердце твое можно было назвать книгою Христовою? или еще млекомъ питаешься и младенецъ въ училищѣ Іисусовомъ? или еще сомнѣнія колеблютъ твою мысль и корабль твоей вѣры клонятъ къ погруженію?

Совершились опредѣленія Божія. Такъ привелъ ли ты добродѣтель свою въ такое состояніе, чтобы тебѣ быть написаннымъ въ книгахъ живота? или херувимъ съ мечемъ пламеннымъ возбраняетъ тебѣ входъ во врата райскія и отгоняетъ тебя отъ селенія праведныхъ?

Совершились дѣла милосердія и долготерпѣнія Божія. Такъ содрогаешься ли ты отъ сего великаго милосердія? Боишься ты правосудія Божія, но не больше ли надлежитъ тебѣ бояться милосердія сего? Ибо если бы кто, находясь подъ единою строгостію правосудія, преступилъ законъ, можетъ быть, представилъ бы въ свое извиненіе сію самую строгость, которая поразила его унынiемъ; но ты, видя, изліянный предъ тобою, весь источникъ благости и снисхожденія, если бы, со всѣмъ тѣмъ, нарушилъ сей завѣтъ, завѣтъ любви,—что тогда можешь принести въ свое извиненіе? И, чтобы заключить все вкратцѣ, совершилось ли въ тебѣ намѣреніе доброе, желаніе похвальное? приведено ли къ окончанію начатое благое дѣло? бросилъ ли ты совсѣмъ худую привычку, отъ которой столько разъ тщетно отставалъ? восходишь ли на высоту добродѣтели и отверзаешь ли себѣ дверь въ незаходимая?.. Ахъ, слушатели, сколь всѣ сіи вопросы важны! а притомъ съ какимъ затрудне-

ніемъ должны дать на нихъ свои изъясненія не малая часть христіанъ! Однако отвѣтствовать надлежитъ: Христосъ повелѣваетъ, Церковь, умоляетъ, польза наша требуетъ.

Что же на сіе отвѣтствовать будешь ты, христіанинъ,—ты, участникъ Новаго Завѣта и призванный въ царство благодати? Ежели, съ помощію Божіею, одно изъ того совершилъ, другое покаяніемъ исправилъ: то слыши гласъ, съ креста тебѣ глаголющій: „Днесь будеши со Мною въ раи“ (Лук., 23, 43); „благій рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего“ (Матѳ., 25, 21). А ежели не исполнилъ и непрестаннымъ пребываніемъ во злѣ ожесточилъ ты сердце свое, горе тебѣ! Ты—преступникъ завѣта, презритель крови Господней, суетный проповѣдникъ смерти Его, и осужденный испить чашу некончаемой горести.

Но, чтобы всею своею тяжестію не поразили насъ такія слова, истиннымъ покаяніемъ да облобызаемъ раны Спасителевы и слезами своими да засвидѣтельствуемъ, что мы повинны по немощи, что мы во грѣхѣ не ожесточены, и возопіемъ къ Нему: Спасителю Христе! Твои заслуги суть дражае, нежели, чтобы мы могли за нихъ возблагодарить Тебя. Смерть Твоя сколь сильна была въ приведеніи насъ въ вѣру Твою, въ вѣчный завѣтъ съ Тобою,—тая же да споспѣшествуетъ намъ непорочно соблюсти вѣру сію, сей завѣтъ до конца, чтобы мы, достигши до послѣдняго часа нашей жизни, достигши и до возможной намъ степени добродѣтели, могли съ Тобою сказать: „Совершишася!“ Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Кого Мя глаголютъ человѣцы быти сына человѣческаго?“

(Матѳ., гл. 16, ст. 13).

Церковь Божія, совершая различныя празднованія, подаетъ различные случаи къ нашему наставленію. Праздникъ истинный есть, когда онъ соединенъ съ полезнымъ упражненіемъ: ибо тогда духъ нашъ спокоенъ, и сердце наше тогда наполняется неложнымъ веселіемъ. Нынѣшнее Евангеліе, проповѣдуя о вручении ключей святому Петру, о непоколебимомъ основаніи Церкви, о различіи между откровеніемъ плоти и духа, и откровеніемъ Отца небеснаго, между прочимъ, упоми-

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ большой придворной церкви, іюня 29 дня, 1767 года.

наетъ и о различныхъ мнѣніяхъ, какія были у людей, о, сшедшемъ съ небеси и подъ видомъ человѣчества на земли странствовавшемъ, Господѣ. Одни Его равняли съ Іоанномъ Крестителемъ, другіе называли Иліею Пророкомъ, третьи—Іереміею, а иные—однимъ изъ знатнѣйшихъ, изъ мертвыхъ воставшихъ, пророковъ. Въ разбирательство различія мнѣній сихъ входить мы нужды не имѣемъ: ибо, послѣдуя святому Петру, о Спасителѣ нашемъ со всею Церковію торжественно исповѣдуемъ мы, яко „Онъ есть Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти“ (Матѳ., 16, 16; 1 Тимоѳ., 1, 15).

Впрочемъ, съ немалою пользою можемъ мы войти въ общее разсужденіе *о различіи людскихъ мнѣній*: ибо и о насъ не одни бываютъ мнѣнія человѣческія; и потому, *какое изъ нихъ, подлинно, есть справедливо, и которое дѣлаетъ намъ прямую честь*, изслѣдовать теперь почитаю за полезное и нынѣшнему торжеству за пристойное. Помощи же требуемъ отъ Тебя, Боже всякаго просвѣщенія! На насъ, предстоящихъ предъ Твоимъ всемогуществомъ, блесни оный лучъ, которымъ просвѣщается свѣтильникъ нашъ.

„Кого Мя глаголютъ человѣцы быти“?

Честь обыкновенно поставляется въ добромъ мнѣніи другихъ о насъ, и оно есть основаніе всѣхъ тѣхъ наружныхъ засвидѣтельствованій, какія мы отдаемъ человѣку, достойному добраго мнѣнія. Но извѣстно, что различныя могутъ быть у людей мысли, и часто то мнѣніе, которое кажется добрымъ, самою вещію есть худо; а, напротивъ, которое кажется худымъ, само въ себѣ есть доброе: слѣдовательно, нерѣдко бѣдный человѣкъ обманывается тѣмъ, что бываетъ тогда спокоенъ, когда онъ окруженъ обстоятельствами, нарушающими спокойствіе его, и, напротивъ, печалится тогда, когда имѣетъ въ себѣ основаніе къ истинной радости. Таковой случай требуетъ основательно разобрать, на чемъ какое мнѣніе должно быть утверждаемо, когда оно справедливое, чтобы не обмануться намъ въ томъ удовольствіи, какое рождаетъ истинная честь.

Итакъ, во-первыхъ, высокія должности обыкновенно производятъ въ насъ высокое мнѣніе о тѣхъ, которые возведены на оныя степени, и заставляютъ насъ отдавать имъ всякіе знаки подобающаго почтенія. Подлинно, „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ (Римлян., 13, 1); и совѣсть наша, признавая, что различныя званія уставлены отъ Вышняго къ блаженству общему, велитъ намъ почитать сіи, освященныя Божіимъ благословеніемъ, степени. Да и никакая должность сама чрезъ себя не есть безчестна, когда она служитъ къ общей пользѣ: презрѣнна одна только праздность и роскошь.

Но, чтобы за честію званія слѣдовала честь и того, который

тѣмъ званіемъ почтенъ, надобно, чтобы онъ былъ исполнителемъ обязательствъ званія своего; надобно, чтобы онъ сіяніе должности не помрачалъ нерадѣніемъ своимъ, чтобы высокую степень не унизилъ злонравіемъ своимъ. Не мѣсто украшаетъ человѣка, но человѣкъ—мѣсто. Судейскій столъ красенъ правосудіемъ, воинскій мечъ блистаетъ вѣрностію, пастырская каѳедра возносится духовною ревностію, художественный домъ славенъ прилежаніемъ, орудіе поселянина красно трудолюбіемъ. Вѣрный исполнитель званія возвышаетъ и низкое мѣсто, а нерадивый и высокое унижаетъ; вѣрный исполнитель званія къ славѣ должности своей отъ себя сообщаетъ новое сіяніе, а нерадивый помрачаетъ и то, которымъ всякое знаніе отъ Бога есть прославлено. Пусть таковый высоко самъ о себѣ мечтаетъ, и въ мысли своей часто повторяетъ сіи слова: „Кого, кого мя глаголютъ человѣцы быти?“ Но истина, когда на вѣсы свои полагаетъ сіе великое мечтаніе, находитъ въ немъ одну только суетную пышность; истина, о вещахъ справедливо разсуждающая, почитаетъ его за тяжесть обществу, стыдъ добродѣтели, безчестіе справедливости.

А ты, который порученную тебѣ должность почитаешь священнымъ долгомъ, даннымъ отъ руки Вышняго,—ты, который въ исполненіи должности поставляешь все удовольствіе совѣсти своей и украшеніе жизни твоей, скажи, какія дѣлаешь воображенія о своей чести? Сколь часто въ мысли своей повторяешь сіи слова: „Кого мя глаголютъ человѣцы быти?“ Но мы видимъ, что не удовольствуешь ты нашъ вопросъ своимъ изъясненіемъ; видимъ, ибо вѣдаемъ, что, колико высокъ еси, толико смиряешь себя; ты только скажешь съ Павломъ къ намъ: „задняя позабываю, а въ предняя простираюся“ (Филипп., 3, 13).

Но когда ты столько смиренномудръ, такъ мы скажемъ, что люди думаютъ о тебѣ? Они предъ всѣми явно говорятъ, что ты—правосудный судія, что ты—защитникъ бѣдности, ничѣмъ неколеблемый, что ты—пастырь ревностный, что ты—воинъ мужественный и великодушный, что ты—гражданинъ добродѣтельный, что ты—человѣкъ честный. Таковое доброе мнѣніе другихъ о насъ дѣлаетъ намъ истинную честь; да изъ сего же видимъ, что доброе мнѣніе утверждается не на одномъ токмо званіи, но при томъ и на исполненіи его. Но поступимъ далѣе.

Второе. Почтенное мнѣніе дѣлаетъ въ насъ благородная природа; и, затѣмъ, многіе высоко сами о себѣ думаютъ, что произошли отъ великихъ людей, и другихъ тоже заставляютъ о себѣ думать. Нѣтъ сомнѣнія, что почтенно имя заслуженныхъ людей, и благополучными должны назваться тѣ, кои происходятъ отъ нихъ. Для чего благополучными?—для того, что имѣютъ домашній примѣръ добродѣтели,—для

того, что имъ къ истинной славѣ отворена дверь рукою предковъ ихъ,— для того, что особенный стыдъ поразить ихъ долженъ, если бы не подражали заслугамъ тѣхъ, отъ коихъ заимствуютъ славу. Такъ благородная природа можетъ ли терпѣть мысли низкія и подлыя? Такъ добродѣтели предковъ увольняютъ ли насъ быть добродѣтельными? Такъ обѣщалъ ли Богъ всегда миловать дѣтей развратныхъ для того, что они имѣли отцевъ благочестивыхъ? Не можетъ ли благородство не быть унижено въ тѣхъ потомкахъ, кои своимъ злонравіемъ потемняли бы славу предковъ своихъ и, сообщенную имъ чрезъ кровь, великость почитали бы для себя случаемъ ко всякому своевольству?

Быть благороднымъ, по силѣ Божественныхъ Писаній, и быть надменнымъ, мстительнымъ, несправедливымъ, быть развратнымъ суть понятія, дѣлающія противорѣчіе. Любовь, терпѣніе, воздержаніе, великодушіе, просвѣщеніе—того, кто украшенъ ими, возноситъ выше міра и выше мнѣній его, и даетъ право благородства, чтобы быть чадомъ Божіимъ. И потому не за меньшихъ, но едва ли не за большихъ, могутъ быть почтены тѣ, кои своею заслугою, своимъ потомъ, безъ всякаго предстательства снискали высокія титлы и сдѣлались благословеннымъ корнемъ будущей славы своихъ потомковъ. Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, ты, благородный, хотя бы и не говорилъ о себѣ: „Кого мя глаголютъ человѣцы быти“, однако, всѣ о тебѣ говорятъ, что ты—свѣтильникъ, поставленный на златомъ свѣщникѣ,—что ты—драгій камень въ златой оправѣ,—что ты—украшеніе роду своему и честь отечеству твоему. Таковое разсужденіе должно служить къ особенному увеселенію благородныхъ и къ утѣшенію для тѣхъ, кои со всею своею честностію имѣютъ несчастіе быть презираемы отъ надменныхъ суетою людей. Не унывайте вы въ непорочности своей: васъ почитаетъ вѣчная истина; въ книгѣ животной вы заслужили себѣ имена и титлы пресвѣтлыя; Духъ Божій называетъ васъ царскимъ священіемъ, родомъ избраннымъ, возлюбленными и домашними своими. При сихъ титлахъ темнѣетъ всякое сіяніе міра; но сіи титлы никому не даются, развѣ украшенному благородствомъ добродѣтели. Не оставимъ же, хотя кратко, коснуться и другихъ разсужденій.

Почтенное также мнѣніе дѣлаетъ въ насъ ученіе; и, затѣмъ, многіе, просвѣтившись науками, высоко мечтаютъ о себѣ, да и другіе иногда думаютъ о нихъ то же. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе есть особливый даръ милосердаго Божества, да и просвѣщенный человѣкъ достоинъ всякаго почтенія; но—когда достигъ того конца, для котораго ученіе нужно и предлагается, то-есть, чтобы исправить сердце свое, чтобы побѣждать страсти свои, чтобы знать снисходить немощамъ другихъ и врачевать оныя, чтобы собою дать примѣръ добродѣтели и случай

къ прославленію Отца свѣтовъ. Соединенное съ симъ ученіе возноситъ человѣка отъ земли и творитъ близкимъ Богу, а безъ того трудъ суетенъ, и просвѣщеніе темно. Если кто только надымается ученіемъ и презираетъ другихъ, если превратить хочетъ все по своимъ мыслямъ, если, входя въ тонкости и въ мелкости, проходитъ истину спасенія, — таковой есть суемудренъ и достоинъ сожалѣнія, что, принявъ сокровище Божественное, не можетъ употребить оное въ пользу свою и другихъ. Дѣлаетъ честь ученіе, но украшаемое честностію, совѣстію непорочною и нравами похвальными: тогда-то ты, который вкусилъ сладость истины небесной, тогда ты — сынъ мудрости вѣчной, участникъ свѣта несозданнаго,—тогда ты—содругъ разумныхъ духовъ ангельскихъ. Сіе разсужденіе служитъ къ утѣшенію тѣхъ, кои высокими науками не просвѣщены, однако, честностію нравовъ преукрашены: ибо и неученый, но добродѣтельный, человѣкъ осудитъ ученаго предъ Богомъ, поелику исполняетъ безъ ученія то, чего требуетъ ученіе.

Есть еще мнѣніе, которое отдаетъ честь богатымъ. Но, не входя въ пространное разбирательство мнѣнія сего, можемъ кратко сказать, что богатство само черезъ себя есть вещь средняя: по разнымъ употребленіямъ бываетъ оно добро и худо. Даетъ Богъ его добрымъ, и, затѣмъ, нельзя его назвать худымъ; имѣютъ же его и худые, и потому нельзя его почесть за истинный плодъ добродѣтели: честь или безчестіе богатаго зависитъ отъ добраго или худаго употребленія богатства.

Итакъ, уже изъ всего сказаннаго нами ясно видимъ, на чемъ должно быть утверждаемо мнѣніе другихъ о насъ и взаимно наше о другихъ, и что дѣлаетъ намъ истинную честь. Кто исполняетъ званіе свое съ благою совѣстію, кто съ заслугами предковъ соединяетъ свои, кто ученіе свидѣтельствуетъ честностію, кто богатство имѣетъ нажитое и управляемое добродѣтелію: тотъ безъ всякаго прекословія достоинъ почтенія; и никто не имѣетъ права на честь, какъ токмо сего рода люди. Церковь Божія тщится всегда внушать намъ такія чистыя понятія; но, чтобы они были въ насъ еще дѣйствительнѣе, представляетъ предъ очи наши примѣры, добродѣтелію прославленныхъ, мужей. Мы взираемъ нынѣ къ вамъ, Церковію празднуемые Апостолы! Вы были движущею причиною слова сего: вы же и запечатайте оное примѣромъ своимъ. Разсуждая апостольскую честь, каковою они прославлены на небеси и на земли, нельзя сказать, чтобы сія честь не была истинная и величайшая. Но чѣмъ они заслужили ее?—не просто апостольство прославило ихъ: ибо въ ликѣ апостоловъ былъ Іуда, но—вѣрность и ревность въ семъ священномъ званіи. Были они, какъ сами признаютъ, не высокородны, но почитаются нынѣ отъ увѣнчанныхъ главъ, — не были философы, но сердце свое содѣлали книгохранительницею премудрости

вѣчной,—не были они богаты, но нищета ихъ не унизила. Они знали и въ довольствѣ быть воздержны, и въ скудости довольны, и потому достойно нынѣ ублажаются честію, да и честію истинною, ибо оную утвердилъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ награжденіи справедливъ. Остается токмо молить Его благоутробіе, да поможетъ намъ быть подражателями апостоловъ, удостоивъ насъ быть зрителями ихъ добродѣтели.

Желали бы мы здѣсь окончить разсужденіе свое, но слово наше само собою стремится къ Всепресвѣтлѣйшей Монархинѣ нашей, и оно лишилось бы важнѣйшаго своего доказательства, если бы не привести ее въ примѣръ, примѣръ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ яснѣе ея добродѣтель,—добродѣтель поражающая не мысль токмо, но и чувства наши. Мы говорили объ истинной чести. Ты, Августѣйшая Самодержица, почтена отъ Бога честію между смертными высочайшею, честію Императорскою. Но сія честь, сама собою великая, заимствуетъ свое сіяніе, свою красоту отъ онаго неусыпнаго попеченія, которое прилагаешь о благополучіи нашемъ,—отъ оныхъ великихъ трудовъ, коими снискиваешь покой намъ. Примѣры тому—ежедневные, ежечасные примѣры: недавно воспріятое путешествіе доказываетъ, что вкупѣ имѣешь Ты и духъ попечительный, и мысль проницающую въ нужды подданныхъ своихъ. Видятъ Тебя всегда подвизающуюся грады царствующіе; но видѣли уже и другіе грады и села; да и сами рѣки будутъ проповѣдывать потомкамъ, что имѣли онѣ счастіе видѣть Тебя, на нихъ разбирающую дѣла имперіи. Почтена Ты и благороднѣйшею кровію, которую заимствуешь отъ великихъ предковъ Твоихъ, государей Всероссійскихъ; но сія честь тѣмъ свѣтлѣе, что Ты — подражательница дѣлъ ихъ, что украшаешь имя ихъ, что прославляешь добродѣтелію кровь ихъ. Почтена Ты отъ Бога отмѣннымъ просвѣщеніемъ, — что видно не токмо изъ многихъ, Монаршею Твоею рукою писанныхъ, установленій; но паче изъ славнаго предпріятія, чтобы положить новые законы, и даннаго къ тому, собственными трудами сочиненнаго, основанія. Но просвѣщеніе сіе тѣмъ любезнѣе, что склоняется къ благополучію общему. О богатствѣ не говорю, развѣ поелику оно есть у Величества Твоего орудіе къ призрѣнію бѣдныхъ и къ изліянію щедротъ на требующихъ помощи. Богъ, возвысивый славу Твою, дражайшая отечества Мать, возвысивый до толикой степени, да утвердитъ оную и больше умножать да не престанетъ.

Сей, Августѣйшей Родительницы, славы и Ты, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, дражайшій нашъ имянинникъ, сей славы Ты — преемникъ, и потому будь подражатель. Попечительный Промыслъ открылъ Тебѣ пространнѣйшій путь къ истинной чести. Рожденъ Ты отъ крови порфирородной, отъ Матери Августѣйшей; сію кровь прославь дѣлами

Твоими. Ты — Наслѣдникъ престола: предуготовляй убо дарованія, потребныя для прохожденія сей должности. Премудрость Божественная призываетъ Тебя въ Свои нѣдра; благоволи опочивать въ нихъ съ сладостію: подражай младому Соломону, который не другаго чего отъ Бога просилъ, какъ токмо премудрости. Благополучный же Твой во всемъ успѣхъ требуетъ не увѣщанія, но паче поздравленія, а также и молитвъ, да свѣтъ несозданный пребываетъ въ Тебѣ всегда незаходимъ.

Боже, неисчерпаемый источникъ благости! къ Тебѣ взываетъ Монархиня наша, держа въ рукахъ возлюбленнаго сына своего: они сами себя и всѣ дѣла свои посвящаютъ промыслу Твоему, Господи! Спаси Царя и услыши ны, въ онь же аще день призовемъ Тя. Аминь.

Слово во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, іюля 5 дня, 1767-го года.

„Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“.

(Римл., гл. 8, ст. 28).

Ежели человѣкъ, когда любитъ другого нелицемѣрно,—всячески старается, чтобы его желаніямъ дѣлать удовольствіе, чтобы благополучіе его подкрѣплять и не допустить до него никакихъ злосчастныхъ случаевъ: то возможно ли, чтобы Богъ, Который сей законъ любви вліялъ въ человѣческія сердца,—чтобы Богъ не споспѣшествовалъ тѣмъ, кои воспалены любовію къ Нему, слѣдовательно, конхъ любитъ и Онъ Самъ,—чтобы не помогать имъ въ исполненіи ихъ намѣреній, чтобы самыя препятствія не обращать ненавидящимъ въ стыдъ, а имъ въ славу? Истина сія есть свѣтла сама собою, ибо сама собою есть основательна. Сего бо требуетъ Божія и благость и святость, и справедливость и оная любовь, которою Онъ объемлетъ добродѣтель, яко чистѣйшій лучъ несозданнаго Своего свѣта.

И хотя, подлинно, понятіе наше не есть всегда столь счастливо, чтобы проникнуть въ союзъ вещей, часто покрытый завѣсою судебъ Божіихъ, и усмотрѣть, какими тайными путями Богъ приводитъ намѣренія праведныхъ Своихъ къ благому концу; однако, не оставлены мы безъ сильнѣйшихъ о томъ увѣреній. Мы вопрошаемъ васъ, красотою добродѣтели уловленные,—скажите, что вы чувствуете тогда, когда духъ вашъ, посредствомъ любви, соединяется съ Богомъ? Находите ли такіе непріятные слухи, которые бы въ тотъ же часъ силою утѣше-

нія Божія не были отведены, или, по крайней мѣрѣ, облегчены бы не были? Но они всѣ уже предупреждаютъ нашъ вопросъ; они намъ вопіютъ: „воззрите на всѣ мимошедшіе роды и видите, кто вѣрова Господеви и постыдѣся“ (Сирах., 2, 10)? И потому слѣдовало бы намъ исчислять теперь всѣ древніе примѣры, чрезъ которые любовь Божія къ праведнымъ прославляла себя; но не для чего намъ странствовать по многимъ древнимъ вѣкамъ. Попечительное Господне Провидѣніе наполнило всѣ вѣка примѣрами такихъ людей, кои намъ были бы всегдашнимъ побужденіемъ къ добродѣтели.

Мы взираемъ, во-первыхъ, къ тебѣ, духомъ въ Бозѣ, а тѣломъ съ нами опочивающій, святый Сергій! Собравшихся насъ днесь къ тебѣ на пиръ духовный напитай безсмертною пищею добродѣтели своей. Когда мы, слушатели, читаемъ исторію блаженной жизни его, находимъ въ ней яснѣйшія доказательства благочестивой любви, которою горѣла душа его къ возлюбившему насъ прежде Богу. Яснѣйшія, говорю, доказательства: ибо его любовь къ Богу не состояла въ томъ, чтобы признавать оную одними токмо устами, но утверждаема была добродѣтелію, яко истиннымъ плодомъ божественной любви. Страсти, которыя смущаютъ внутренній нашъ покой, онъ счастливо побѣждалъ и содержалъ ихъ въ рукахъ воли своей, ибо тщался всегда послѣдовать разуму и покорять ему склонности тѣлесныя. Въ пищѣ и питіи онъ наблюдалъ твердое воздержаніе, а тѣмъ самымъ осудилъ роскошь; слѣдовательно, отвелъ отъ себя великое искушеніе, какое причиняетъ утучнившаяся плоть. Къ большему дѣйствію добродѣтели содержалъ себя въ трудахъ и всегда имѣлъ преподобныя свои руки, занятыя какимъ-нибудь упражненіемъ; а чрезъ то прогналъ праздность, нечистый источникъ пороковъ,—и черезъ то же тѣло свое не допустилъ до разслабленія, а мысли до развлеченія. При сихъ трудахъ онъ былъ крайній любитель покоя, не покоя празднаго и потому безчестнаго, но который состоитъ въ удаленіи отъ тѣхъ случаевъ, какими міръ обыкъ смущать духъ нашъ, и который состоитъ въ тишинѣ, происходящей отъ взаимнаго согласія склонностей тѣлесныхъ съ душевными.

За первѣйшее же свое упражненіе блаженный почиталъ, чтобы воспѣвать имя Господне, чтобы размышленіями о будущей красотѣ увеселять свой духъ и, выходя аки изъ самого себя, преселяться къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обитаетъ блаженное Божество. Сіе упражненіе его было первое, упражненіе сладчайшее: всякій въ томъ подвигъ онъ почиталъ для себя легкимъ, всякій трудъ—покоемъ, день соединялъ съ нощію, въ которую онъ освѣщаемъ былъ свѣтомъ незаходимаго солнца. О, коликими неизглаголанными сладостями наполненной таковой душѣ надобно быть!

Препровождаемый симъ ликомъ добродѣтелей, нашъ подвижникъ былъ общій всѣмъ наставникъ, немощныхъ утѣшитель, вѣры правило, святости образъ. Ибо, по истинѣ, добродѣтельный человѣкъ есть самый лучшій учитель и проповѣдникъ: онъ учитъ вездѣ и проповѣдуетъ всегда, если не устами, такъ самымъ дѣломъ, своимъ обращеніемъ, своими нравами, своимъ примѣромъ, тѣмъ дѣйствительнѣе, что мысль нашу движетъ больше дѣло, нежели одно слово.

При всѣхъ оныхъ исправленіяхъ блаженный Сергій былъ кротокъ и, чѣмъ выше восходилъ онъ на высоту совершенства, тѣмъ больше уничижалъ себя предъ Богомъ,—тѣмъ больше находилъ нужду не разслабѣвать въ подвигѣ. Рѣдкая добродѣтель! ибо часто великія дарованія и совершенства совсѣмъ разрушаетъ одно надменное о себѣ мечтаніе.

Взирая на таковыя добродѣтели празднуемаго нами святаго, не видите ли вы, празднолюбцы, до коликой возведены онѣ степени? Не видите ли, какія струи проистекаютъ изъ того сердца, въ которомъ есть кипящій источникъ любви Божіей? Теперь посмотримъ, какъ Богъ любящимъ поспѣшествуетъ во всемъ во благое,—въ чемъ праведный сей намъ паки служитъ вмѣсто доказательства неоспоримаго.

Я уже не говорю о томъ, что Богъ наполнялъ сердце его внутреннимъ удовольствіемъ, что вливалъ въ него божественныя Свои утѣшенія, что не давалъ ему чувствовать горестей міра: ибо сіе есть неотъемлемое, сіе есть естественное награжденіе добродѣтели. Не говорю также и о томъ, какіе вѣнцы получилъ онъ на небеси: ибо сіе на вѣки утверждено неложнымъ Евангельскимъ обѣщаніемъ. Только о томъ долженъ сказать, что Богъ еще въ жизни наградилъ его и тѣмъ, чего, по извѣстнымъ единому Богу судьбамъ, не всегда сподобляется добродѣтель, то есть, что былъ онъ отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ. Самые великіе Всероссійскіе князья расположены были особеннымъ усердіемъ и почтеніемъ въ нему, да и вся Россія, какъ прежде, такъ и нынѣ со сладостію всегда воспоминаетъ имя Сергія. Сія есть истинная слава добродѣтели, чтобы ей никогда не умирать, и тѣмъ она различествуетъ отъ порока, что услажденіе его есть временное, а той—вѣчное. Не только же сія честь добродѣтельныхъ слѣдуетъ за однимъ лицомъ ихъ, но прославляетъ тѣ самыя мѣста, которыя освящены ихъ подвигами. Сія, основанная праведнымъ Сергіемъ, обитель всегда была любезна самимъ великимъ государямъ Всероссійскимъ: они дѣлали честь его памяти своимъ присутствіемъ; они съ усердіемъ лобызали драгоцѣнные останки блаженнаго тѣла его, почему праведный Богъ, въ награжденіе ихъ вѣры, въ семъ самомъ мѣстѣ неоднократно при трудныхъ обстоятельствахъ посылалъ имъ Свою небесную помощь.

Какъ Ты, Всепресвѣтлѣйшая Монархиня, Всемилостивѣйшая Государыня наша,—истинная и ревностная подражательница всѣхъ славныхъ дѣлъ и благочестія государей Всероссійскихъ: то въ сей самый часъ, въ который мы имѣемъ счастіе взирать на пресвѣтлѣйшее Вашего Императорскаго Величества лицо, въ сей самый часъ Церковь Божія видитъ Тебя, предстоящую со страхомъ живому Богу и приносящую Ему безкровную жертву, то есть, усердіе духа своего. Въ сей часъ она видитъ предстоящее Величество Твое предъ гробомъ Праведника сего и размышленіемъ его добродѣтели услаждающуюся. Мы вѣдаемъ, да и кто не знаетъ сего, коликими обременена Ты дѣлами, утверждающими благополучіе наше? И сіе одно исправленіе таковыхъ дѣлъ по справедливости должно быть почитаемо богослуженіемъ. Однако, они не воспрепятствовали самодержавію Твоему предпринять сіе благочестивое путешествіе; могу даже сказать, что сіи самыя дѣла были побужденіемъ Тебѣ къ сему дѣлу вѣры. Ибо гдѣ же Величеству Твоему найти покой, если не подъ сѣнію любви Бога? гдѣ—прохладу, если не изъ источниковъ Израилевыхъ? гдѣ—ободреніе, какъ не при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ—слѣды жившихъ въ добродѣтели и прославившихся?

Любезнымъ окомъ всегда да взираетъ Царь царствующихъ на сію Твою, Великая Государыня, вѣру, да утвердитъ державу Твою, престолъ Твой да утвердитъ миромъ и тишиною, да украшаетъ премудростію порфиру Твою,—о чемъ помолись, блаженный Сергіе, и сіе великое усердіе къ тебѣ Помазанницы Божіей награди ходатайствомъ своимъ и испрошеніемъ у Бога, ей и дражайшему сыну ея, ненарушимаго здравія, многихъ лѣтъ и благополучнаго надъ нами царствованія. Аминь.

Слово во время присутствія Его Императорскаго Высочества въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ *).

„Мнѣ же зѣло честни быша други Твои, Боже!“
(Псал., 138, ст. 17).

Не трудно узнать, кого разумѣетъ подъ именемъ друзей Божіихъ, духовною мудростію прославленный, Давидъ. Разумѣетъ онъ людей, любящихъ добродѣтель, наблюдающихъ непорочно законъ совѣсти своей и чрезъ святость подобящихся Пресвятому Богу. Великое преимуще-

*) Сказано іюля 17 дня 1767 года.

ство и честь превосходная! Ибо ежели быть другомъ знаменитаго нѣкоего вельможи, кольми паче быть другомъ царя земнаго, есть достоинство между людьми блистательнѣйшее и величайшее, поелику таковый отъ всѣхъ бываетъ почитаемъ, прославляемъ, и къ нему же всѣ въ нуждахъ своихъ имѣютъ убѣжище надежное: то что надобно сказать о тѣхъ, коихъ Самъ Богъ, Который и въ знаніи премудръ, и въ избраніи святъ, и въ награжденіи справедливъ,—коихъ Самъ Богъ удостоилъ быть Своими друзьями, и принялъ въ блаженное Свое дружество, — дружество почитаемое ангелами, желаемое херувимами, покланяемое серафимами!? Можетъ ли, Боже великій, смертный быть вознесенъ до толикаго достоинства, чтобы могъ называться другомъ Твоимъ? можетъ ли изъ персти слѣпленное созданіе быть возвышено до того, чтобы ему быть участну Твоихъ сокровеннѣйшихъ совѣтовъ? Божіе слово выводитъ насъ изъ сего удивленія: оно сказываетъ объ Авраамѣ, яко „Друга Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду: и другъ Божій нарочится“ (Іак., 2, 23). То же утверждаетъ Спаситель нашъ, Который сіе толикое имя присвояетъ апостоламъ Своимъ, слѣдовательно, и всѣмъ подражателямъ ихъ добродѣтели. Онъ сказалъ имъ: „Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господинъ его: васъ же реохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, - сказахъ вамъ“ (Іоан., 15, 15). И потому справедливо Псаломникъ воспѣлъ предъ Богомъ: „Мнѣ же зѣло честни быша други Твои, Боже!“

Но, чтобы больше познать намъ преимущество дружества святыхъ съ Богомъ, посмотримъ, *для какихъ причинъ они именуются друзьями Божіими*. И сіе можемъ мы узнать изъ свойствъ истиннаго друга.

Другъ по самому своему имени значитъ „другой я“, то-есть, значитъ такого человѣка, который мыслями и желаніями сходенъ со мною, душа котораго связана съ моею, и на котораго я такъ же, какъ на себя, положиться могу во всякихъ случаяхъ. И для того основательно нѣкто сказалъ, что „другъ есть одна душа, живущая въ двухъ тѣлахъ“. Такъ уже изъ сего и видно, что другъ Божій есть тотъ, воля котораго сообразна съ пресвятою волею Божіею, который своими желаніями единственно къ Нему стремится, духъ котораго любовію соединенъ есть съ Духомъ Божіимъ, и который по таковой любви столь увѣренъ въ Божіей благости къ себѣ, что не сумнится получить отъ Него все благое, къ пользѣ его служащее. По таковымъ свойствамъ праведный весь преселяется въ Бога, и весь Богъ—въ немъ, а чрезъ то дѣлается какъ нѣчто единое съ Богомъ, и аки бы утопаетъ въ безднѣ совершенствъ Божественныхъ. Сей тѣсный союзъ праведнаго съ Богомъ утверждается на оной любви, которою горитъ къ нему душа праведнаго, слѣдовательно, котораго любитъ и Самъ Богъ: ибо Онъ любящія

Его любитъ, и сія взаимная любовь добродѣтельному даетъ право именоваться другомъ Божіимъ.

Когда же онъ есть другъ Божій, то и участникъ сокровеннѣйшихъ Его таинъ и совѣтовъ. Понеже обыкновенно истиннымъ друзьямъ своимъ мы открываемъ свои мысли, изъясняемъ намѣренія, объявляемъ совѣты, и онымъ сообщаемъ самыя сокрытыя помышленія сердца нашего, или, кратко сказать, вручаемъ имъ все сердце свое и въ семъ врученіи находимъ особенное свое удовольствіе. Ибо и несчастіе облегчается, когда изъяснимъ оное другу,—и счастіе не столь бываетъ для насъ радостно, когда оное не сообщимъ вѣрному другу своему. Богъ всеблагій, удостоивая человѣка любящаго добродѣтель, имени друга Своего, благоволитъ открывать ему и Свои совѣты, которые закрыты отъ всѣхъ прочихъ тварей. Нѣкогда Онъ сказалъ избранному Своему Аврааму, любовь котораго къ Богу довольно была освидѣтельствована,—Онъ сказалъ ему: „Еда утаю Азъ отъ Авраама, раба Моего, яже Азъ творю“ (Быт., 18, 17)? О великое слово, заключающее въ себѣ несказанное снисхожденіе Божіе къ смертному! „Еда утаю Азъ отъ Авраама раба Моего, яже Азъ творю“? то есть, скрою ли Я что-нибудь отъ того, котораго люблю, и добродѣтель котораго открыта предъ очами Моими? Скрою ли Я что-нибудь? Боже, живый во свѣтѣ неприступномъ! „что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчъ, яко посѣщаеши его“? Когда Твои совѣты отстоятъ отъ нашихъ, сколько отстоитъ небо отъ земли, такъ надобно и тому человѣку, котораго благость Твоя творитъ участникомъ совѣтовъ Своихъ, отстоять отъ другихъ человѣкъ столько, сколько отстоитъ небо отъ земли.

Но какія же тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ? Онъ открываетъ имъ въ настоящемъ и естественномъ видѣ красоту добродѣтели, и потому они столь плѣняются ею. Онъ открываетъ имъ таинственные пути Провидѣнія Своего, которымъ управляетъ Онъ родомъ человѣческимъ и всѣмъ міромъ, и потому они столь великодушны въ несчастіи, и столь умѣренны въ благополучіи міра сего. Онъ открываетъ имъ величество Божественныхъ совершенствъ Своихъ,—и потому они бываютъ столь осторожны во всѣхъ поступкахъ своихъ, чтобы не обезобразить себѣ образа и подобія Божія. Онъ открываетъ имъ превосходство оной любви, которую оказалъ Онъ въ искупленіи человѣческаго рода чрезъ Единороднаго Сына Своего,—и потому они съ толикою вѣрою приносятъ Ему жертву благодаренія и хваленія. Онъ открываетъ имъ цѣну награжденій и вѣнцовъ, которые уготованы имъ на небеси; и потому они столь мало привязываютъ себя къ сему міру, а устремляются всѣми желаніями своими къ блаженной вѣчности. Вотъ—какія тайны открываетъ Богъ избраннымъ Своимъ, — тайны

великія,—тайны, составляющія блаженство наше! О, когда бы мы посмотрѣли на душуи праведнаго,—увидѣли бы оную, всю исписанную перстомъ живаго Бога!

Но тайны оныя сокрыты отъ людей, порабощенныхъ страстями. Павелъ былъ участенъ сей высокой чести, онъ былъ восхищенъ предъ лицо величества Божія и слышалъ таинственные глаголы. Но скажи намъ, любезный Павле, какіе глаголы слышалъ ты? Онъ, къ печали нашей, отвѣчаетъ намъ, яко „глаголы оные не лѣть есть“, не можно „человѣку глаголати“ (2 Кор., 12, 4). Но понеже и самъ Павелъ былъ человѣкъ, однако глаголы тѣ удостоенъ былъ слышать: такъ какому же человѣку не можно вмѣстить оныхъ словъ? Изъ сего затрудненія выводитъ насъ Спаситель: ученикамъ Своимъ Онъ такъ говорилъ, какъ прежде сказали мы: „Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господинъ его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ отца Моего, сказахъ вамъ“. Такъ изъ сихъ словъ видимъ, что таинъ Божіихъ не вмѣщаетъ рабъ; а рабъ, по Евангельскому же изъясненію, есть всякій служащій грѣху: „Всякъ служай грѣху, рабъ есть грѣха“ (Іоанн., 8, 43).

По истинѣ, рабъ есть, кто плѣненъ страстями,—кто связанъ худою привычкою, какъ оковами,—котораго склонности тѣлесныя влекутъ насильно, куда хотятъ; а разумъ остается связанъ и недѣйствителенъ. И потому таковый не можетъ понять тайны Божіи, ибо его и мысль помрачена, и сердце пороками занято, и воля превращена. О, злосчастное состояніе рабовъ таковыхъ,—тогда какъ, напротивъ, состояніе друзей Божіихъ вожделѣнно и радостно!

Разсуждая о сихъ преимуществахъ добродѣтельныхъ людей, видите, не справедливо ли святый Давидъ воспѣлъ предъ Богомъ: „Мнѣ же зѣло честни быта други Твои, Боже!“ Ибо какъ не почитать тѣхъ, коихъ почтилъ Самъ Богъ, коихъ возвысилъ Онъ до толикаго достоинства, что сотворилъ ихъ участниками совѣтовъ Своихъ и назвалъ друзьями Своими? Изъ числа таковыхъ друговъ Божіихъ предлежитъ предъ очами нашими праведникъ сей, преподобный Сергій, святое тѣло котораго между нами оставилъ праведный Богъ въ доказательство, сколь любезна Ему добродѣтель. Ибо блаженный сей любилъ Бога всею душею, и сердце его было святилищемъ Духа Господня: то засвидѣтельствовало святость его житія, непорочность нравовъ и всѣ дѣла, растворенныя любовію къ ближнему. И для того, содержай въ рукѣ Своей мѣру правды, Богъ столь прославилъ имя его: честенъ онъ нынѣ всей Церкви, честенъ намъ, честенъ и всей Россіи.

Честенъ и предъ очами Твоими, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! Ты, заимствуя кровь отъ великихъ государей Всероссій-

скихъ, прославленныхъ какъ другими многими дѣлами, такъ и благочестіемъ, симъ пришествіемъ своимъ доказываешь, что Ты—подражатель истинный и благоговѣнія ихъ. О! какъ любезно Россіи взирать на Твою порфирроносную особу, въ сихъ младыхъ лѣтахъ притекающую къ источникамъ духовнымъ и почерпающую изъ нихъ воду животную къ напоенію возрастающихъ плодовъ Твоихъ! Мы предъ Тобою дерзаемъ изъясниться искренно, что, если всякому, то Тебѣ наипаче подобаетъ предъ очами своими всегда имѣть жившихъ въ добродѣтели людей. Вѣдаемъ мы, что добродѣтель уже избрала себѣ мѣсто въ сердцѣ Твоемъ; но, чтобы она всегда въ Тебѣ была непоколебима, Богъ повелѣваетъ Тебѣ укрѣплять ее примѣрами праведныхъ мужей,—не токмо же укрѣплять, а и ободрять себя, чтобы въ теченіе добродѣтели приходить отъ силы въ силу и отъ славы въ славу. Видишь, благовѣрный Государь, на праведникѣ семъ, что добродѣтель увѣнчавается безсмертіемъ, что ея честь, слава и награжденіе насильствомъ временъ не истребляются. Коликое сіе есть ободреніе къ добродѣтели!

Боже, услыши молитвы наши! Угодниче Господень, блаженный Сергіе! сію благороднѣйшую отрасль государей Всероссійскихъ, кои къ тебѣ всегда имѣли особенное усердіе,—сію отрасль благороднѣйшую, пресвѣтлѣйшаго Наслѣдника Россіи благослови и ходатайствомъ своимъ испроси у престола Господня, да опочиваетъ на немъ Духъ Его; Духъ премудрости и благочестія; да будетъ онъ Россіи радость, отечеству—слава, Церкви—красота. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Тако тецыте, да постигнете“.

(1 Кор., гл. 9, ст. 24).

Когда воспоминаемъ мы день, въ который Богъ произвелъ въ міръ любезнаго сына Августѣйшей Матери и Высокаго Наслѣдника Великой Монархини нашей, тогда на память мнѣ приходятъ оныя апостольскія слова: „Тако тецыте, да постигнете“. Ибо жизнь сія есть нѣкоторый родъ теченія, и человѣкъ, чрезъ рожденіе выходя изъ своего ничтожества, вступаетъ въ славный подвигъ добродѣтели. Чтобы теченіе наше въ семъ подвигѣ было несуетно, чтобы сраженіе славно, чтобы полученіе намѣренія несумнительно, божественный Апостолъ возбуждаетъ

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ приворной церкви, 1767 года, сентября 20 дня.

насъ сими словами: „Тако тецыте, да постигнете“. Выведены вы изъ небытія въ бытіе, которое есть начало дѣйствія, поставлены на всесвѣтномъ зрѣлищѣ, на сіе зрѣлище открыты небеса, взираютъ на васъ очи ангельскія, взираютъ и Самъ небесный Подвигоположникъ, держа въ рукахъ вѣнцы неувядаемые. Выходите, подвизайтесь, сражайтесь, теките, одинъ другаго предупреждая, тщитесь предвосхитить вѣнецъ и онымъ украсить побѣдоносную главу свою. Не щадите силъ своихъ для столь великой почести: „тако тецыте, да постигнете“. Но понеже, по Апостольскимъ же словамъ, „аще кто и постраждетъ, не вѣнчается, аще незаконно“ подвизаться „будетъ“ (2 Тим., 2, 5),— для того надлежитъ изслѣдовать, *чего достигать намъ надобно*. Ибо конецъ всякаго дѣла хотя есть послѣдній въ исполненіи, но первый въ намѣреніи, дабы всѣ наши труды не были суетны, если конца знать не будемъ. А Ты, великій Подвигоположникъ, благоволи управлять текущую колесницу славы нашей и подвигъ нашего слова увѣнчай подвигомъ самаго дѣла.

ТАКО ТЕЦЫТЕ, ДА ПОСТИГНЕТЕ.

Сіи слова Апостолъ писалъ къ Коринѳянамъ, у которыхъ между разными, такъ называемыми, олимпійскими играми было въ употребленіи бѣганіе на колесницахъ. Кто другихъ предускорялъ и прежде достигалъ до назначенной мѣты, тотъ признаваемъ былъ за побѣдителя и получалъ въ почесть вѣнецъ, сплетенный изъ листьевъ извѣстнаго древа. Отъ сихъ увеселеній чувственныхъ Павелъ возводитъ христіанина къ увеселеніямъ духовнымъ, въ которыхъ онъ также находитъ колесницу, теченіе, вѣнецъ и торжество. Въ семъ духовномъ подвигѣ колесница есть разумъ, правимый вѣрою, теченіе есть непрестанное упражненіе въ добродѣтели со всегдашнимъ приращеніемъ совершенства, вѣнецъ есть слава неумирающая, торжество есть услажденіе вѣчное.

Но, чтобы подробнѣе взойти намъ въ сіе нравоучительное разсужденіе, посмотримъ, всѣ ли текутъ? всѣ ли такъ текутъ, какъ надлежитъ? кто законно течетъ и непогрѣшительно постигаетъ?

Нельзя сказать, чтобы всѣ были въ подвигѣ теченія. Люди, которые опочиваютъ въ нѣдрахъ праздности, у которыхъ всѣ члены изнѣжены отъ роскоши, не могутъ понести трудовъ, какихъ требуетъ подвигъ добродѣтели. Они любятъ ходить по цвѣтамъ, они страшатся взойти на оную священную высоту, на которой поставленъ храмъ добродѣтели: ибо чрезъ праздность они разслабили всѣ силы тѣлесныя и душевныя, умертвили естественныя способности, погасили духъ благородства и превратили Божіе намѣреніе. И для того, понеже они не текутъ, такъ и не постигаютъ: какъ ничего не дѣлаютъ, такъ ничего и не получаютъ, кромѣ печальныхъ слѣдствій, препровождаемыхъ лишеніемъ истинной славы.

Но суть и такіе, которые и текутъ, но не постигаютъ, — которые хотя и подвизаются, но не увѣнчиваются. Ихъ Апостолъ обозначилъ симъ краткимъ словомъ „тако:“ „Тако тецыте“,—изъ чего разумѣть можно, что не всѣ текутъ такъ, какъ надлежитъ. За таковыхъ почесть должно корыстолюбцевъ и честолюбцевъ.

Корыстолюбцы во всѣхъ своихъ дѣлахъ смотрятъ на корысть, и не принимаются за то, отъ чего не надѣются получить себѣ прибытка. Но надобно различать пользу и корысть: подъ именемъ корысти разумѣется приращеніе къ богатству, а польза заключаетъ все то, что какимъ-либо образомъ служитъ къ совершенству нашему. И потому, подлинно, нѣтъ дѣйствія честнаго, которое вмѣстѣ не было бы и полезно; но нельзя сказать, чтобы оно всегда было и прибыточно: напротивъ, нерѣдко случается, что честность дѣйствія заставляетъ добродѣтельнаго человѣка жертвовать ей тратою своей корысти. Однако, сія трата довольно награждается другою превосходною пользою, которая, ежели не въ другомъ чемъ, такъ по крайней мѣрѣ состоитъ въ приведеніи души въ бо́льшее совершенство. Но человѣкъ корыстолюбивый не уважаетъ сію пользу для того, что онъ не видитъ ея, ибо истинная польза усматривается очами разума; а онъ управляется одними чувствами, которыми, понеже осязаетъ прибытокъ, то посему и уловляется имъ. Такимъ людямъ непонятна общая польза: они не разумѣютъ, что значитъ дѣлать добро по движенію совѣсти, дѣлать добро для внутренняго удовольствія души; они не любятъ, кто проповѣдуетъ имъ, что не всякій способъ есть дозволителенъ къ обогащенію. Такъ чѣмъ же различествуютъ таковыя отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ? имъ Богъ — чрево: они пригвождены къ землѣ и на небо очей своихъ возвести не могутъ; они — стыдъ человѣчеству и безчестіе образу Божію. И для того справедливо Евангеліе называетъ ихъ „въ себя, а не въ Бога богатѣющими“ (Лук., 12, 21).

Однако, совсѣмъ тѣмъ, они текутъ, то-есть, сносятъ много трудовъ, не даютъ покоя мыслямъ и сна очамъ, выдумывая съ великимъ затрудненіемъ разные способы къ удовольствію своей корыстолюбивой склонности. Текутъ они, но не постигаютъ, — подвизаются, но лишаются вѣнца, не для того, аки бы мало подвизались, но для того, что не такъ текутъ, какъ требуетъ правило добродѣтельнаго подвига и законъ честности. „Не вѣсте ли“, говоритъ Апостолъ, „яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть? Тако тецыте, да постигнете“ (1 Кор., 9, 24). Впрочемъ, извѣстно, что симъ разсужденіемъ не опровергается всякій прибытокъ, развѣ токмо безчестный. Прибытокъ, соединенный съ честностію, есть святъ и непорочень, и онъ не можетъ быть полученъ иначе, развѣ подвигомъ добродѣтели.

Другой родъ всуе текущихъ суть честолюбцы. Нѣтъ употребительнѣе сего слова—„честолюбіе“, и обыкновенно говорятъ, что надобно дѣлать добро по честолюбію, что желаніе чести есть побужденіе къ добродѣтели. Но, чѣмъ употребительнѣе сіе слово, тѣмъ больше потребно объяснить оное и опредѣлить ему настоящій разумъ. Ежели подъ именемъ чести разумѣть такъ, какъ обыкновенно разумѣютъ, „доброе мнѣніе людей о комъ-нибудь“, и сіе мнѣніе почитать единственнымъ побужденіемъ къ добродѣтели, то добродѣтель можетъ остаться въ опасномъ положеніи. Для чего? — для того, что люди нерѣдко обманываются, почему иногда привязываютъ доброе мнѣніе къ тому, что онаго не достойно,—для того, что люди не всегда бываютъ безпристрастны, и потому не рѣдко добродѣтель опорочиваютъ, а порокъ оправдываютъ. Кто изъ васъ не знаетъ не малое число такихъ примѣровъ, что ласкатель — въ почтеніи, а праведный человѣкъ — въ презрѣніи,—что многоглаголивый и дерзновенный почитается за разумнаго, а скромный—за малознающаго? Кто не знаетъ, что нерѣдко кроткаго считаютъ за боязливаго, благочестиваго—за суевѣра, а дерзновенно о всѣхъ вещахъ божественныхъ разсуждающаго—за просвѣщеннаго? Таковыя превратныя мнѣнія тѣмъ несноснѣе, что иногда и по смерти слѣдуютъ за тѣми же, коихъ неправедно прославляли въ жизни. Исторія часто превозноситъ до небесъ тѣхъ, которые должны быть преданы вѣчному забвенію, а остаются въ глубокомъ молчаніи оные, которые въ добродѣтели славно подвизались предъ очами всевидящаго Бога. На сіе можетъ сказать кто, что должно довольствоваться добрымъ мнѣніемъ большаго числа людей; но сія выкладка трудна, и сіе было бы—добродѣтель дѣлать на удачу.

При сихъ превратныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ, что надобно дѣлать тому, который исполнялъ бы добродѣтель по одному побужденію получить за то честь, и чести бы не получилъ? что надобно дѣлать тому?—бросить добродѣтель, или, по крайней мѣрѣ, разслабнуть въ семъ подвигѣ, не получивъ того конца, для котораго онъ предпринималъ все свое дѣло. Разслабнуть, говорю, ибо, дѣйствительно, изъ числа сего рода людей—тѣ, которые жалуются, говоря: „я по заслугамъ своимъ не имѣю награжденія“; „другихъ, недостойныхъ предпочитаютъ мнѣ“; „что пользы, что я былъ столько добродѣтеленъ“? Жалуются, ропщутъ, отчаяваются, и въ отчаяніи своемъ часто отваживаются силою достать то, что получить не могли надлежащимъ путемъ. Такъ они жалуются, такъ смущаются, но утѣшить себя не имѣютъ чѣмъ: понеже въ добродѣтели своей не смотрѣли ни на что, какъ только на честь, которой когда лишились, такъ лишились всего. Да и добродѣтель уже не можетъ остаться при нихъ: ибо они, дѣлая ее, взирали не столько на

нее, сколько на пользу свою. И потому принять честолюбіе за единственное побужденіе къ добродѣтели, есть отнять утѣшеніе у добродѣтели гонимой.

Скажи ты намъ, нынѣ Церковію празднуемый мученикъ,—чѣмъ ты утѣшалъ себя въ страданіяхъ? Мы видимъ, что міръ мало дѣлалъ чести твоей добродѣтели, когда огнемъ сожигалъ священное тѣло твое. Но увѣряетъ насъ Духъ Святый, что ты утѣшалъ себя самою добродѣтелію; и потому она столько же любимою казалась тебѣ и на огнѣ, какъ бы оночивала и на престолѣ. Хотя люди и иное о добродѣтели твоей думали, но оправдала тебя совѣсть, но утѣшалъ тебя Богъ.

Такъ какое же должно имѣть побужденіе къ добродѣтели,—справедливо спроситъ кто? На сіе отвѣтствую, что добродѣтель достойна быть любима сама для себя. А изъ сего да не подумаетъ кто, что я добродѣтель представляю будто сухою и безплодною; нѣтъ, не отдѣляю я отъ добродѣтели тѣхъ выгодъ, кои отъ нея разлучиться не могутъ. Такія выгоды суть, во-первыхъ, внутреннее сладчайшее удовольствіе совѣсти и неизглаголанное спокойстіе духа, которое никто отнять не можетъ отъ добродѣтельнаго: ни время, ни хитрый клеветникъ, ни злый ненавистникъ, ни тать, ни страсть. Второе, честь, да какая?—которую добродѣтель имѣетъ у Бога: награжденіе, какое ей предоставлено у праведнаго Правителя всѣхъ вещей и Судіи. Сіи выгоды отъ добродѣтели суть неотъемлемы: онѣ вѣчны, и нельзя истребить ихъ, не истребивъ самую добродѣтель. Сіи-то выгоды возбуждать насъ должны къ исполненію добродѣтели. Что же? надобно ли совсѣмъ презирать честь мірскую?—нѣтъ, надобно желать, чтобы всѣ люди имѣли мнѣніе доброе о добродѣтельныхъ и ихъ бы только однихъ почитали. И потому, когда за добродѣтелію слѣдуетъ и мірская честь, оную надлежитъ употреблять въ свою пользу; а ежели не слѣдуетъ, для того скорбѣть не надобно: ибо, получивъ существо вещи, не для чего много жалѣть, что не получилъ, что при той вещи есть случайное.

Сіе разсужденіе беретъ свое начало изъ основаній Евангельскихъ, а Евангельское намѣреніе есть, чтобы подкрѣпить людей по Евангелію честныхъ, но отъ міра нелюбимыхъ,—чтобы подать утѣшеніе добродѣтели въ случаѣ ея неласковаго пріема отъ міра. Кто по симъ христіанскимъ истинамъ поступаетъ,—миръ на немъ и милость. Кто таковымъ образомъ течетъ, правильно течетъ, и законно подвизается,—течетъ и постигаетъ: постигаетъ внутреннее спокойствіе духа, сладчайшую радость совѣсти, почесть отъ руки Вышняго, вѣнецъ славы небесной неувядаемый. Получаетъ же часто честь и отъ міра: ибо сила добродѣтели столь велика, что принуждаетъ себя почитать иногда и самыхъ развращенныхъ.

Теките убо, христіане, симъ путемъ, который назначаетъ вамъ [illegible]ина, и поспѣшайте къ той мѣтѣ, которую предлагаетъ вамъ Евангелі[illegible]. Вы призваны въ подвигъ сей: совлачайтесь одежды тлѣнія, исполняйте свои званія, не ослабѣвайте въ нихъ; почтите добродѣтель паче п[illegible]бытковъ и паче мнѣній міра. Впрочемъ, будьте увѣрены, что не по[illegible]рѣшите вы въ своемъ теченіи: пріиметъ васъ колесница славы, и сей гласъ небесный огласитъ уши ваши: побѣждающему дамъ сѣсти со[illegible]сную Меня. О Боже! да удостоится подвигъ нашъ похваленъ быть Твоимъ вѣчнымъ словомъ.

А Ты, Благочестивѣйшая Государыня наша, благоволи предшествовать намъ въ семъ подвигѣ. Извѣстно, сколь примѣръ Твой есть дѣйствителенъ въ семъ, какъ и во всякомъ случаѣ; да и обязана Ты [illegible]рховнымъ Правителемъ, священною рукою своею, отверзать намъ [illegible]воръ къ теченію благословенному. Мы, предводительствуемые Тобою и вооруженные истиною, пойдемъ на брань противъ всего того, что не [illegible]мѣетъ мира съ добродѣтелію, что нарушаетъ блаженство наше; пойдемъ же въ извѣстномъ упованіи, чтобы, наконецъ, воспѣть намъ предъ Тобою побѣдительное во гласѣ веселія и радованія. И хотя сіе соединено съ трудомъ и не малымъ, но сладко видѣть дѣтей, матерними очами шествующихъ и носящихъ предъ Тобою вѣтви благодѣланія. Но почто я говорю сіе? текущую, да еще съ великою славою, къ теченію побуждаю? Извѣстны Твои труды, извѣстенъ подвигъ въ добродѣтели. Я, и со мною всякъ воображаетъ съ сладостію оную борьбу добродѣтели, которая недавно оказалась въ лицѣ Твоемъ: одна добродѣтель приносила Тебѣ титлы, другая отрицала принять ихъ. Славное сраженіе! что же, наконецъ? Добродѣтель получила сама надъ собою побѣду, попустивъ себѣ съ одной стороны быть побѣжденной, съ сего сраженія возвратилась тѣмъ съ большимъ торжествомъ и славою. Богъ, Который таковыми зрѣлищами увеселяетъ очи Свои,—Богъ да поспѣшествуетъ Тебѣ, Великая Монархиня, продолжать благополучно подвигъ сей и да предуготовитъ Тебѣ столько вѣнцевъ, сколько есть нашихъ желаній, или паче, сколько есть въ Богѣ благоволенія о добродѣтели.

Вникай симъ разсужденіямъ, и зри примѣры Ты, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій торжественникъ нашъ! зри примѣры столь Тебѣ близкіе или, паче сказать, домашніе. При благополучномъ теченіи лѣтъ Твоихъ, при умножающейся, всего общества, о Тебѣ надеждѣ, что можемъ мы Тебѣ сказать пристойнѣе сего Апостольскаго слова: „Тако тецыте, да постигнете?“ Теченіе Твое обращаетъ на Тя очи всѣхъ, желающихъ быть участниками, наслаждаться торжествомъ Твоимъ. Употребляй въ пользу сіи желанія, прославь надежды наша,

исполни чаянія. Слыши, Богъ глаголетъ Тебѣ съ небесъ святыхъ Своихъ: „сыне, даждь ми сердце твое“ (Притч., 23, 26). Не отрицай сего требованія столь справедливаго и столь Тебѣ полезнаго; отдай сердце свое Тому, Кто создалъ его и Который соединить всегда хочетъ оное съ Духомъ Своимъ.

О, взираяй на всѣ дѣла смертныхъ и оныя праведно увѣнчаваяй, Боже! не преставай Монархиню нашу и дражайшаго сына ея покрывать безсмертною Твоею десницею; Ты сотворилъ ее матерью, увеселяющею Наслѣдника и насъ: возвесели и сердце ея такъ, какъ веселится мать о любезныхъ чадахъ своихъ. Аминь.

Слово въ день святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Отвѣщавъ Симонъ Петръ, рече: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго“.

(Матѳ., гл. 16, ст. 16).

Сей отвѣтъ Апостольскій содержитъ въ себѣ исповѣданіе вѣры нашей, то есть, дѣйствіе, коимъ предъ всѣми небоязненно объявляемъ о себѣ, что мы, служители Бога истиннаго и усердные послѣдователи Евангелія,—что мы почтеніе Его ставимъ за первѣйшій долгъ нашего обязательства и желаемъ жертвовать всѣмъ славѣ Его. Симъ даромъ Божественнымъ Церковь христіанская по справедливости признаетъ себя одолженною усердію, ревности, трудамъ и болѣзнямъ нынѣ празднуемыхъ апостоловъ Петра и Павла,—почему и обязуется она, исполняя долгъ благодарности, почитать ихъ память, прославлять имя и проповѣдывать ихъ заслуги.

Но что достойное принесемъ мы къ похвалѣ вашей, о божественные мужи и священные тайноводители? мысль наша не сильна объять понятіемъ своимъ всѣ ваши добродѣтели, языкъ изнемогаетъ изобрѣсти способныя слова къ соплетенію вамъ вѣнца похвальнаго, и мы почитаемъ ваши заслуги паче удивленіемъ, нежели исчисленіемъ. Если святый Златоустъ, столь многими похвалами возвеличившій апостола Павла, имѣлъ нужду напослѣдокъ сказать, что „удобнѣе есть океанъ исчерпать, нежели Павловы похвалы исчислить“, то что же довольное сказать возмогутъ бренныя уста наши? Однако, дабы намъ сей день, день Церкви торжественный, Россіи всерадостный, почтить

*) Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1768 года, іюня 29 дня.

возможнымъ усердіемъ, предложимъ бесѣду о *свойствахъ или о силѣ Евангельской вѣры*, которая столь славно дѣйствовала чрезъ апостоловъ въ обращеніи ко Христу многихъ народовъ.

А Ты, Христе Спасителю, умудривый апостоловъ Твоихъ, сотвори, да будетъ слово наше не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа Твоего и силы!

Изъ исторіи церковной намъ довольно извѣстно, что проповѣдь апостольская не была безплодна; но, гдѣ она проходила, вездѣ оставляла по себѣ слѣды своей силы и плоды спасенія. Въ самыя времена апостольскія уже во всѣхъ частяхъ свѣта были христіане, и, чѣмъ далѣе проходило время, тѣмъ больше возрастало и умножалось сіе благословенное сѣмя. Народы оставляли свои обычаи, бросали суевѣрныя преданія, начали гасить огнь идоложертвенный, гнушаться алтарями, воздвиженными ложнымъ божествамъ, и радоваться, что небо даровало имъ, блаженнѣйшій паче предковъ ихъ, жребій.

Но какъ превеликой трудности дѣло есть оставить обычаи, обряды, преданія, предразсудки, наипаче связанные съ закономъ, то, напротивъ, надлежитъ быть великой и Божественной силѣ Евангелія, которая славно восторжествовала надъ всѣмъ тѣмъ, потому наипаче, что проповѣдники Евангелія не имѣли никакого оружія, ни власти, ни витійственной хитрости, ни подвижности философской и ничего, что обыкъ уважать міръ. Почему и причину таковаго успѣха надлежитъ искать не въ тѣхъ, кои токмо послужили орудіемъ сему дѣйствію, но въ самомъ проповѣдуемомъ ученіи, въ самомъ Евангеліи.

Таковая сила открывается намъ въ слѣдующихъ свойствахъ евангельской вѣры, свойствахъ отъ нея неотъемлемыхъ и ей единственно всегда принадлежащихъ.

Первое свойство Евангелія, къ обращенію сердца дѣйствительно служащее, есть духъ снисхожденія и кротости. Ежели правда,—какъ то и подлинной, и о семъ сумниться не можно,—что человѣкъ уловляется ласкою больше, нежели страхомъ,—кротостію, нежели строгостію,—снисхожденіемъ паче, нежели насильственнымъ требованіемъ: то нигдѣ не найдемъ мы, чтобы сіе было хранимо съ большею святостью, какъ въ ученіи Евангелія. Мы слышимъ въ немъ, что призываются всѣ труждающіеся и чувствующіе обремененіе въ совѣсти, чтобы они могли быть успокоены. Мы слышимъ въ немъ, что Богъ, промышляя о птицѣ, о цвѣтѣ, о травѣ, простираетъ попеченіе Свое о человѣкѣ столь далеко, что и всѣ власы главы его изочтены предъ Нимъ. Мы слышимъ въ немъ, что Отецъ небесный любитъ насъ, что Онъ приходитъ въ непорочное сердце и въ немъ творитъ Себѣ обитель. Мы слышимъ въ немъ грѣшниковъ, къ покаянію призываемыхъ самымъ нѣжнымъ обра-

зомъ. Мы видимъ въ немъ мытарево покаяніе неотвергаемое,—слезы жены, въ распутствѣ живущей, непрезираемыя,—Закхеино обращеніе пріемлемое. Мы видимъ въ немъ стремленіе, желавшее съ небеси свести огнь на грѣшный градъ, удерживаемое,—сердечный вопль разбойника, милостиво выслушанный. Мы видимъ въ немъ Самого Основателя вѣры нашей на крестѣ, при послѣднемъ издыханіи за распинателей Своихъ молящагося.

Чье сердце будетъ столь ожесточено, чтобы таковыми примѣрами къ умиленію подвижено не было, если оно имѣетъ хотя малое чувствіе своей повинности предъ Богомъ?

Изъ сего не можно заключить, акибы сіе снисхожденіе простиралось даже до послабленія. Нѣтъ, оно только надлежитъ до человѣка, кающагося и ищущаго исправленія своего; а, ожесточенный въ злости своей, симъ снисхожденіемъ благодати пользоваться права не имѣетъ: ибо и чувствовать его не можетъ онъ.

Съ изъясненнымъ нами свойствомъ соединяется другое свойство Евангелія, утѣшительное, въ случаѣ смущенія совѣсти, искушеній, страданія и часа смертнаго. Совѣсти, смущаемой страхомъ суда Божія, Евангеліе благовѣствуетъ миръ, купленный кровію Сына Божія и пріобрѣтенный снисхожденіемъ на землю живущаго на небесахъ; во время искушеній оно напоминаетъ, что, якоже искушается сребро въ огнѣ, такъ сердца праведныхъ—у Бога, и нѣсть сынъ, его же не наказуетъ отецъ; при сильномъ же нападеніи ихъ велитъ Апостольской трубѣ гласить въ уши наши: „искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое: вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, неже можете“ (1 Кор., 10, 13). Въ случаѣ неповинныхъ страданій оно утѣшаетъ насъ великимъ примѣромъ пострадавшаго за насъ и со креста къ намъ вопіющаго: „аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ“ (Іоанн., 15, 18). Во время же смертнаго часа Евангеліе утѣшаетъ мысль нашу, что смерть есть пріобрѣтеніе лучшей жизни,—что она есть достиженіе мѣты, при которой увѣнчаваются славно подвизавшіеся,—что она есть та блаженная частица времени, въ которую очи наши перестаютъ видѣть суету мірскихъ превращеній и соблазновъ. Все сіе если бы устами богодухновенными, каковы, напримѣръ, были Павловы, было предложено тебѣ, въ невѣріи пребывающій человѣкъ,—могъ ли бы ты столь ожесточить себя, чтобы не прилѣпиться къ таковому ученію?

Къ сему же разсужденію надлежитъ и то, что Евангеліе утверждаетъ насъ несумнительною надеждою благъ будущихъ, которое обѣщаніе тѣмъ дѣйствительнѣе въ сердцѣ нашемъ, что оно и съ разумомъ согласно, и съ безсмертіемъ души сходственно. Соединиться, напримѣръ,

съ свѣтомъ несозданнымъ, почерпнуть оттуда изобильное познаніе истинъ, не есть ли естественно душѣ нашей, одаренной, малымъ нѣкоторымъ свѣтомъ разума, и всегда познать что-нибудь желающей? любить любовію вѣчною предметъ, наполненный всѣми совершенствами, не есть ли свойственно склонности сердца нашего, которое естественно стремится къ соединенію со всякимъ добромъ? Быть во всегдашнемъ содружествѣ съ тѣми, кои въ мірѣ были добродѣтельнѣе всѣхъ, можетъ ли разумъ нашъ требовать что-нибудь основательнѣе, и духъ нашъ желать что-нибудь съ большимъ усиліемъ? быть въ таковомъ блаженномъ состояніи, безъ всякаго смущенія, чтобы могло когда что нибудь поколебать оное,—не требуетъ ли сего безсмертіе, коимъ отъ Бога почтена душа наша?

Таковыя обѣщанія, таковыя блага, столь превосходныя и столь сродныя намъ, какое, думаете, произведутъ дѣйствіе въ оной душѣ, которая хотя мало увѣрена, что она создана для вѣчности, и съ какимъ усердіемъ приметъ она ученіе благовѣствующее ей о томъ? Будетъ ли уже удивительно, что человѣкъ, восхищенный любовію таковыхъ благъ, не за великое вмѣнитъ почести, богатство и славу, еслибы они были препятствіемъ ему къ достиженію оныхъ благъ? будетъ ли уже удивительно, что многіе въ христіанствѣ знаменитые мужи воображеніемъ сихъ благъ столь утѣшались въ срединѣ страданій, что или не чувствовали, или сносили великодушно самыя лютыя мученія? Нынѣ празднуемый Апостолъ Павелъ въ срединѣ бури напастей, кои онъ самъ исчисляетъ, говоритъ: „радуюся во страданіихъ моихъ“ (Колосс., 1, 24).

Откуда тебѣ, великій герой христіанства, толикое мужество, что при раздробленіи тѣла твоего духъ твой непоколебимъ и радостенъ? „Недостойны“,—отвѣчаетъ онъ,—„страданія нынѣшняго времене въ сравненіи славы имущія явитися въ насъ“ (Римл., 8, 18) и для того „радуюся во страданіяхъ моихъ“. О, великое дѣйствіе, знаменіе великой силы! ибо извѣстно, сколько человѣкъ животолюбивъ и сколь естественно страшенъ разрывъ живота! Но когда онъ на все сіе дерзаетъ и небоязненно жертвуетъ своею жизнію: то какой надлежитъ быть силѣ такъ дѣйствующей въ мысли и сердцѣ? какой, ежели не Божественной?

Подлинно, можетъ случиться, что иной на все отважится по однимъ впрочемъ, лестнымъ, суетнымъ, воображеніямъ. Но таковыя безразсудныя стремленія весьма удобно различить отъ истиннаго суевѣрія; и если бы кто дерзнулъ почесть несущественными таковыя обѣщанія, каковыя суть Евангельскія,—тому надобно отрещись благородства естества своего и со стыдомъ унизить себя въ состояніе животныхъ безсловесныхъ.

Не должны же мы молчаніемъ пройти и то, чѣмъ всякое ученіе особенно выводитъ себя изъ подозрѣнія, а именно: что Евангеліе содержитъ въ себѣ силу весьма побудительную къ добродѣтели. Ибо оно склоняетъ всѣ свои намѣренія туда, чтобы расположить человѣка къ благонравію и всѣ его склонности принесть въ жертву святости. „Конецъ завѣщанія есть“, — говоритъ Апостолъ, — „любы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя“ (1 Тим., 1, 5). И для того Евангеліе наисильнѣйшимъ образомъ увѣряетъ всякаго, что безъ добрыхъ дѣлъ никакъ не возможно сподобиться блаженства и зрѣнія Божія,—что любовь, какъ есть первѣйшее средство къ благодати, такъ и послѣдній конецъ вѣры, — что мы одолжены любить и исполнять добродѣтель не меньше и тогда, когда бы за нее гонимы были.

Сіи побужденія тѣмъ непорочнѣе, что они приводятъ насъ къ исполненію закона не страхомъ и не по корыстолюбію, но по одной любви, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы намъ засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что мы памятуемъ Его къ себѣ любовь,—что мы ею уязвлены и безпокоимся о способахъ засвидѣтельствованія взаимной любви нашей. И кто, слыша сіе, не восчувствуетъ въ себѣ жаркаго стремленія, чтобы броситься въ объятія добродѣтели?

Итакъ, изъ настоящаго разсужденія нашего всякъ можетъ довольно видѣть, сколь велика есть сила вѣры Евангельской въ обращеніи человѣческаго сердца; и когда со вниманіемъ разсудимъ все сказанное нами, меньше удивляться станемъ, что апостолы могли столько народовъ отвесть отъ принятыхъ ими преданій и обратить къ вѣрѣ столь увѣрительной, столь святой и непорочной. „Оружія воинства нашего“, — восклицаетъ апост. Павелъ, „не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердей: помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово“ (2 Кор., 10, 4—5).

Когда же такъ многомощна сила Евангелія, то для чего многіе не токмо не пріемлютъ сіе ученіе, но и противятся и гонятъ? На сіе справедливо отвѣтствуется, что то происходитъ отъ невниманія, отъ предразсужденія, отъ упрямства, подкрѣпляемаго самолюбіемъ, отъ развращенной жизни и отъ суетнаго мудрованія. Но часто причиною сему бываетъ и то, что отъ неискусныхъ и суевѣрныхъ учителей въ истину Христову примѣшивается много лжи, студныхъ суевѣрствъ, пустыхъ басней, преданій неизвѣстныхъ и вредныхъ, такъ что истина, отъ таковыхъ представленная, больше уже не походитъ на саму себя. Сіе неутвержденнымъ душамъ подаетъ случай къ великому соблазну: ибо онѣ, примѣшавъ грубую ложь и осязаемое суевѣрство, уже не вѣрятъ и тому, чему вѣрить неотмѣнно надобно. Но совершенно просвѣщен-

ный симъ искушенъ быть не можетъ: ибо онъ, съ помощію благодати, умѣетъ различить истину отъ лжи, и потому для примѣси лжи истину пренебрегать не дерзнетъ.

Но время уже намъ, слушатели, обратить слово свое къ самимъ себѣ и въ самихъ насъ признать и прославить неизреченную благость Божію, что благоволилъ Онъ осіять насъ свѣтомъ Евангельской вѣры и утвердилъ насъ на камени православія. Что воздадимъ благодѣющему намъ Господу, и какія принесемъ Ему жертвы хвалы и благодаренія?

Ты, истинный христіанинъ,—ты силу Евангелія въ сердцѣ своемъ болѣе чувствуешь, нежели сколько слово мое изъявить можетъ. Оныя воздыханія, кои Павелъ называетъ, „неизглаголанными“, тебѣ извѣстны. Ты разумѣешь, что есть даръ сыноположенія? что есть обрученіе духа? что есть оный жаркій вопль сердца: „Авва Отче“? Вмѣстилище сихъ дѣйствій есть сердце твое, сихъ плодовъ сладость вкушаетъ душа твоя.

Радуйся убо, Христова Церковь, на таковомъ основаніи утвержденная! радуйся, благочестивое сословіе христіанъ, почтенное таковымъ о тебѣ благоволеніемъ! радуйся особенно ты, Христова Церковь, насажденная въ плодоносномъ вертоградѣ пространной Россіи, и паки реку, радуйся, что имѣешь ты благочестивую Монархиню, величайшую твою покровительницу, усердную защитницу вѣры и славы твоей. Ты зришь въ Ней любовь къ Богу пламенѣющую, къ тайнамъ твоимъ почтеніе, къ святости твоей благоговѣніе, къ празднованіямъ твоимъ склонность радостную, къ проповѣди слова твоего охоту усердную. Зришь ее, созидающую новые законы, затѣмъ наипаче, дабы на благочестіи основать правосудіе и съ истиною соединить добродѣтель. Почему, пролей молитвы твои къ Богу, да совершитъ сіе намѣреніе ея, да достигнетъ онаго времени, въ кое Россія имѣетъ припасть предъ жертвенникомъ твоимъ и принесть благодареніе Сѣдящему на херувимѣхъ, во гласѣ радованія и исповѣданія, во гласѣ шума празднующихъ.

Сіи желанія и молитвы православной Церкви о Тебѣ благоволи внушить, Великая Монархиня, и возвеселись духомъ Твоимъ, что имѣешь столь славную свидѣтельницу заслугъ Твоихъ и проповѣдницу добродѣтелей твоихъ.

Возносить свои молитвы о Тебѣ къ престолу благодати Церковь особенно одолжена, ибо Богъ въ день преславнаго Твоего на Всероссійскій престолъ восшествія вручилъ ей Твою священную особу сими словами: „вручаю вамъ Фіву сестру нашу: да пріимете ю о Господѣ достойно святымъ и споспѣшествуйте ей, о нейже аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ“ (Римл., 16, 1—2). Сіи слова пріими, Монархиня, за особенное дѣйствіе промысла Господня о Тебѣ, такъ какъ и мы пріемлемъ оныя за осо-

бенное отъ небесъ увѣреніе, яко скипетръ Твой есть правосудіе, и порфира Твоя есть покровъ милосердія.

Отъ Августѣйшей матери склоняемъ слово наше къ Тебѣ, благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имянинникъ! Россія, пріемля участіе въ радости дня сего, откровенно признается, что ея родость тѣмъ больше умножается, что надежда ея пріемлетъ исполненіе, что ея сердечныя предвѣщанія о Тебѣ сбываются. Ибо она видитъ, и видитъ съ веселіемъ, сколь счастливо соотвѣтствуешь Ты матернимъ попеченіямъ о Тебѣ Августѣйшей Родительницы, и, проходя мужественно подвиги ученія и добродѣтели, спѣшишь, дабы увѣнчать главу свою вѣнцемъ славы неумирающей. Сіе тѣмъ надежнѣе, что полагаешь все то на основаніи благочестія, которое въ сердцѣ Твоемъ себѣ водрузило вѣчную обитель. Ибо уже Тебѣ извѣстны тайны Господни, и вмѣстилъ Ты въ понятіе свое высокія истины закона. Впрочемъ, внемли, что Тебѣ вѣщаетъ тезоименитый Павелъ: „никто же о юности твоей да нерадитъ, внемли чтенію, утѣшенію, ученію. Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ: но образъ буди всѣмъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, въ сихъ разумѣй, да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ“ (1 Тим., 4, 12—15).

Боже! Просвѣщенная Тобою Россія молитъ Тебя: духъ благоволенія Твоего да опочиваетъ всегда на Помазанницѣ Твоей съ плодоносною отраслью ея, чтобы мы, зря на нихъ процвѣтающихъ въ благоденствіи, могли предъ Тобою восклицать: „удивилъ есть Господь сотворити съ ними: удивилъ есть Господь сотворити съ нами“ (Псал.. 125, 2—3). Аминь.

Слово на основаніе знаменитаго соборнаго Исаакіевскаго храма въ Санктпетербургѣ *).

„Господи! возлюбихъ благолѣпіе дому
Твоего и мѣсто селенія славы Твоея“
(Псал., 25, ст. 8).

Когда царствующій Давидъ пришелъ въ размышленіе о всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, коими благословила его щедрота Божія, когда онъ вообразилъ состояніе, въ которомъ прежде былъ, и способъ, коимъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества. Святѣйшаго Сунода, и всего синклита, 1768 года, августа 8 дня.

восшелъ на славу царствія и сѣлъ на престолѣ величества, когда онъ представилъ себѣ, что враги его пали подъ ноги его, что предѣлы его царства расширились и стали внѣ опасности, что домъ его утвержденъ и все владѣніе увѣнчано миромъ и благоденствіемъ, когда все сіе, говорю, принялъ благочестивый Царь въ мысль свою: тотчасъ призываетъ къ себѣ толкователя таинъ и воли Божіей, пророка Наѳана, открываетъ ему мысль свою и говоритъ: „множество благодѣяній Господнихъ чувствуетъ сердце мое, и сіе чувство возбуждаетъ меня, принесть Ему видимый знакъ благодарности моей. Я хочу создать храмъ Невмѣстимому, и домъ опочивающему на херувимѣхъ, ибо мнѣ стыдно, святый Пророкъ, что я, по благости Божіей, живу въ дому великолѣпномъ, а ковчегъ Господень странствуя стоитъ въ скиніи". И рече Царь къ Наѳану пророку: „Се, нынѣ азъ живу въ дому кедровѣмъ, ковчегъ же Божій стоитъ посредѣ скиніи". Похвалилъ Пророкъ сіе Царево намѣреніе и сказалъ ему: „вся елика суть въ сердцы твоемъ, иди и твори, яко Господь съ тобою" (2 Царств., 7, 2, 3).

Таковымъ же дѣйствіемъ и осѣненіемъ духа возбужденную зримъ днесь Благочестивѣйшую и Августѣйшую Императрицу всея Россіи. Она, принявъ въ мысль свою, или паче всегда содержа въ мысли своей благодѣянія, коими она отъ Бога благословенна, коими отъ Бога благословенна и держава ея, и чувствуя въ сердцѣ все то, что можетъ произвести въ немъ сильное воображеніе благодѣяній Божіихъ, воспріяла святое намѣреніе, создать храмъ Вездѣсущему, и славу Его съ небеси привлечь на мѣсто, воздвиженное имени Его. Почему предъ величествомъ Его и можетъ она съ Давидомъ изъясниться сими словами: „Господи мой, Господи! Я, раба Твоя, принявшая отъ Тебя скипетръ и царство, и на высочайшій жребій смертныхъ вознесенная, благодарность мою симъ свидѣтельствуя, восхотѣла создать храмъ славѣ Твоей и домъ имени Твоему. Сіе малое приношу Тебѣ въ жертву, вмѣсто всесожженій тучныхъ и вмѣсто всѣхъ закалаемыхъ. Обрадуй духъ мой, чтобы Тебѣ угодно было сіе мое приношеніе, и пріими приносящую Твоя отъ Твоихъ. Сіе же приношу Тебѣ отъ всего моего царства, да знаютъ всѣ, яко руководствую ихъ къ почтенію Твоему. Подлинно, я вѣдаю, что слава Твоя невмѣстима, и Ты обитаеши во храмахъ пышныхъ нерукотворенныхъ, но Ты, въ дѣвической утробѣ вмѣстивыйся,—Ты вездѣ сый, вселися и на мѣстѣ семъ благоволеніемъ Своимъ, и тѣмъ утверди слово Пророка Твоего, яко ты на земли являешися, и съ человѣки обитаеши". Таковымъ образомъ Благочестивѣйшая Императрица наша можетъ предъ Богомъ изъясниться съ Давидомъ.

Но, вотъ, здѣсь усматриваемъ мы особенныя судьбы Божія, что Монархиня Всероссійская преимуществуетъ предъ Царемъ Израилевымъ

въ дѣлѣ семъ. Ибо хотя Давидъ и взялъ намѣреніе, создать святилище Вышнему; однако, не удостоился онъ чести сей, чтобы ему положить основаніе храма, но именно сказано ему: „не ты созиждеши Мнѣ домъ". для чего?—зане человѣкъ воинъ еси ты и крови проліялъ еси. Не ты созиждеши Мнѣ домъ: но Соломонъ созиждетъ домъ Мой" (1 Паралл., 28, 3, 6), — изрекъ ему Вышній. Достойно и прилично изслѣдовать здѣсь, для чего Богъ присвояетъ сію честь Соломону? Причина тому изображена въ святомъ же Писаніи, что Соломонъ былъ „миролюбецъ", и все царство его славно было спокойствіемъ и тишиною: ибо и самое имя Соломонъ означаетъ: „мирный"; и для того Богъ, яко Богъ мира и любви, благоволилъ воспріять жертву сію отъ миролюбивой души.

Можемъ ли мы здѣсь не признать, сколь живо изобразуется сіе свойство Соломоново въ великой нашей Монархинѣ, и сколь справедливо потому она заслуживаетъ благоволеніе Господне о намѣреніи своемъ? Соломонъ былъ миролюбивъ и царство его было мирно. Признаемъ: ибо о томъ свидѣтельствуетъ слово Божіе. Но не свидѣльствуютъ ли самыя дѣла и не гласятъ ли, паче всякій трубы тебѣ, Россія, сколь миролюбивою Государынею благословило тебя небо. Ея состраданіемъ утѣшаются злосчастные, ея человѣколюбіе чувствуютъ согрѣшившіе, ея нѣжность сердца, хотя нѣмотствующими языками, но очень ясно, провозглашаетъ младенческій возрастъ, отъ нея призрѣнный и благаго жребія удостоенный. Сколь же духъ ея удаленъ отъ кровопролитія и всякой жестокости, то видно изъ всегдашняго теченія дѣлъ, изъ повседневныхъ резолюцій, изъ многихъ манифестовъ и указовъ; а особливо сей духъ человѣколюбія, во всей своей полнотѣ разліянный, видимъ въ данномъ наказѣ къ сочиненію законовъ.

Здѣсь вопрошаю я васъ, участники глубочайшаго знанія Бога нашего: по всѣмъ основаніямъ премудрости духовной, не то же ли дѣйствіе признаете вы въ Монархинѣ нашей, восхотѣвшей создать храмъ Богу, какое было въ Соломонѣ? И не потому ли Богъ благоволилъ принять отъ нея жертву сію, что она приноситъ ее руками, держащими маслину мира, или паче усердіемъ души сострадательной и человѣколюбивой? Ибо извѣстно, что Богъ нашъ есть Богъ любви и мира. Онъ любитъ человѣчество и ищетъ согласія; Онъ желаетъ быть прославляемъ соединеніемъ сердецъ, и не велитъ приносить жертвы къ алтарю своему прежде, нежели примиримся съ братомъ, опечалившимъ насъ. Онъ обѣщается тамъ быть, гдѣ будутъ два или три собрани во имя Его. Почему и храмъ, воздвиженный Ему, есть мѣсто мира и взаимнаго согласія, мѣсто Божія милостиваго снисхожденія къ человѣческимъ требованіямъ, — мѣсто, гдѣ собираются дѣти единаго отца, и

гдѣ едиными усты и единымъ сердцемъ прославляютъ Его. Такъ, кто пристойнѣе можетъ, или справедливѣе, сказать, кто паче достоинъ создать храмъ Господу Саваоѳу? кто?—развѣ особа, прославленная миролюбіемъ и человѣколюбіемъ управляемая.

Но какъ Давидъ и Соломонъ восхотѣли не просто создать храмъ, храмъ великолѣпный, храмъ славою своею достойный царя Израилева и имени Господа силъ, то и въ семъ дѣлѣ великая Императрица всея Россіи есть благороднѣйшая подражательница. Ибо ея держава предпріяла на мѣстѣ семъ воздвигнуть храмъ съ таковымъ благолѣпіемъ, чтобы онъ провозвѣщалъ вкупѣ и величество поклоняемаго нами Бога, и славу Россіи.

Хотя, подлинно, благолѣпіе храма состоитъ во внутренней красотѣ тѣхъ душъ, кои собираются на славословіе Божіе во храмъ, но и внѣшнее благолѣпіе уважаемо быть должно, и притомъ тѣмъ паче, что оно не токмо есть знакъ внутренней душевной красоты, но и къ ней же сильно возбуждаетъ и дѣйствительно приводитъ. Знакъ есть: ибо, кто тщится возвеличить славу Вышняго, тотъ уже любитъ Вышняго; кто усердствуетъ украшать Его храмъ, тотъ уже украшенъ добродѣтелію благочестія; кто поставляетъ Ему жертвенникъ, того душа готова есть къ приношенію жертвою; кто веселится духомъ часто посѣщать домъ Божій, тотъ сердцемъ своимъ привязанъ къ Живущему въ немъ. И потому великая Монархиня наша, полагая основаніе сего храма, напередъ положила крѣпкое въ сердцѣ своемъ основаніе благочестія; созидая сей храмъ, сама себя предуготовила храмъ Святому Духу, почему и благолѣпіе храма сего будетъ нѣкоторое всегдашнее изображеніе красоты внутренняго ея сердечнаго храма.

А сіе самое и есть уже нѣкоторое довольное къ внутреннему благолѣпію руководство для другихъ. Пусть кто, какъ хочетъ, но человѣкъ не—ангелъ: мысль наша не можетъ быть поражена, ежели чувства напередъ не тронуты ни мало. Духъ нашъ съ тѣломъ соединенъ столь тѣснымъ союзомъ, что, чѣмъ большее есть удареніе чувствъ, тѣмъ сильнѣйшее воображеніе мыслей. На семъ основаніи всѣ въ свѣтѣ законы были окружены извѣстными обрядами, коими привлекаемы были человѣческія чувства; а чрезъ то мысль была восхищаема къ большему святыни почтенію. То же видимъ и въ Іудейскомъ храмѣ, о которомъ Святое Писаніе говоритъ, что онъ не токмо былъ великолѣпенъ, но что, притомъ, все оное было устроено по особенному Божію повелѣнію. Въ семъ былъ кивотъ, златомъ украшенный, и херувимы златые, осѣняющіе его, жертвенники, кадильницы и свѣщники златые, елей чистый и огнь неугасимый, и завѣса, покрывающая таинственное мѣсто; такъ же столпы, купѣли, крыльца, переходы искусствомъ раз-

личныхъ художествъ возвеличенные. Къ чему бы все сіе Богъ повелѣлъ устроить, если бы оно не приводило къ оному почтенію, котораго требуетъ святыня?

Да и самый сей міръ, который по справедливости долженъ назваться храмомъ великимъ Бога,—самый сей міръ не для того ли столь совершенъ, украшенъ, возвеличенъ, чтобы чувства, бывъ удивлены и поражены таковою красотою, возбудили духъ нашъ пасть предъ Живущимъ во свѣтѣ непреступнѣмъ, и возлюбить безконечную Его красоту?

Но что я говорю, что внѣшнее благолѣпіе возбуждаетъ къ внутреннему? Не возбуждаетъ токмо, а и въ стыдъ приводитъ насъ, если бы неодушевленныя вещи были столь благолѣпны предъ лицомъ Творца естества, а мы не сохранили бы красоту, взятую съ образа и подобія Божія? Внѣшнее благолѣпіе храма увѣщаваетъ тебя, христіанинъ, чтобы ты благочиніемъ духа и тѣла твоего служилъ Господеви. Жертва, приносимая на украшенномъ жертвенникѣ внушаетъ тебѣ, что сердце твое должно быть жертвенникомъ, украшеннымъ чистотою совѣсти. Кадильница златая, испущающая благовоніе, напоминаетъ, чтобы молитвы твои были благовонны добродѣтелію. Завѣса, закрывающая святыню отъ тѣлесныхъ очесъ, остерегаетъ тебя, чтобы имѣть внутреннія очи, всегда чисто Бога зрящія. Твердое основаніе храма учитъ насъ, чтобы полагать добрыя дѣла на основаніи истинной вѣры, и тогда бы думать, что мы—тверды, когда истина укрѣплена исполненіемъ закона. Самъ храмъ со святымъ Петромъ вопіетъ намъ такъ: „ко Господу приходяще, яко камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избрану, честну, и сами яко каменіе живо зиждется въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ“ (1 Петр., 2, 4—5). Нѣтъ убо сомнѣнія, что человѣколюбивый Богъ внѣшнею красотою привлекаетъ насъ къ внутреннему благолѣпію; а изъ сего сами можете видѣть, сколь пріятную жертву Богу приноситъ тотъ, кто сооружаетъ Ему великолѣпный храмъ, и притомъ, сколь великое дѣлаетъ онъ украшеніе вѣрѣ и пользу рачителямъ благочестія.

Богъ по многимъ дѣламъ возвеличивый имя Твое, Августѣйшая Монархиня, не оставилъ, чтобы и въ семъ дѣлѣ не употребить Твою десницу благодѣтельнымъ для насъ орудіемъ благости Своей. Сей храмъ будетъ вѣчнымъ монументомъ благочестія Твоего, и, слѣдовательно, Церковь обязана Тебѣ вѣчною благодарностію. Благоволи вообразить, великая Государыня, что въ позднѣйшіе вѣка, когда въ храмѣ семъ будутъ священныя собранія при изліяніи сердецъ своихъ предъ Богомъ, Ты первая, яко основательница, въ соборѣ ихъ духомъ почитаема будеши и отъ всѣхъ будущихъ родовъ имаши благословитися. Церковь, когда на все сіе взираетъ, когда разсуждаетъ и благочестіе

Твое, и будущую пользу чадъ своихъ, и славу свою;—что тогда чувствуетъ она?—она возноситъ свои руки къ Основателю своему, и призываетъ на главу Твою всѣ благословенія, должныя добродѣтели Твоей; она возлагаетъ на насъ долгъ, чтобы мы, ея служители, именемъ всѣхъ христіанъ и именемъ самой ея, принесли Тебѣ благодарность, состоящую въ проповѣданіи Твоей вѣры къ Богу, и въ прошеніи, да Церковь, якоже начала еси, всегда подъ покровительствомъ Своимъ сохраняеши и все да устрояеши въ лучшее.

Боже великій, Его же престолъ небо и земля подножіе! благословивый сіе, Монархини нашей, намѣреніе, благоуспѣши и совершити оное, дабы тогда въ восторгѣ радостномъ предъ Тобою мы воспѣли пѣснь сію: „Востани, Господи, въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоея“ (Псал., 131, 8). Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

„Возложатъ на вы руки своя, и ижденутъ, предающе на сонмища и темницы, ведомы къ царемъ и владыкамъ, имене Моего ради“.

(Лук., гл. 21, стих. 12).

Нынѣ чтенное Евангеліе, по причинѣ празднуемаго Церковію въ сей день пострадавшаго за истину, святаго Евстаѳія, даетъ намъ знать, что не всякая ревность по Бозѣ есть пріятна Богу. Ибо если къ дѣйствію, самому чрезъ себя похвальному, примѣшается страсть, тогда она все портитъ и своею строптивостію развращаетъ путь Божественный.

Сіе доказываетъ нынѣшнее же Евангеліе тѣмъ, что нѣкогда страстная по большой части ревность была причиною, что послѣдователь Евангелія со всею своею кротостію былъ связуемъ, изгоняемъ, предаваемъ на судъ, ведомъ къ царямъ и владыкамъ, защитникамъ то есть истины, чтобы отъ нихъ страдать за истину. Таковой поступокъ можетъ справедливо возбудить насъ и къ сожалѣнію, и къ негодованію,—почему онъ былъ бы и не достоинъ разсужденія нашего. Но когда, напротивъ, видимъ мы нынѣ монарховъ благочестивыхъ и православ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви въ Санктпетербургѣ 1768 года, Сентября 20 дня.

ныхъ, истину любящихъ и отъ истины любимыхъ, Евангелію послѣдующихъ и дѣйствіемъ его, то есть, кротостію и человѣколюбіемъ украшаемыхъ: то съ сей стороны осіяваетъ насъ свѣтъ радости, и расширяетъ наши уста къ прославленію Отца свѣтовъ и Бога, любящаго тварь Свою. И для того не безполезно, думаю, взойти намъ въ дальнѣйшее разсужденіе *о ревности, каковую требуетъ законъ истинный отъ насъ*. Сіе разсужденіе прилично и торжественному дню сему, который одолжаетъ насъ горѣть ревностію къ Богу, милостиво благословляющему Россію.

Взираю убо къ Тебѣ, Господи Боже! Ты недостаточное слово мое раствори солію благодати Твоей къ общей пользѣ нашей.

Ревность есть горячее стремленіе духа нашего къ защищенію славы Божіей, относительно закона. Мы въ семъ разумѣ беремъ сіе слово: ибо многія могутъ быть его обозначенія.

Взявъ ревность въ таковомъ разумѣ, не видно, чтобы въ ней было что-нибудь непохвальное. Ибо горѣть духомъ, чтобы слава Божія была проповѣдуема во всѣхъ концахъ вселенной,—чтобы всѣ люди святымъ руководствомъ были просвѣщены къ Богу и почтенію Его,—въ разсужденіи сего горѣть духомъ, то есть, изыскивать къ тому справедливые и человѣколюбивые способы, есть дѣло достойное всякой похвалы. Ибо симъ доказывается любовь къ Богу, къ ближнему, любовь къ истинѣ, которую мы не скрываемъ подъ спудомъ, но поставляемъ на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ и да руководствуетъ всѣхъ. И для того святый Павелъ учитъ: „добро, еже ревновати всегда“; однако, притомъ прибавляетъ: „въ добрѣмъ“ (Галат., 4, 18).

Но сіе есть несчастіе человѣческаго рода, что часто и въ самыя святыя дѣйствія вкрадывается злоупотребленіе и обращаетъ добродѣтель въ порокъ. Сіе бываетъ, когда человѣкъ выходитъ изъ своихъ предѣловъ и, не управляя себя разумомъ, слѣдуетъ страсти. Ревность по Бозѣ, чѣмъ больше имѣетъ въ себѣ жара и горячаго стремленія, тѣмъ больше требуетъ осторожности и умѣренности, чтобы сей священный огнь не обратился въ пожаръ, истребляющій все безъ разбора. А сіе необходимо выйдетъ, если, вмѣсто защищенія славы Божіей, будетъ дѣйствовать страсть мщенія,—вмѣсто усердія къ пользѣ истины, вмѣшается корысть собственная,—если, вмѣсто любви къ ближнему, будетъ всѣмъ располагать страсть самолюбія.

Какія же слѣдствія изъ таковой ложной ревности могутъ произойти, ежели не худыя и вредныя? Отсюда, во-первыхъ, послѣдуетъ гоненіе, чтобы заблуждающаго, вмѣсто того, чтобы исправить и привести на путь истины,—истребить отъ земли живыхъ. Вмѣсто ученія, увѣщанія, доказательствъ, вмѣсто всѣхъ нравоучительныхъ и благо-

разумныхъ способовъ, будетъ свирѣпствовать одинъ духъ нетерпимости, какъ то доказали намъ печальными примѣрами многіе вѣка больше, нежели надобно. Оставляю въ подробности описывать таковыя свирѣпости, чтобы тѣмъ скрыть стыдъ человѣческаго поползновенія; а только при семъ примѣтить должны, что человѣкъ, такимъ образомъ гонимый, не только объ истинѣ не увѣряется ни мало, но еще въ мнѣніи своемъ ожесточается болѣе. Ибо онъ, не видя иныхъ доказательствъ, кромѣ насильственныхъ, по справедливости можетъ заключить, что у гонящей стороны нѣтъ другихъ сильнѣйшихъ доказательствъ. А изъ того и самая истина претерпѣваетъ немалый ущербъ величества своего. Ибо она представится, акибы не имѣла никакой собственной своей силы къ увѣренію; и будто она, какъ ложь, требуетъ въ своей слабости сторонняго насильственнаго подкрѣпленія. Такъ можно ли утвердить, чтобы таковая ревность была угодна Богу,—Богу хранителю порядка всѣхъ вещей, и истины защитнику всемогущему? и таковой родъ людей не тщетно ли увѣряетъ себя, аки бы ихъ ревности огонь достоинъ былъ алтаря божественнаго? какъ-то о нихъ Спаситель нашъ сказалъ апостоламъ Своимъ: „всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу“ (Іоанн., 16, 2).

Никто не почувствовалъ на себѣ столько тяжестй ревности гонительной, сколько благословенное христіанство. Основатель вѣры нашей, по слѣпому стремленію народа и по корыстолюбивой ревности фарисеевъ, первый имѣлъ нужду испить чашу смертную. То же предрекъ Онъ и проповѣдникамъ истины Своей, которые и понесли самымъ дѣломъ тяжкій крестъ сей, и кровь христіанская пролилась источниками. Въ первенствующія времена христіанства всѣ почти храмы основаны были на гробахъ мученическихъ, да и нынѣ Церковь Христова празднуетъ большую часть святыхъ тѣхъ, кои мучительнымъ лишеніемъ жизни доказали, что истина въ ихъ сердцѣ напечатана была неистребимо и непобѣдимо. Что же гонители получили черезъ все то?—славу христіанскую больше умножили, и, напослѣдокъ, сами принуждены были уступить побѣду и торжество истинѣ.

Но, ахъ! пусть бы такъ было, что язычество, покланявшееся воинскимъ Марсамъ и громопоражающимъ Юпитерамъ опорочило себя такою ревностію. Но и между исповѣдающими имя кротчайшаго Учителя, во смиреніи Котораго судъ Его взятся, были подобные замахи. Оный жаръ ревности, который долженъ воспалять сердце христіанина, и у христіанъ часто былъ жаръ неспасительный. Слѣпота, не знающая положить предѣловъ истинной ревности, страсть мщенія и корысти часто производили слѣдствія погибельныя, достойныя не христіанства, а язычества. Темный западъ показалъ много намъ такихъ примѣровъ.

Признаться надобно, что таковые ревнители дѣлаютъ великій стыдъ Евангелію, ученію наполненному кротости и человѣколюбія, Евангелію, учащему любить враговъ своихъ и удерживающему хотѣвшихъ огнь съ небеси свести,—Евангелію, ублажающему кроткихъ и похваляющему ревность, но по разуму. Когда бы они вообразили все сіе, устыдились бы и ужаснулись, сколь далеко отстоятъ отъ слѣдовъ того Учителя, славу Котораго защищать себѣ кажутся.

Да не подумаетъ кто изъ сего, акибы мы совсѣмъ уничтожали ревность по Бозѣ, или какимъ-нибудь образомъ ослабить ее старались; никакъ. Сіе было бы истребить благороднѣйшее дѣйствіе Духа Божія. Напротивъ, гласомъ самой истины утвердить можно, что великаго развращенія знакъ былъ бы, если бы кто совсѣмъ погасилъ въ себѣ духъ ревности справедливой, что можно назвать недугомъ несоболѣзнованія, или нечувствительности. Сіе можетъ происходить отъ незнанія вѣры своей, или отъ нетвердаго ея увѣренія объ истинѣ; какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ, которые иное исповѣдуютъ, а другое въ сердцѣ признаютъ. Такъ какъ же бы въ такомъ могъ возгорѣть какой-либо жаръ Божественный?

Слѣдствія таковой холодности не меньше вредны, какъ и ревности безразсудной, понеже изъ того можетъ родиться безобразная смѣсь различныхъ мнѣній, и превращеніе правилъ нравоученія. Ибо если основаніе всѣхъ, до нравовъ надлежащихъ, дѣйствій есть справедливое расположеніе мыслей, слѣдовательно, нельзя худо думать, а дѣлать хорошо, то различныя и между собою несогласныя мнѣнія не будутъ ли слабымъ и опаснымъ правиломъ человѣческихъ поступокъ; особливо въ обществѣ: „въ обществѣ“, говорю, которое связуется наипаче согласіемъ спасительной и отъ людей больше всего почитаемой истины закона. И потому нельзя не видѣть съ горестію и не слышать съ печалію о таковыхъ случахъ, въ коихъ трогаются небоязненно самыя святыя вещи, и почитается разумнѣйшимъ тотъ, кто дерзновеннѣе терзаетъ залогъ, освященный обществомъ. Добродѣтельныя души пронзаются симъ до внутренности и, воспаляемыя ревностію Господа Саваоѳа, сердечно сожалѣютъ, что здравое тѣло терпитъ столь болѣзненные удары и терзается утроба матерняя.

О, блаженъ тотъ, кто убѣгаетъ обѣихъ сихъ крайностей! Кто идетъ среднею и царскою дорогою, отвращенъ отъ злой и безразсудной ревности, но управляемъ священнымъ огнемъ ревности мудрой и человѣколюбивой!

Въ таковой ревности должна быть преданность къ вѣрѣ нѣжная, но безъ суевѣрія, усердіе къ истинѣ безкорыстное, любовь къ ближнему чистая и нелицемѣрная, чтобы не подать другимъ немощнымъ

соблазна, осторожность благоразумная. Таковый ревнитель есть вѣрный Церкви сынъ, общества членъ мудрый и благороднѣйшій, всѣхъ любящій и отъ всѣхъ любимый.

Святое Писаніе въ примѣръ истинной ревности между многими представляетъ намъ апостола Павла, который къ Коринеянамъ пишетъ такими словами: „ревную по васъ Божіею ревностію (2 Кор., 11, 2) ибо я обручилъ васъ единому мужу, чтобы вы предстали Христу, яко дѣва чистая". И для того крайне безпокоюсь и боюсь, чтобы въ васъ простота истины Евангельской прехищренна не была мудрованіями мірскими. Сія ревность Апостольская была усердная и притомъ безкорыстная, ибо онъ же въ другомъ мѣстѣ изъясняется: „не ищу вашихъ, но васъ (2 Кор., 12, 14): я съ пріятностію претерплю всякій убытокъ, хотя бы то стоило и потери жизни моей, ради пользы душъ вашихъ".

Таковою ревностію всякій христіанинъ долженъ украшать себя, а, особливо, служители Церкви симъ огнемъ, отъ жертвенника Господня возженнымъ, устнѣ свои и сердце воспалять обязуются, убѣгая безразсуднаго стремленія, противнаго человѣколюбію и кротости христіанской, да помышляютъ день и нощь о справедливыхъ средствахъ къ утвержденію добродѣтели и къ расширенію царства Іисусъ Христова, да бдятъ о стадѣ своемъ, да некій волкъ восхититъ и разгонитъ овцы; чтобы могли изъ глубины чистыя совѣсти сказать: „ревную по васъ ревностію",—да ревностію не человѣческою, но ревностію „Божіею".

При семъ столь важномъ разсужденіи нашемъ, на кого мы, слушатели первѣе воззримъ, какъ не на Твою, благочестивѣйшая Монархиня, Августѣйшую особу, не только потому, что Ты глава еси врученной Тебѣ отъ Бога христіанской державы, и не потому только, что Ты величайшая еси покровительница православія нашего; но что въ священномъ лицѣ Твомъ яснѣйше блистаетъ ревность по Бозѣ, да ревность мудрая, ревность человѣколюбивая. Она наипаче возбудила величество Твое принять престолъ, она же и утверждаетъ его. Сіе не мы токмо, но и окрестные всѣ проповѣдуютъ гласами немолчными, то есть, что при Твоей мудрости связана ревность безразсудная; а справедливая находитъ примѣръ въ тебѣ самой: молчитъ дерзость святыни касающаяся; но не молчатъ уста истины. Сей духъ вліялъ въ Тебя Богъ въ тотъ блаженный часъ, когда Онъ паче причастникъ твоихъ помазалъ Тебя елеемъ радости: „елеемъ радости",—сказалъ Духъ Святый, ибо Монаршее лице есть сладчайшій свѣтъ, всегда осіяющій радостію подданныхъ своихъ. Да сохраняетъ убо всеблагій Богъ сіи дражайшія Твои дарованія, и да глаголетъ всегда таинственною бесѣдою въ сердце Твое, да увеселяетъ величество Твое любовію подданныхъ Твоихъ, и да даруетъ Тебѣ видѣть народъ свой, достигшій до благопо-

лучія величайшаго въ свѣтѣ. Да наполняетъ же радостію духъ Твой, и сія сладчайшая надежда Твоя и наша, вселюбезнѣйшій сынъ Твой, живое изображеніе добродѣтелей Твоихъ и благонадежнѣйшій хранитель безсмертной славы Твоей.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ! въ сей день рожденія Твоего намъ радостнаго и вожделѣннаго, ничѣмъ святѣе мысль свою утрудить не можешь, какъ размышленіемъ благодѣяній той великой особы, посредствомъ которой Богъ даровалъ Тебѣ бытіе въ сей день. Да вообразитъ со всякимъ вниманіемъ мысль Твоя ея болѣзни, ея попеченіе и труды о воспитаніи Твоемъ и благополучіи жизни Твоей. Размышленіе сіе одолжаетъ Тебя, Благовѣрный Государь, горѣть къ ней любовію сыновнею, благодарностію усерднѣйшею, а благодарность сія состоитъ въ соотвѣтствованіи желанію и чаянію ея и всея Россіи о Тебѣ. Но, о, блаженство наше! Наслѣдникъ Всероссійскій возрастаетъ лѣтами и дарованіями, обогащается просвѣщеніемъ, наполняется святою ревностію къ Богу и къ истинѣ, приближается къ своему совершенству, а тѣмъ веселитъ Августѣйшую Родительницу свою, веселитъ всѣхъ насъ и тѣмъ вѣнчаетъ желаніе наше.

Боже, Россіи милостивый покровитель! Неусыпающее око Твое да бдитъ всегда надъ Монархинею нашею и наслѣдникомъ ея: Благословляя ихъ, Ты благодѣтельствуешь намъ, и сохраняя ихъ, одолжаешь Россію приносить Тебѣ всегда жертву благодаренія. Аминь.

Слово въ день торжественный, за предпріятый великодушно и благополучно совершившійся въ прехожденіи оспы, подвигъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества *).

Россія! „благослови Господа, вѣнчающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе твое“.

(Псал., 102, ст. 1—5).

Въ сей благословенный часъ представъ, слушатели, предъ лице Бога всемогущаго, Бога о твари Своей милостиво промышляющаго, мы имѣемъ славный случай взойти въ размышленіе оказаннаго намъ Божія благодѣянія, въ которомъ вся Россія, или, могу сказать, весь человѣ-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ большой придворной церкви 1768 года, ноября 22 дня.

ческій родъ пріемлетъ сладчайшее участіе. Всеавгустѣйшую Монархиню Россіи и любезнѣйшаго сына ея увидѣли мы въ здравіи вождѣленномъ и видѣ радостномъ,—увидѣли же по благополучномъ окончаніи таковаго случая, который могъ колебать и самыхъ великодушныхъ изъ насъ, чтобы не лишиться сихъ дражайшихъ для насъ въ свѣтѣ особъ.

Какое слово можетъ изъяснить оную радость, которою нынѣ преисполнены сердца всѣхъ вѣрныхъ отечества сыновъ? и чья мысль довольна понять Твои, Боже, судьбы и въ правосудномъ наказаніи, и въ милостивомъ премѣненіи онаго?

Поспѣшимъ, слушатели, принести жертвы благодарныя благодѣтельствующему намъ Богу, и своими исповѣданіями предъ Нимъ засвидѣтельствуемъ, что мы празднуемъ днесь торжество общаго избавленія.

Монархиня предшествуетъ намъ въ семъ священномъ дѣйствіи. Она, обращая радостный взоръ свой, говоритъ намъ словами Писанія Святаго: „пожрети Господу пріидохъ: освятитеся и возвеселитеся днесь со мною“ (1 Царств., 16, 5). Аки бы рекла: „сердце мое чувствуетъ „величество благодѣяній Божіихъ. Я подкрѣплена въ часъ бѣдствія „моего всесильною Его рукою. Онъ приложилъ мнѣ врачество велико„душія и просвѣтилъ мысль мою прозорливостію Божественною; Онъ „уврачевалъ тѣло мое и успокоилъ духъ мой; Онъ и плодъ утробы „моей, плодъ сладчайшій и единородный, содѣлалъ сообщникомъ той же „благости Своей и моей радости, и для того всѣ кости мои съ весе„ліемъ говорятъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ? за все сіе „я хочу принести Ему жертву, возложивъ на жертвенникъ Его сердце „свое и сердце сына моего, и возжегши оное моимъ благовѣніемъ и „усердіемъ къ Нему. А вы, возлюбленное мое достояніе, освятитеся „и возвеселитеся днесь со мною. Благодѣяніе мое почитая собствен„нымъ своимъ, соедините съ моимъ желанія ваши. Послѣдствуйте Мнѣ“!

Слѣдуемъ, любезная мать отечества, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше признаемъ себя одолженными Вамъ. Но благоволи, всемилостивѣйшая Государыня, чтобы мы хотя нѣсколько коснулись обстоятельствъ онаго случая, счастливымъ происшествіемъ котораго имѣютъ пользоваться всѣ вѣка будущіе.

Извѣстный родъ болѣзни, слушатели, столь отягощалъ человѣческій родъ, что стенаніе его слышно было по всей вселенной. Сія, могу сказать, зараза нападала на всякій возрастъ, не щадила младенчества, осаждала юношество, да и самая старость не оставалась отъ нея въ безопасности—гноила и безобразила тѣло, прекрасный домъ безсмертной души; тѣхъ, кои еще не извѣдали на себѣ печальнаго опыта, мучила ужаснымъ чаяніемъ, въ другихъ погашала самый свѣтъ жизни, да часто въ то время, когда только человѣкъ начиналъ вкушать жизни. Къ

избавленію отъ сего, инаго средства не находилось, кромѣ терпѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отчаянія. Врачи со всѣмъ своимъ искусствомъ оставляли насъ безъ помощи, и тѣмъ бо́льшему искушенію подвергали терпѣніе наше.

Когда вообразимъ мы прешедшее время (ибо отъ нынѣшняго случая должно счислять новую „эпоху"),—тѣмъ больше мысль наша поражается, что, можно сказать, человѣкъ самъ былъ причиною столь опаснаго страданія своего. Будучи одаренъ яснымъ свѣтомъ разума, возжженнымъ отъ свѣта несозданнаго, не всегда слѣдовалъ его руководству, при которомъ могъ бы онъ найти средства къ отвращенію сего несчастія дѣйствительныя.

Подлинно, слѣдуя разсужденію богословскому, нельзя почесть сію болѣзнь иначе, какъ наказаніемъ Божіимъ. И мы потому справедливо съ Давидомъ признаться должны предъ Богомъ, вопія къ Нему: „возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего: отстави отъ мене раны твоя: отъ крѣпости бо руки Твоея азъ исчезаю" (Псал., 37, 6; 38, 11). Ибо истина сія есть неоспоримая и достойна смиренномудрія нашего, что причиною всѣхъ несчастій тѣла и души есть не точное слѣдованіе закону разума и правилу совѣсти. И потому нѣтъ болѣзни, которая въ началѣ своемъ не произошла бы отъ превращенія закона естественнаго. Мы таковое признаніе въ часъ сей должны открыть правосудію Божію, „да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Богови" (Римл., 3, 19).

Но, при всемъ томъ, должны ли мы столько ослабѣть отъ правосудной руки Божіей, чтобы, впрочемъ, не прибѣгнуть къ Его милосердію? „Еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки? или до конца милость Свою отсѣчетъ? еда забудетъ ущедрити Богъ? или удержитъ во гнѣвѣ Своемъ щедроты Своя" (Псал., 76, 8—10).

Нѣтъ ничего, что привязывало бы болѣе сердце наше любовію къ Богу, какъ то, что Его правосудіе всегда растворено милосердіемъ. Его раны приносятъ намъ исцѣленіе, да сіе исцѣленіе и благоволилъ Онъ положить въ томъ же самомъ союзѣ вещей, изъ котораго выводитъ для насъ наказаніе. Во всѣхъ тваряхъ мы видимъ многіе тому примѣры.

Когда по естественнымъ причинамъ начнетъ свирѣпствовать вѣтеръ и сокрушать древа и зданія, или воскипитъ море и волненіемъ своимъ будетъ грозить кораблю бѣдствіемъ, или когда возгорится огнь и пламенемъ своимъ станетъ пожирать всякое вещество: тогда въ томъ же самомъ союзѣ находятся и средства, которыя или собственною силою, или при помощи разума человѣческаго останавливаютъ бѣдственныя для насъ дѣйствія оныхъ вещей.

Сіе же можно сказать и обо всѣхъ болѣзняхъ, отъ коихъ однимъ терпѣніемъ защищается человѣческое естество, что Промыслъ Божій противъ всѣхъ ихъ не оставилъ положить въ томъ же союзѣ вещей врачества дѣйствительныя. Мы часто ногами топчемъ траву, могущую исцѣлить насъ отъ той болѣзни, отъ которой умираемъ,—и, еслибы могли пересмотрѣть всю природу, увидѣли бы, что, гдѣ мы получаемъ вредъ, тамъ и окружилъ насъ Богъ вещами цѣльбоносными.

Но что для сего надобно?—надобно благоразуміе, вниманіе, великодушіе и всегдашнее тщаніе. Создатель естества хочетъ, чтобы разумъ нашъ былъ въ непрерывномъ дѣйствіи, и удовольствіе наше было бы тѣмъ большее, что оно проистекало бы изъ внутренняго источника нашего. А безъ того когда мы страждемъ, то умножается наказаніе по мѣрѣ нашего нерадѣнія.

Къ утвержденію сего, хотя бы мы и не имѣли другихъ доказательствъ, всякаго и малопросвѣщеннаго доволенъ увѣрить нынѣшній случай радостный. Нѣкоторые люди, тщанію и просвѣщенію коихъ отдать мы должны справедливую честь, возбужденные свирѣпостію и опасностію извѣстной болѣзни и любовію къ человѣчеству, начали размышлять, какимъ бы образомъ, ежели не совсѣмъ истребить оную опасность ея, такъ по крайней мѣрѣ уменьшить ея страданіе. Споспѣшествовало имъ въ томъ все естество, показывая многіе тому примѣры въ тваряхъ. До чего же не достигаетъ разумъ и тщаніе человѣческое, при руководствѣ Промысла Божія? Напослѣдокъ—опытъ оправдалъ ихъ предпріятіе, да какъ?—та же самая болѣзнь дѣлалась причиною собственнаго своего истребленія, опасность ея совсѣмъ отнята, а страданіе столь уменьшено, что осталось томко сожалѣтельное воспомнинаніе о тѣхъ, кои не имѣли счастія предохранить жизнь свою симъ опытомъ

Теперь что оставалось дѣлать роду человѣческому, какъ токмо, при благодареніи Промыслу, пользоваться симъ благодѣяніемъ Его? Но еще неохотно соглашался человѣкъ разстаться съ тѣмъ игомъ, къ которому привыкъ; еще немалымъ препятствіемъ тому было малодушіе нѣкоторыхъ, мысль не просвѣщенная прозорливостію другихъ. Итакъ, надобно было для сего одной особы великодушной, особы довольно знающей союзъ премудрости Божіей.

Сіи великія дарованія давно свѣтъ съ удивленіемъ примѣчаетъ въ великой Монархинѣ всей Россіи. Она, размышляя о собственной своей безопасности, поелику та соединена съ безопасностію всего отечества, не меньше принимала въ уваженіе безопасность возлюбленнаго сына своего и единственной надежды нашей: ибо онъ былъ ближайшею къ тому року жертвою. Сіе терзало матернее ея сердце и было всегдашнимъ облакомъ, которое смущало ея радость о Немъ.

Что же въ таковыхъ обстоятельствахъ предпріемлетъ Великая Екатерина? Она, по извѣстному своему во всѣхъ случаяхъ великодушію и по извѣстной къ роду человѣческому любви, первая вступила въ славный родъ подвига и сраженія. Въ семъ сраженіи, съ одной стороны, видны были свирѣпость болѣзни, необходимость страданія, опасность жизни,—съ другой стороны, ея великодушіе, прозорливость увѣряющая о благополучномъ событіи; желаніе, чтобы дать собою примѣръ къ счастію всѣхъ народовъ, особливо же отечества своего, а при томъ матернею особою доказать сыну своему, что сіе дѣйствіе оставляетъ его безопаснымъ: ибо опасность она взяла на опытъ собственной жизни своей. О, примѣръ въ вѣкахъ не слыханный! Признаемся, всемилостивѣйшая Государыня, что когда коснулся ушесъ нашихъ сей слухъ, содрогнулись въ насъ сердца наши, и, егда нѣкогда восчувствовалъ себя, обратились въ сердечныя желанія ко Врачу душъ и тѣлесъ, чтобы милостиво благоволилъ обрадовать насъ видѣть благополучное и славное происшествіе.

Что же? какое было окончаніе подвига сего? „Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое“. Естество уступило благоразумію, свирѣпость болѣзни побѣждена великодушіемъ, опасность опровержена прозорливостію мудрою, и дражайшія для насъ, паче всего, особы, по таковой побѣдѣ, притекли къ алтарю Господню, въ видѣ радостномъ и здравіи вожделѣнномъ.

Теперь взываю я къ вамъ, всѣ народы и племена, ибо дѣло намъ съ вами есть общее. Воздвигните вы очи свои на отечество наше, и слышите его обладательницу, миръ всѣмъ вамъ благовѣствующую. Успокойтесь уже отъ того страха, который васъ или мучилъ чаяніемъ, или крушилъ слѣдствіями. Признайте источникъ благодѣянія въ высокомъ примѣрѣ Монархини нашей и, слѣдуя оному къ собственному благополучію своему, составьте съ нами общее торжество, шумъ котораго простирался бы до небесъ.

А Ты, Боже, располагаяй вся по Своему изволенію, вѣдаемъ, яко веселишися о дѣлѣхъ Своихъ. Сей спасительный способъ всегда открытъ былъ въ сокровищѣ священнаго союза тварей Твоихъ; но мы смотрѣли на сіе невнимательнымъ окомъ и тѣмъ сами себѣ умножали милостивое Твое наказаніе. Ты бо Богъ дивенъ въ правосудіи и милостивъ въ наказаніи: единою рукою, къ возбужденію покаянія, точишь изъ очесъ нашихъ слезы, другою отираешь ихъ.

Что убо Ему, обрадованные слушатели, въ благодарность принесемъ? Вѣдаемъ, яко Онъ благихъ нашихъ не требуетъ: Его бо есть земля и исполненіе ея. Такъ посвятимъ Ему воспаленное любовію сердце, обратимъ къ Нему всѣ свои желанія, горячими молитвами наполнимъ храмъ

сей и торжественно предъ Нимъ обяжемъ себя, чтобы намъ изъ нынѣшняго благодѣянія Его дѣлать всегда доброе употребленіе, къ собственной же нашей пользѣ и къ славѣ милосердія Его.

Но мы сего никогда исполнить не возможемъ, чтобы въ тотъ же часъ не представить намъ славнаго Твоего, Августѣйшая Самодержица, примѣра,—чтобы въ тотъ же часъ не восчувствовать, сколь много величеству Твоему мы остаемся одолженными. Не довольно ли было для Твоей добродѣтели, чтобы всегдашними трудами изнурять здравіе свое для нашего благополучія и лишать себя сладкаго покоя? не довольно ли было сего для Твоей добродѣтели? Нѣтъ, Ты, великая героиня, по своему великодушію, жертвовала уже намъ и жизнію своею и тѣмъ показала свѣту неслыханный примѣръ—удивляться Твоей душѣ Божественной и ублажать жребій нашъ.

Чѣмъ мы возможемъ соотвѣтствовать сему? Мы уже, по вѣрности подданнической, обѣщались предъ Богомъ не щадить жизни своей за сохраненіе дражайшей Твоей жизни и Высокаго Наслѣдника Твоего. Теперь паки на себя пріемлемъ то-же обязательство, но для того, что Ты, Монархиня, уже нашему благу жизнію Своею жертвовала.

Однако, со всѣмъ тѣмъ, охотно признаемся, что мы больше должны Величеству Твоему, нежели чтобы въ силахъ были равно соотвѣтствовать тому. И для того прибѣгаемъ къ Богу всемогущему и молимъ Его усердно, да наградить Онъ Твою къ намъ любовь небесными Своими дарованіями,—да укрѣпитъ здравіе Твое, да продолжитъ Твою жизнь и да соберетъ въ едино сердце Твое всѣ тѣ удовольствія, которыми всякъ изъ подданныхъ Твоихъ отъ сего случая наслаждаться будетъ.

Стремится же слово наше и къ Тебѣ, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, сообщникъ славнаго подвига Твоей Августѣйшей Родительницы! Мы въ сей часъ предъ Тобою должны открыть то, что доселѣ молчать принуждены были. Возрасталъ Ты къ радости нашей, процвѣталъ дарованіями, показывалъ въ себѣ ясные знаки достойные Всероссійскаго Наслѣдника, имѣющаго управлять жребіемъ нашимъ. Но сіе все насъ не веселило: когда воображали объ извѣстной болѣзни, не рѣдко обыкшей погашать свѣтъ жизни нашей, мы, радуясь о Твоихъ дарованіяхъ, вмѣстѣ ужасались, чтобы сія надежда наша не превращена была въ неутѣшное рыданіе.

Но Богъ, къ намъ милостивый, положилъ уже конецъ Твоему безпокойству и страху нашему. И кто возможетъ изъяснить нашу радость о томъ? Но кто же положитъ предѣлъ и удивленію нашему, что въ семъ случаѣ опасности Твоей благоволила предшествовать Тебѣ дражайшая Родительница Твоя?! Небесный Отецъ единороднаго Сына Сво-

его предалъ на смерть за избавленіе міра. Теперь видимъ, что матерь жертвовала жизнію своею для сына своего: она въ рожденіи Твоемъ сообщила Тебѣ свою жизнь, теперь паки воспріяла на жизнь свою опытъ Твоей опасности. Ничего не осталось у ней, чтобы она не сообщила Тебѣ: такъ имѣешь ли что, благовѣрный Государь, чѣмъ бы Ты не долженъ былъ ея матерней любви къ Тебѣ?

Напиши сіе на скрижали сердца Твоего, и ничему никогда оное изгладить не допусти. Увеселяй матернее сердце подражаніемъ ея добродѣтели и, къ исполненію ея удовольствія, продолжай честный подвигъ ученія тѣмъ охотнѣе, что уже теперь безъ всякаго смущенія въ радости духа потекутъ дни Твои.

Боже! пріими жертву искреннѣйшую благодарности, которую Тебѣ Россія приноситъ. Пріими милостиво, яко кадило благовонное и всесожженіе тучное, чтобы мы всегда прославляли Тебя, Тебя вѣнчающаго насъ милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желаніе наше. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

(Матѳ., гл. 16., ст. 19).

Церковь совершаетъ днесь радостную память своихъ основателей, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, и всѣхъ чадъ своихъ созываетъ велегласно къ духовному празднованію сему. Къ большему же прославленію блаженнаго дня сего, любезное отечество наше къ тому присоединяетъ и другое торжество. Различныя причины, но едино дѣйствіе радости производятъ. Съ одной стороны, представляются священные мужи, коихъ заслуги и добродѣтель всегда останутся безсмертными, съ другой—выходитъ на путь славы Наслѣдникъ Всероссійскій, котораго Августѣйшая Матерь руководствуетъ добродѣтелію по стопамъ мужей великихъ. Тамъ видимъ божественнаго Петра, держащаго ключи, яко знакъ довѣренности въ дѣлахъ спасенія: здѣсь созерцаемъ

*) Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Высочества, въ 1769 г.

Монархиню, отверзающую намъ храмъ блаженства и въ ономъ благоугодно священнодѣйствующую. Съ горнихъ странъ открывается славный духовною мудростію Павелъ, поддерживаемый мечемъ, знаменіемъ подвиговъ своихъ: здѣсь всѣ концы земли видятъ Россію, устрашающую мечемъ мужества враговъ своихъ, и правосудіе торжествующее. О, день радостный, день изъ дней года блаженнѣйшій! вси народи Россійстіи, восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія!

При таковомъ торжествѣ всѣхъ, чувствуя расширяющееся сердце мое, отверзаю свободно уста свои и хочу изъяснить вамъ, слушатели, въ началѣ мною сказанныя Евангельскія слова о вязаніи и рѣшеніи. Ибо, какъ всякое радованіе происходитъ отъ свободности духа и состоянія (въ порабощеніи бо всякъ молчитъ и унываетъ): то за приличное и полезное почитаю теперь предложить нѣкоторое разсужденіе *о свободности*. Ты же, Боже, и мудрости податель и связанный нѣмотою языкъ разрѣшаяй, недостойнаго проповѣдника слово растворі солію благодати.

„Еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“.

Сіи слова Спасителевы хотя означаютъ особливый родъ вязанія и рѣшенія,—о чемъ мы послѣ изъяснить не оставимъ; но нѣтъ препятствія, чтобы разсужденіемъ своимъ простерлись мы и до всякой свободности и противнаго ей состоянія. Ибо въ общемъ понятіи: „связанъ“—то-же, что рабъ или невольникъ; а: „разрѣшенъ“—то же, что свободный или вольный. И какъ могутъ быть различные способы вязанія и рѣшенія, такъ потому суть различные и роды свободности и рабства.

Первое мѣсто занимаетъ свободность естественная, которая состоитъ въ независимости отъ другаго и въ самопроизвольномъ управленіи всѣхъ своихъ поступковъ. Таковою свободностію наслаждался первосозданный Адамъ, а кромѣ его, можетъ быть, никто. Ибо, какъ скоро люди, по умноженіи рода человѣческаго, оставивъ поля, лѣса и горы, собрались въ села и города, составили общества и препоручили правительству другихъ покой свой и безопасность: то въ сіе время свободность естественная перемѣнила видъ свой, но не существо. „Видъ“, говорю, а не „существо“, понеже предлогъ каждаго правленія есть, чтобы дѣйствія подвластныхъ направить къ полученію самаго большаго изъ всѣхъ добра; а сіе точно и сходно съ естествомъ свободности естественной.

Почему, если бы кто отвращался таковой зависимости, тотъ долженъ отъ людей удалиться и жить одинъ въ лѣсу со звѣрями, лишаясь всѣхъ выгодъ человѣчества. А когда бы онъ восхотѣлъ жить въ обществѣ, но себя не покорялъ благоучрежденному правленію, то справе-

дливо онъ долженъ бы преданъ быть своевольству всѣхъ наглыхъ и остаться безъ защищевія всякаго; а притомъ, чтобы не могъ и самъ вредить другимъ, долженъ быть связанъ. Сія ли есть свободность естественная? сіе ли есть состояніе, сходное съ естествомъ человѣческимъ? Не въ томъ бо состоитъ вольность, чтобы дѣлать кому что угодное, но что съ закономъ сходно; въ противномъ случаѣ не была бы вольность, но своевольство. Такимъ образомъ, свободный есть настоящій рабъ и невольникъ; а зависящій отъ правительства, когда, кажется, теряетъ свою свободность,—самою вещію тогда же сохраняетъ оную.

Мы разумѣемъ здѣсь зависимость отъ правленія мудраго, правосуднаго и человѣколюбиваго, гдѣ право всякаго остается подъ святымъ охраненіемъ; гдѣ уста невозбранно говорятъ истину предъ тѣми, коихъ Богъ называетъ богами,—гдѣ беззаконіе истребляется съ сожалѣніемъ лица согрѣшившаго, но съ большимъ сожалѣніемъ общества, дабы его покой чѣмъ нарушенъ быть не могъ,—гдѣ слабость находитъ прощеніе и исправленіе,—гдѣ молчитъ одна неправда и прячется хитрость и ласкательство; словомъ: гдѣ дѣйствуетъ благая совѣсть и страхъ или, паче, любовь Божія.

О, сколь любезна таковая зависимость! о, драгоцѣнны, ежели могу сказать, узы таковаго подчиненія! Подлинно, у тебя связаны руки, но къ худому; заграждены уста, но къ ласкательству; связано сердце, но къ хитрости и лукавству; связана и мысль, но къ богопротивнымъ воображеніямъ и намѣреніямъ. Таковое состояніе есть златаго вѣка, ибо въ то время, когда ты веселишься подъ древомъ своимъ и подъ смоковницею своею во всякомъ довольствѣ; въ то время тебя охраняетъ правитель, коему ты препоручилъ покой свой, и, при сладкомъ снѣ твоемъ, никакой опасности къ тебѣ прикоснуться не допускаетъ бдительнымъ попеченіемъ своимъ.

А изъ сего кто не видитъ, что правленіе есть лучшій способъ сохраненія свободности естественной? И кто ему подчиненъ, „разрѣшенъ на земли“, ибо сила законовъ охраняетъ его; „разрѣшенъ и на небесѣхъ“, ибо „сущія власти отъ Бога учинены суть“. Но, кто таковому подчиненію не покоряется,—тотъ „связанъ на земли“, ибо подвергаетъ себя рабству естественному; „связанъ же и на небесѣхъ“, ибо „противляяйся власти Божію повелѣнію противляется“.

Другая „свободность“ есть „моральная“, или касательная нравовъ, которая „состоитъ въ независимости отъ власти страстей и пороковъ“. Въ разсужденіи сего свободенъ есть, кто слѣдуетъ руководству разума и хранитъ добродѣтель, а рабъ или связанъ есть, кто работаетъ страсти и послѣдуетъ ей, яко волъ ведомый на заколеніе: „имъ же бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть“ (2 Петр., 2, 19),—сказалъ

Апостолъ. Подлинно, рабъ есть, ибо онъ не то дѣлаетъ, что хочетъ; но то, что ненавидитъ, содѣваетъ. Понеже трудно кому-нибудь быть столь развращенну, чтобы не видѣлъ онъ красоты добродѣтели и въ самомъ дѣйствіи порока своего; но, побѣжденъ страстію и привычкою, насильственно бѣгаетъ за худымъ: „насильственно“, говорю, ибо онъ тогда стремится противъ естества, и ложному божеству приноситъ жертву рукою дрожащею. Печальное состояніе! разодранну быть въ самомъ себѣ и стать подданнымъ, или, и плѣннымъ мучительнѣйшей страсти, лишаясь покоя совѣсти и радости душевной.

Когда Давидъ порабощенъ былъ страстію, онъ произносилъ сіи печальныя слова: „нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ“ (Псал., 37, 4—5). Но когда сила благаго Промысла извела его изъ таковаго состоянія, онъ возопилъ тогда въ радости сердца: „о, Господи, азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой: растерзалъ еси узы моя, и за сіе пожру Тебѣ жертву хвалы“ (Псал., 115, 7—8). Подлинно, есть для чего радоваться тому, кто свободенъ отъ сего порабощенія. Ибо онъ благое творитъ безъ всякаго смущенія въ спокойствіи духа: поелику то дѣлаетъ, что и разумъ его представляетъ лучшимъ,—что и Божій и человѣческій законъ предписываетъ,—что и ему и всѣмъ полезно,—чему воля безъ сопротивленія послѣдуетъ, и изъ чего совѣсть чувствуетъ удовольствіе неизглаголанное.

Къ сей свободности ведутъ насъ всѣ святыя книги, всѣ увѣщанія праведныхъ, всѣ примѣры добродѣтельныхъ. И по истинѣ, сіе дѣло само чрезъ себя есть достойное великаго уваженія: ибо, лишаясь кто сей свободности, не токмо бываетъ рабъ порока, но осуждается въ рабское состояніе и въ обществѣ, понеже „добродѣтель съ заслугою возводитъ на степень свободности или благородства“. Слѣдовательно, какъ добродѣтельный человѣкъ можетъ быть въ обществѣ рабомъ по случаю, такъ обезславленный пороками заслуживаетъ лишенъ быть свободности по справедливости.

Впрочемъ, благодареніе Промыслу, что рабское состояніе не мѣшаетъ быть добродѣтельнымъ, слѣдовательно, свободнымъ и радостнымъ по духу. Таковый мужъ любезенъ предъ лицемъ поработившихъ его и страшенъ предъ очами связывающихъ его. Павелъ сидѣлъ нѣкогда въ темницѣ въ узахъ, но въ полунощи, въ радости духа, воспѣвалъ своего Создателя и темничнаго начальника ввелъ въ свободность Евангельскую, а мучителей своихъ вездѣ по вселенной вязалъ стыдомъ и мученіемъ совѣсти и, такимъ образомъ, связанныхъ передавалъ суду Божію. Такъ не видимъ ли ясно, что служитель порока есть „связанъ на земли“? ибо чаша строгости законовъ пріуготовлена ему; „связанъ

и на небесѣхъ", ибо гнѣвъ Божій и тѣснота на всякую душу человѣка творящаго злое. Но другъ добродѣтели „разрѣшенъ на земли", ибо почитается онъ отъ закона честнымъ членомъ общества; „разрѣшенъ и на небесѣхъ", ибо имя его написано есть во градѣ небеснѣмъ.

Отъ таковой свободности слово наше прямо течетъ къ свободности Евангельской, ибо она есть дополнительное слѣдствіе свободности моральной. А свободность Евангельская состоитъ, первое, въ освобожденіи насъ отъ наказанія Божія заслуженнаго законопреступленіемъ; второе, въ наклонности сердца нашего къ исполненію закона не по страху, но по любви,—не по слѣпому стремленію, но по ясному понятію добра и худа. О первомъ говоритъ Спаситель: „аще сынъ вы свободитъ, свободни будете" (Іоанн., 8, 36); о второмъ разсуждаетъ Апостолъ: „грѣхъ вами да не обладаетъ"; для чего? — „нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію" (Римл., 6, 14). Благодать въ семъ мѣстѣ обозначаетъ сыновнее радостное состояніе, а подъ именемъ закона разумѣется состояніе строгости и страха.

Таковой родъ свободности есть изъ благороднѣйшихъ: ибо проистекаетъ онъ изъ источника чистѣйшаго. Иной исполняетъ законъ, опасаясь за преступленіе наказанія; иной — для пользы чаемой; другой — для снисканія славы. Все можетъ быть не худо, да опасно, чтобы при случаѣ, когда бы таковый не предвидѣлъ за порокъ свой наказанія, или не надѣялся бы получить себѣ чаемой пользы или славы, что не рѣдко случиться можетъ,—чтобы, говорю, при таковомъ случаѣ не разслабъ онъ въ дѣланіи добродѣтели, или и совсѣмъ не пренебрегъ оную. Но, укрѣпляемый свободностію Евангельскою, понимаетъ ясно благо и зло и слѣдствія ихъ, увѣренъ о мудрости и благости Законодателя, чувствуетъ любовь и благодѣянія своего Промыслителя: находитъ въ Немъ Отца и для того исполняетъ законъ не по силѣ приказанія одного, ибо таковый есть временщикъ,—не отъ страха, ибо таковъ есть рабъ и подлъ; но по любви, ибо онъ почитаетъ себя сыномъ; но отъ ревности, ибо честность почитаетъ паче всякаго прибытка; но отъ благоразумія, ибо онъ просвѣщенъ есть Духомъ Святымъ. И потому нѣтъ опасности, чтобы и тогда, когда бы случай за его честность грозилъ ему вредомъ и безчестіемъ,—чтобы и тогда сдѣлался онъ измѣнникомъ добродѣтели.

Въ семъ-то разсужденіи во святыхъ книгахъ пишется, что „праведнику законъ не лежитъ", что мы „избавлены отъ закона" (1 Тимоѳ., 1, 9), не для того, аки бы праведникъ исполнять законъ не одолженъ былъ; но что для праведника законъ не есть принудительный повелитель, а есть зерцало, живо представляющее его добродѣтель. О, когда бы таковая свободность имѣла больше дѣйствія въ сердцахъ человѣче-

скихъ! меньше бы законодатели и законоблюстители имѣли затрудненія; меньше бы добродѣтель имѣла худаго примѣса. Ибо недостатокъ сей свободности есть причина, что къ благочестію пристаетъ нѣсколько лицемѣрія, въ дружбу вмѣшивается прибытокъ, въ благодѣтельную склонность вкрадывается тщеславіе, а подъ ревностію кроется мстительность собственная. И потому таковый есть „связанъ на земли“, ибо двоедушно есть сердце его; „связанъ и на небеси“, ибо Богъ любитъ кадило благовонное безъ примѣси всякаго зловонія.

Остается еще разсмотрѣть намъ послѣдній родъ свободности, которую можно назвать „церковною“. О ней особливо говорятъ, въ заглавіи отъ насъ положенныя, Евангельскія слова о духовномъ вязаніи и рѣшеніи. О сей свободности между разными происходятъ разныя разсужденія и споры, и всякъ опредѣляетъ оную по мѣрѣ своего понятія или страсти. Но, сообразуясь съ основаніемъ Писанія и самой истины, должно сказать, что „свободность церковная состоитъ въ правѣ пользоваться всѣми преимуществами, соединенными съ Церковію“. А преимущества Церкви суть — быть членомъ сего святаго общества, имѣть участіе находиться во всѣхъ его священныхъ собраніяхъ, съ прочими выхваляя общаго Владыку, наслаждаться умнымъ зрѣніемъ Его совершенствъ; пользоваться дражайшимъ даромъ, чтобы быть участникомъ святой трапезы и подъ видимыми знаками питаться Тѣломъ и Кровію Господнею. Въ семъ состоитъ рѣшеніе, или свободность церковная; слѣдовательно, вязаніе состоитъ въ лишеніи всѣхъ оныхъ преимуществъ.

Можно было бы здѣсь доказать, что выше изъясненныя свободности суть соединены „существенно“. Ибо какъ основаніемъ всѣхъ свободностей есть едина добродѣтель, а всѣхъ рабствъ единъ порокъ, то не возможно, чтобы кто, лишаясь единой свободности, вкупѣ не лишился и прочихъ. Можно было бы сіе обстоятельнѣе доказать, но не достанетъ теперь времени; и потому заключаю только тѣмъ, что, кто сей свободности лишенъ, тотъ „связанъ на земли“, ибо не можетъ онъ почтенъ быть честнымъ въ гражданствѣ членомъ; „связанъ и на небесѣхъ“, ибо лишенъ надежды спасенія. Но, кто свободностію сею пользуется, тотъ „разрѣшенъ на земли“, ибо, кто вѣренъ въ совѣсти Богу, тотъ вѣренъ и обществу; „разрѣшенъ же и на небесѣхъ“, ибо предстаетъ онъ суду Божію съ добрымъ засвидѣтельствованіемъ отъ всего христіанства.

При окончаніи разсужденія нашего таковымъ образомъ, слово мое склоняется уже къ вамъ, слушатели, поелику вы—и примѣръ и утвержденіе онаго. Вы наслаждаетесь свободностію естественною подъ богомудрымъ правительствомъ человѣколюбивой Монархини и сладко опочиваете подъ счастливою тѣнію ея попеченія; вы украшаетесь свобод-

ностію добродѣтели, ибо отечество находитъ васъ вѣрными своими сынами и усердными должностей исполнителями. Васъ Отецъ небесный признаетъ свободными и Евангельскими, ибо требованіе Его закона есть сходственно съ сердечными вашими склонностями; вы свободны и по Церкви, ибо она почитаетъ васъ благочестивыми чадами своими и ревностными защитниками пользы ея и славы. Да благословитъ Вышній возрастать въ васъ симъ великимъ дарованіямъ, а чрезъ васъ дать міру примѣръ благочестія къ Богу и вѣрности къ отечеству!

Но, прежде всего и паче всего, обязаны мы призывать сіи небесныя благословенія на священную Твою главу, Благочестивѣйшая Монархиня! Ибо свободности, о коихъ мы разсуждали, и на коихъ основано истинное блаженство наше,—сіи свободности и хранитъ и утверждаетъ Твой самодержавный скипетръ. Твоимъ попеченіемъ правосудіе торжествуетъ, и невинность, подъ Твоею порфирою, находитъ себѣ убѣжище. Не сіе ли есть благословенное владычество свободности естественной? Твоими законами руководствуемся къ добродѣтели, а чрезъ то избываемъ безчестнаго рабства пороковъ. Твоя матерняя любовь къ подданнымъ возлагаетъ на насъ обязательство свободности Евангельской, чтобы исполнять Божій и Твой законъ, по чувству любви къ Тебѣ и благодарности къ благодѣяніямъ Твоимъ. Твоимъ благочестіемъ всѣ мы спокойны пребываемъ въ нѣдрахъ святой Церкви, а чрезъ то препровождая жизнь на земли благочестно, уповаемъ и на небеси жить вѣчно и блаженно. Все сіе воображая, будемъ ли мы столь не чувствительны, чтобы при всякомъ случаѣ не быть громкими проповѣдниками Твоихъ благодѣяній и, наслаждаясь пріятнымъ покоемъ, не признавать виновницу онаго?

Врагъ христіанства и мира нѣсколько помутилъ сладкій нашъ покой; но уповаемъ на Бога, въ рукахъ Своихъ держащаго вѣсы правосудія, что постигнетъ его судьба древняго фараона, о коемъ пишется, яко на сіе особливо попустилъ ожесточиться ему Богъ, да покажетъ въ низверженіи его силу и славу Свою. Откроетъ и нынѣ,—въ упованіи вѣры нашей глаголемъ,—откроетъ силу Свою Держатель небеснаго круга, откроетъ и славу Россіи—любезнаго достоянія Своего. Какъ скоро возсіяетъ солнце Его правосудія, луна постыдится со свѣтомъ своимъ и скроетъ гордые свои рога. Да обрадуетъ убо насъ Господь силъ увидѣть вскорѣ главу Твою, Великая Государыня,—увидѣть главу Твою лаврами увѣнчанну,—лаврами, подъ тѣнію коихъ вѣрнымъ подданнымъ Твоимъ было бы всегда пріятное, вкупѣ же и славное, успокоеніе.

Обратимъ же мы рѣчь свою и къ дражайшему имянинніку нашему. Ты, Благовѣрный Государь,—виновникъ настоящаго торжества Россіи.

О, коль желательно и славно быть причиною радости другихъ! Сіе есть свойственно Богу, Который ежечасно изливаетъ веселіе на тварь Свою Достигай до сего крайняго совершенства смертныхъ: судьба къ тому Тебя произвела въ свѣтъ; Промыслъ даровалъ Тебѣ живой примѣръ царской добродѣтели въ великой Родительницѣ Твоей; Церковь представляетъ о Тебѣ ходатаевъ къ Богу, нынѣ празднуемыхъ Апостоловъ и всѣхъ святыхъ; мы желаніями своими уповаемъ того же отъ щедроты небесъ. Но, чтобы судьба достигла своего конца, чтобы промышленіе было дѣйствительно, чтобы примѣръ былъ плодоносенъ, чтобы молитвы были сильны, чтобы желаніе наше осталось не постыдно, — споспѣшествуй всему тому, благовѣрный Государь, добрымъ своимъ произволеніемъ. Судьбѣ соотвѣтствуй сохраненіемъ благородства природы; промышленію— согласіемъ, примѣру—подражаніемъ; желанію—совершеніемъ; молитвамъ—добродѣтелію. Тогда судьба возсіяетъ, промыслъ вознесется, примѣръ возгремитъ, желаніе наше прославится.

Боже! мы вѣдаемъ, яко Ты созерцаеши всю вселенную и десницею Своею содержиши всѣ концы земли. Россія возноситъ къ Тебѣ длани свои, препоручая благости Твоей дражайшихъ особъ своихъ. Ты съ горнихъ мѣстъ взирай всегда на нихъ онымъ окомъ, кое не дремлетъ, ниже усыпаетъ, храня своего Израиля. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„И власъ главы вашея не погибнетъ“.

(Лук., гл. 21, ст. 18).

Сей гласъ Евангельскій есть гласъ милосерднаго промысла и человѣколюбія Божія. И хотя онъ во всякое время жизни нашей есть утѣшителенъ, кто бо не возвеселится духомъ, слыша столь милостивое отъ всемогущаго Владыки обнадеживаніе? но особливо сей гласъ радостенъ долженъ быть, если обратить его къ человѣку, выходящему на свѣтъ сей, то есть, въ оную частицу времени, когда онъ слабъ и подверженъ всѣмъ опасностямъ,—когда говорю, вообразить, что въ таковый часъ къ нему такъ говоритъ Промыслъ: „Созданіе слабое, но созданіе „премудрыхъ рукъ Божіихъ! въ таковой твоей слабости осѣняетъ тебя „сила Вышняго, охраняетъ тебя рука Всемогущая. И потому ни по„слѣдній власъ главы твоей не погибнетъ, ни малѣйшій случай

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви, 1769 года, сентября 20 дня.

„чай не можетъ тебѣ приключиться, чтобы онъ не былъ утвержденъ „небеснымъ опредѣленіемъ къ собственному благу твоему“. Ибо нѣтъ сумнѣнія никакого, слушатели, что жизнь наша есть величайшее благодѣяніе Провидѣнія небеснаго,—что жизнь наша состоитъ подъ всегдашнимъ управленіемъ премудраго Бога. И потому намѣренъ я непространнымъ словомъ мудролюбію вашему изъяснить о *настоящей жизни человѣческой, что она не есть столь суетна, горестна и несчастлива, какъ нѣкоторые описываютъ оную, а другіе не такъ о ней понимаютъ*. И сіе разсужденіе заслуживаетъ вниманія нашего, какъ для собственной каждаго пользы, такъ особливо, дабы виновникъ настоящаго торжества могъ почувствовать всю силу Промысла, управляющаго жизнь человѣка всегда во благое. Ты же, Господи, сіе благословенное собраніе осѣни силою Твоею и сотвори, да слово наше будетъ достойно сего священнаго училища Твоего!

Какъ бытіемъ и дѣлами нашими управляетъ Богъ всегдашнимъ Своимъ промысломъ, то и не для чего было бы сомнѣваться о настоящей жизни человѣческой, что она есть добра сама чрезъ себя. Но, понеже нѣкоторые охуждаютъ и окаевають оную, или, по крайней мѣрѣ, почитаютъ ее быть источникомъ больше скуки и печали, нежели удовольствія и радости, то и настоитъ нужда разогнать сію темноту, въ мысляхъ нѣкоторыхъ загустѣвшую, дабы можно было благодушно проходить сіе теченіе, отъ Создателя намъ назначенное.

Жизнь человѣческую можно понимать двоякимъ образомъ: или въ началѣ ея, или въ ея продолженіи. Въ началѣ своемъ она есть произведеніе человѣка изъ небытія въ бытіе. Что можетъ быть величественнѣе сего!? Выйти изъ бездны безплоднаго ничтожества и взойти на высоту Создателевыхъ совершенствъ, смотрѣть вездѣ разсѣянные слѣды премудрости безконечной и видѣть союзъ, коимъ твари, будучи связаны, стремятся къ единому концу для нихъ благополучному: что можетъ быть превосходнѣе сего? И можно ли подумать, чтобы человѣкъ, въ такомъ состояніи поставленный рукою всесильною, могъ сказать: „сіе состояніе мнѣ скучно и горестно есть“? не паче ли онъ долженъ бы вознести къ небесамъ свой гласъ благодарный?

Что же есть жизнь человѣка и въ ея продолженіи?—она есть теченіе дѣлъ сходныхъ съ естествомъ его. Теченіе сіе должно стремиться къ добродѣтели, а добродѣтель приводитъ къ Богу: отъ добродѣтели раждается въ душѣ истинное удовольствіе, а соединеніе съ Богомъ есть источникъ блаженства безконечнаго. Положивъ, что человѣкъ не былъ бы участенъ сей жизни, тѣмъ самымъ къ блаженству таковому онъ имѣлъ бы предъ собою двери, мракомъ небытія затворенныя: ибо кого нѣтъ, тотъ ничего чувствовать не можетъ. Итакъ,

если, земнородный, ты недоволенъ жребіемъ бытія своего, то тѣмъ самымъ нечувствительно отрицаешься и онаго блаженства, для котораго произвела тебя благость Божія. Впрочемъ, сего не возможно и понять, чтобы премудрый и преблагій Богъ бытіе намъ даровалъ для одного мученія нашего и ввелъ бы насъ въ таковую жизнь, которая была бы единымъ токмо отягощеніемъ намъ.

И для того слово Божіе всею своею силою увѣряетъ насъ, что жизнь сія проистекала изъ источника Божественнаго. Оно свидѣтельствуетъ, что „Господъ Богъ вдуну въ лице человѣка дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу“ (Быт., 2, 7); оно говоритъ, что „долгота житія и лѣта жизни въ въ десницѣ Господни“ (Притч., 7, 3, 16); оно проповѣдуетъ, что человѣкъ „созданъ по образу Божію и по подобію“ (Быт., 1, 26—27). А какъ въ сихъ послѣднихъ словахъ заключается великое преимущество человѣческаго бытія, то царствующій Пророкъ имѣлъ причину предъ Господомъ воспѣть: „что есть человѣкъ, яко помниши его? или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его“ (Псал., 8, 5, 6). А изъ сихъ преимуществъ очень видимо, какъ оцѣнять должны мы свою жизнь.

Таковое разсужденіе, кромѣ того, что есть истинно,—и весьма полезно для благоспѣшества сей же самой жизни, которую намъ препровождать должно. Ибо, положивъ, что жизнь наша есть благодѣяніе и благословеніе Создателево, возбудимся чрезъ то къ благодарности и любви къ Нему: станемъ щадить время дней нашихъ, въ разсужденіи, что праздность нѣкоторымъ образомъ ввергаетъ насъ въ прежнее состояніе небытія: ибо, кто ничего не дѣлаетъ, оный такъ можетъ почитаемъ быть, какъ бы его не было. Будемъ благодушны во всякомъ случаѣ, то есть трудномъ, скучномъ и несчастливомъ, вѣдая, что Промыслъ Божій свято управляетъ всѣми приключеніями. Теченіе жизни сей проходить будемъ радостно, и спокойно окончимъ послѣдніе часы нашихъ дней, оставаясь въ увѣреніи, что сей предѣлъ есть святъ и справедливъ.

Но если бы принять противное мнѣніе, то есть, что жизнь сія есть суетна и горестна, могутъ произойти изъ того весьма непріятныя слѣдствія, а именно: будемъ скучать жизнію своею и роптать на Того, Который даровалъ намъ оную; бросимъ себя въ нѣкоторый родъ уныніе и разслабленія, а чрезъ то сдѣлаемся неспособными: къ понесенію должностей и ко взаимнымъ услугамъ общества, ибо умертвимъ свои силы и изсушимъ источникъ дѣйствій. Да и какая была бы уже нужда много прилежать къ трудамъ и дѣламъ, если бы согласиться на сіе печальное мнѣніе, что все въ свѣтѣ суетно? А изъ сего

очень видно, сколь изрядным членомъ общества можетъ быть, кто таковыми мыслями питаетъ себя.

А хотя бы и подлинно,—положимъ на одинъ часъ,—жизнь сія была горестна и суетна: не знаю, какое намѣреніе имѣлъ бы тотъ, который охотился бы таковое наше несчастіе представлять ежечасно предъ очи наши, и старался бы больше растравлять сію рану вмѣсто того, чтобы лѣчить оную. Печаль и уныніе всегда по себѣ оставляютъ худые слѣды: ибо мѣшаютъ съ благодушіемъ проходить свое знаніе, а чрезъ то отъимаютъ наилучшее средство къ благополучію и временному и вѣчному. А если и надобна въ жизни сей печаль, то не иная, развѣ каковую похваляетъ апостолъ Павелъ, которую и называетъ онъ: „печаль яже по Бозѣ“ (2 Кор., 7, 10). Она состоитъ въ чувствительномъ терзаніи совѣсти по соцѣланіи грѣха: ибо чрезъ таковую печаль грѣхъ истребляется; слѣдовательно, и сія печаль надобна для истребленія ея же самой, дабы снискать чрезъ то спокойствіе и радость духа.

Къ большему изъясненію разсужденія нашего нужно разсмотрѣть, откуда происходитъ оная мрачная мысль о жизни сей, дабы, узнавъ причину, истребить оную, а, притомъ, нѣсколько изъяснить и поправить и противное мнѣніе.

Таковая мысль, во-первыхъ, происходитъ въ нѣкоторыхъ отъ несчастливаго, меланхолическаго, состава ихъ расположенія. Они, имѣя мысль, помраченную разными скучными воображеніями, и мучась непрестанно внутреннимъ безпокойствомъ, все уже себѣ представляютъ не веселымъ, худымъ и испорченнымъ; все имъ не нравится, все досадно, и изъ таковой своей собственной жизни дѣлаютъ генеральное заключеніе о жизни всѣхъ вобще: подобно тому какъ человѣку, имѣющему глаза болящія иктерическою болѣзнію, все представляется желтымъ. Но таковые люди достойны не столь обвиненія, сколь сожалѣнія: ибо ихъ произволеніе не весьма бываетъ дѣйствительно, по несчастію природы или воспитанія.

Второе, происходитъ, часто поминаемое, мнѣніе и отъ непрямаго выразумѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія. На многихъ мѣстахъ Писанія святаго, подлинно, находимъ мы, что жизнь сія описывается жизнію суетною, горестною и окаянною. Мы можемъ нѣкоторыя мѣста, именно, здѣсь привести. Пророкъ Давидъ съ жалобою говоритъ: „увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися“ (Псал., 119, 5)! Сходно съ нимъ говоритъ апостолъ Павелъ: „Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“ (Римл., 7, 24)? Таковыхъ же мыслей и апостолъ Іаковъ: „Кая жизнь ваша“?—пишетъ онъ, „пара бо есть“ (Іак., 4, 14). Все же сіе заключается въ оныхъ Соломоновыхъ словахъ: „Суета суетствъ, и всяческая суета“ (Еккл., 1, 2).

Но какъ все ученіе Писанія Божественнаго справедливо почитается ученіемъ Святаго Духа, то посему и не можно разумѣть помянутыя слова такъ, чтобы оныя прямо охуждали жизнь человѣческую, которая есть дражайшій даръ Бога человѣколюбиваго. Но какъ же ихъ толковать и разумѣть надобно?—разумѣть надлежитъ не о жизни человѣческой вообще, но о жизни человѣковъ нѣкоторыхъ, а именно: суетна есть жизнь того, который препровождаетъ оную въ суетѣ, то есть, въ однѣхъ забавахъ, съ потерею душевнаго совершенства и съ упущеніемъ своей должности. Горестна есть жизнь того, который, не зная или потерявъ вкусъ сладости добродѣтели, думаетъ найти оную въ услажденіи страстей. Окаянна есть жизнь того, который, безчестя оную пороками и беззаконіями, дѣлаетъ ее еще путемъ, ведущимъ къ вѣчному несчастію. Подлинно, жизнь таковыхъ людей есть суетна и несчастлива; и весьма надлежитъ оную окаевать, дабы ихъ чрезъ то вывесть изъ опаснаго разслабленія и крайняго нерадѣнія о добродѣтели и о благахъ будущихъ.

А если бы оныя писанія святаго слова взять генерально о жизни человѣческой, то суетною должна бы называться жизнь и того, который упражняется мыслію и сердцемъ въ дѣлахъ, къ пользѣ благочестія и общества служащихъ. Была бы горестна жизнь и того, который сладчайшими добродѣтели плодами душу свою всегда питаетъ; была бы окаянна жизнь и тѣхъ, кои святостію, яко солнце, въ мірѣ просіяли. Но можно ли намъ быть столь отважными, чтобы къ несчастію своему такъ думать о жизни тѣхъ, примѣру коихъ мы послѣдовать должны?

Что же жизнь сія называется „краткою, во мгновеніи ока преходящею“,—и сіе разумѣется въ сравненіи вѣчности, предъ которою не толькоо на есть кратка, но почти—ничто. Однако сіе не мѣшаетъ быть и называться жизни нашей долгою, когда она состоитъ въ предѣлахъ, отъ Премудрости вѣчной назначенныхъ. Подлинно, она можетъ быть кратка и по самой себѣ; но для онаго, который пороками и страстями самъ себѣ сокращаетъ ее, и самъ себѣ препятствуетъ пользоваться благостію Господнею. Но, присемъ, можетъ сказать кто: „различныя страсти, труды, скуки и несчастія, коими наполнена жизнь сія, могутъ ли допустить почесть ее счастливою“? На сіе отвѣтствуется, что страсть и пороки не дозволяютъ почесть счастливою жизнь того, кто онымъ работаетъ, какъ уже выше сказано. Труды и соединяемыя съ ними, на краткое время, скуки необходимо нужны какъ для добродѣтели, такъ и для будущей жизни; слѣдственно, благополучію жизни сей они не только не препятствуютъ, но еще и споспѣшествуютъ. Несчастія же, если приключаются за дѣла худыя, приключаютъ жизнь несчастливую для тѣхъ, кои сами себя ввергли въ оную. Несчастія же за

истину и добродѣтель не суть несчастія, развѣ мнимыя: ибо они не только внутренняго совершенства не нарушаютъ, но паче оное устрояютъ; а притомъ у Бога и у добрыхъ людей снискиваютъ себѣ истинную славу и мздовоздаяніе. Сохрани Богъ, чтобы мы Нерона, оное чудовище человѣчества, и Прода, впрочемъ вознесенныхъ, почли блаженными; а Петра, Павла и Іоанна, мужей въ свѣтѣ добродѣтельнѣйшихъ, но отъ нихъ неповинно убіенныхъ, вмѣняли бы несчастливыми и окаянными? Итакъ, отсюда мы можемъ видѣть, что жизнь наша, сама чрезъ себя не заслуживаетъ охужденія.

Однако, притомъ, въ предосторожность людямъ, по душѣ разслабленнымъ, если они между нами по несчастію находятся, гласомъ Господнимъ объявляемъ мы, что жизнь ихъ суетна и несчастлива, сколько бъ имъ чувства ни льстили, и сколько бы они сами себя пріятно ни обманывали; а едина жизнь человѣка, званію своему соотвѣтствующаго, человѣка чрезъ добродѣтель къ будущей жизни себя пріуготовляющаго, едина таковаго жизнь есть благая, твердая, благополучная и благословенная, хотя бы иногда она и была смущаема нѣкоторыми превратами несчастія: и мы бы, увидѣвъ таковаго, съ веселіемъ душевнымъ сказали ему: „теченіе жизни твоей прекрасно: ибо добродѣтельно; жизнь твоя преблаженна, ибо совѣсть твоя не зазорна; духъ твой радостенъ, ибо онъ непороченъ. И сія радость тѣмъ есть большая, что она есть нѣкоторое предчувствіе радости вѣчной: ибо начинаетъ здѣсь—въ душѣ непорочной рай будущій, блаженный“.

Но уже время окончить намъ, слушатели, свою бесѣду. Токмо молю, да не пренебрежемъ забвеніемъ сіе разсужденіе, понеже оно служитъ съ величайшею пользою къ благоспѣшеству жизни сей. Да затвердимъ въ своей мысли и сердцѣ, чтобы жизнь сію не препровождать въ праздности: ибо потолику она есть блаженна, поелику находится въ движеніи добрыхъ дѣлъ; а безъ того жизнь не есть жизнь, но нѣкоторое мертвое и безобразное изображеніе жизни. Притомъ, твердо да увѣримъ себя, что не можетъ быть участникомъ вѣчной жизни, который не съ усердіемъ и вѣрностію въ жизни сей проходитъ должность, отъ судьбы Господни назначенную.

Къ большему же изъясненію разсуждаемой истины, дозволь намъ, Всемилостивѣйшая Государыня, привести въ примѣръ Твою, Богомъ управляемую, жизнь. Двѣ причины мы къ сему имѣемъ. Первая, что, какъ жизнь жизнію почитается тѣмъ свойственнѣе, чѣмъ въ большемъ движеніи благихъ дѣлъ состоитъ она, то чья же жизнь есть упражнена толикими дѣлами и попеченіями, какъ не Твоя Монаршая? Мысль Твоя простирается и къ внутреннему учрежденію государства, и къ внѣшней оборонѣ онаго, и къ устроенію общей пользы, и къ удоволь-

ствію каждаго и разсужденіемъ, и повелѣніемъ, и словомъ, и перомъ, и совѣтомъ, и наставленіемъ, и другими многочисленными способами. Вторая причина, что жизнь Твоя, яко жизнь Монаршая, есть естественное основаніе жизней нашихъ и самый лучшій ихъ же образецъ. Ибо если взять жизнь за теченіе дѣлъ, то наши жизни суть нѣкоторые потоки, которые, какъ начало, пріемлютъ отъ пространнаго моря дѣйствій Твоихъ, такъ въ оное же паки обращаются. Проходи убо, Помазанница Господня, сей подвигъ тѣмъ охотнѣе, что отъ него зависитъ блаженство многихъ народовъ. Вѣдаемъ, что теченіе Твое многотрудно, но со всѣмъ тѣмъ преблаженно: жизнь Твоя многопопечительна, но для другихъ радостотворна. Сей есть самый лучшій жребій смертнаго не ослабѣвать въ своемъ подвигѣ, и съ благодушіемъ приближаться къ полученію вѣнца безсмертія. Наляцы, успѣвай и царствуй; мещи стрѣлы на враговъ Твоихъ: Твоя добродѣтель ихъ побѣдитъ, и человѣколюбію Твоему Господь покоритъ ихъ варварство. Веди же симъ путемъ и сей дражайшій плодъ утробы Твоей. Даровавъ ему жизнь, оживотворяй его и духомъ добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Благовѣрный Государь, вонми сіе разсужденіе наше и оное пріими вмѣсто, должнаго отъ насъ въ настоящій день Тебѣ, поздравленія.

Ты нынѣ совершаешь день Твоего въ міръ сей вшествія. Открой убо свою благодарность, во-первыхъ, Господу, оживляющему всѣ твари и содержащему въ Своей рукѣ духи сильныхъ земли; а притомъ и сему, Божественнаго о Тебѣ Промысла, богоизбранному орудію, дражайшей Родительницѣ своей: докажи же свою благодарность прехожденіемъ теченія своего въ благодушіи и исполненіемъ обязательствъ, которыя на Тебя возложили Богъ и естество, вѣра и отечество. И какъ мы увѣрены о Твоихъ благихъ склонностяхъ: то и уповаемъ, что колесница Твоя, чѣмъ выше восходитъ на горизонтъ чаянія Россіи, тѣмъ въ большемъ сіяніи имѣетъ открыть себя. „Пятнатцать лѣтъ уже миновало“. Но мы лѣта Твои исчисляемъ не столь днями и часами, сколько успѣхами и мужественнымъ Твоимъ прохожденіемъ въ дѣлѣ добродѣтели. Впрочемъ, слыши, что вѣщаетъ Тебѣ Духъ Святый: „Сыне, чти Господа, и укрѣпишися: храни Его заповѣди, и поживеши: словеса же Его соблюди яко звѣницы очію: обложи же ими твоя персты, напиши же я на скрижали сердца твоего, да жива будетъ душа твоя, и благодать будетъ на Твоей выи: Господь бо будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ и утвердитъ ногу твою, да не поползнешися“ (Притч., 7, 1—3; 3, 22, 26).

Господи! предъ лицемъ Твоимъ предстоитъ днесь Помазанница Твоя, вознося предъ Тобою и дарованный ей отъ Тебя плодъ, пред-

стоитъ же съ жертвою благочестія и благоговѣнія. Ты благослови дни ихъ и, за извѣстную Тебѣ ихъ добродѣтель, обрадуй всѣхъ насъ славою, миромъ и тишиною. Аминь.

Слово, говоренное при освященіи знаковъ новаго военнаго ордена святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія *).

Пространная и пріятная матерія предлагается къ разсужденію нашему, слушатели! Ибо—се, установляются почести воинамъ мужественнымъ, се сплетаются вѣнцы побѣдоносцамъ, се видимъ достойное за добродѣтель воздаяніе, и сильное къ ней же побужденіе. А съ симъ вкупѣ воображаемъ и мудрую прозорливость Самодержицы нашей и возрастающую славу Россіи, и Божіе о ней благоволеніе.

Пріидите убо, истинные отечества любители! пріидите, вникнемъ прилежнѣе въ сіе дѣйствіе и насладимся удовольствія, отсюда обильно проистекающаго.

Рѣчь наша есть не объ удаленныхъ въ послѣдніе краи земли странахъ, но объ отечествѣ нашемъ,—не о народахъ, морями и долами отъ насъ отдѣленныхъ, но о любезныхъ нашихъ согражданахъ,—не о славѣ, каковою въ свѣтѣ гремѣли Геркулесы, Александры, Аннибалы, Сципіоны и прочіе, но каковою россіяне прославились и прославляются. Ибо, если съ прилежаніемъ разсмотримъ мы домашніе примѣры,—найдемъ не меньше знаменитыхъ храбростію мужей, какъ сколько намъ представляетъ ихъ и древность.

Самые первые Россійскіе князи мужествомъ своимъ не сосѣдей токмо, но и дальныхъ содержали въ границахъ справедливости и въ почтеніи къ себѣ. Ихъ власть распростиралась по берегамъ Дуная; на ихъ геройство не одинъ разъ съ удивленіемъ взирали стѣны Константинопольскія, и сей, Европу и Азію соединяющій, градъ Россійскому скипетру жертвовалъ данью. И если когда сіянію Россіи каковые ущербы приключались, то по скоромъ прехожденіи затменія, она паки въ прежнемъ своемъ блистаніи возсіявала, и случившіяся въ тѣлѣ ея болѣзни послужили къ большему утвержденію здравія ея.

Но, когда Богъ въ Россіи возставилъ паки самодержавіе, когда, притомъ, воздвигъ и мужа по сердцу своему, Петра, глаголю, именемъ

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, Святѣйшаго Сунода, Правительствующаго Сената и всего случившагося военнаго чина, въ бывшей придворной церкви, въ С.-Петербургѣ, 1769 года, ноября 26 дня.

и дѣлами Великаго,—съ того времени сіе благословенное древо паче и паче утвердило корень свой, вѣтви его далѣе распространились, и подъ пріятную его тѣнь притекли множество народовъ искать себѣ покоя. Тогда-то отечество наше въ большую стало приходить славу, какъ другими многими дѣлами, такъ особливо мужествомъ своимъ и храбростію воинства своего. Имя „Россіянинъ“ стало у всѣхъ народовъ почтенное, у недоброжелателей страшное: гдѣ Россійскія знамена показываются, тамъ и мужественный непріятель приходитъ въ сумнѣніе,—тамъ и мудрый политикъ находитъ затрудненіе, какъ отвратить опасность. Мужеству воина нашего всѣ мѣста стали проходимыми, всѣ крѣпости перестали быть неприступными. Границы Россійскія столь ратпространились, что превзошли границы древней Имперіи Римской и всей Европы; и если бы нынѣ Россія не восхотѣла своихъ предѣловъ расширять далѣе, то не для того, аки бы подъ Божіимъ предводительствомъ не могла она мужественно стремиться до концевъ вселенной; но что уже почла бы себя обильно удовольствованною настоящею славою.

Зря на сіе съ удивленіемъ, окрестные народы, изобрѣли способъ для себя полезнѣйшій, для насъ славнѣйшій: начали искать покровительства Россіи и почитать себѣ за честь быть въ союзѣ съ отечествомъ нашимъ.

Все сіе воображая, или паче сказать, очами своими видя, мы, Россіяне, что думать или говорить должны? кажется, что, принесши благодареніе Господу силъ и владѣющему небомъ и землею, могли бы мы утвердительно заключить, что слава наша взошла на высочайшую свою степень,—что мужество и храбрость россіянъ достигла своихъ предѣловъ,—что осталось токмо сохранять, а не умножать столь великое сокровище.

Но настоящія времена,—о, времена блаженныя!—ясно доказываютъ, что милостивый Божій Промыслъ ведетъ насъ еще къ превосходнѣйшей славѣ и хочетъ милосердно возвысить Свое достояніе паче и паче. О, благодѣтелю нашъ Господи! веліе Твое есть промышленіе о насъ! неисповѣдимы и неизслѣдимы судьбы Твои!

Россія покоилась въ объятіяхъ мира и наслаждалась въ тишинѣ плодами славы своей. Страшный военный звукъ молчалъ, и храброе оружіе отдыхало. Сей сладкій покой отважился помутить вѣроломный непріятель и дерзнулъ разбудить спящаго льва. Возсталъ воинъ противъ своего хотѣнія, гнѣваясь на дерзнувшаго безпокоить его; и тотчасъ мужество россіянъ открылось въ прежней славѣ, или и большей. Ибо Господь поборствовалъ по насъ, ибо воевали стихіи со стороны нашей, и Днѣстръ почти то же сталъ агарянину, что древле египтянину было Чермное море. Бѣжитъ дерзкій непріятель, оставляя вездѣ

по слѣдамъ своимъ страхъ и стыдъ. Входитъ россіянинъ въ его предѣлы, занимаетъ его княженія, доходитъ до брегсвъ Дунайскихъ и, находясь теперь въ семъ славномъ теченіи, простираетъ желанія свои и намѣренія далѣе. Таковыя дѣйствія воинства нашего коликою радостію исполнили все отечество, и коликія надежды впредь вложили въ мысль нашу—того слово мое изъяснить не можетъ.

Довольно сказать, что, управляемая мудростію божественною, Государыня наша сіе счастливое дѣйствіе оружія своего почла способнѣйшимъ случаемъ къ установленію почестей мужества военнаго, дабы и прежнюю славу, храбростію снисканную, утвердить и вновь доказанную наградить, и другихъ возбудить къ той же ревности, а чрезъ то державу Россіи или далѣе распространить, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ непріятелямъ сдѣлать ее страшною.

Къ большему же доказательству святости и справедливости намѣренія сего, не можно здѣсь оставить, чтобы хотя кратко не показать, сколь достойно и вообще должно быть уважаемо воинство, и особливо какъ справедливо храбрые поступки нѣкоторыхъ заслуживаютъ награжденіе.

Что бо есть воинство?—воинство есть защита отечества, ограда государства, вѣры оборона, охраненіе не имѣній нашихъ токмо, но и жизней нашихъ. Что земледѣлецъ спокойно влечетъ свой плугъ, что класами роскошествуютъ поля, что корабль свободно плыветъ въ свое пристанище, что художникъ въ тишинѣ упражняетъ свои руки въ работѣ, что совершаются въ веселіи и радости церковныя собранія,—кому мы симъ всѣмъ одолжены особеннымъ образомъ? кому? если не мужеству воинства, отъ нападенія и козней непріятельскихъ тѣлами своими насъ закрывающаго?

Ихъ трудъ намъ пріобрѣтаетъ покой; плодами, кровію ихъ напоенными и возрастшими, мы наслаждаемся; лишеніе ихъ жизней сохраняетъ наши жизни. О, доказательство величайшее вѣрности и любви къ отечеству! „Больши сея любве,—сказалъ Спаситель нашъ,—больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“ (Іоан. 15, 13). Ибо человѣкъ ничего въ свѣтѣ не оцѣниваетъ дороже жизни своей. Когда убо таковое неоцѣненное сокровище воинъ охотно отдаетъ въ пользу общую, то есть, „нашу“,—какое, думаете, возлагаетъ онъ обязательство на насъ къ благодарности и воздаянію?

Всякъ другаго состоянія человѣкъ имѣетъ въ производствѣ дѣла своего особливый для себя предметъ, собственную корысть и пользу. Земледѣлецъ взираетъ на богатую жатву, которою онъ имѣетъ наслаждатьсясъ домашними своими; художникъ ободряетъ себя довольною платою за работу свою; купецъ размышляетъ о прибыткахъ, кои пода-

дутъ жизни его довольное и спокойное содержаніе; судія получаетъ подобающее награжденіе, не лишаясь, однако, жизни, безъ которой и все награжденіе ни къ чему бы не послужило. Подлинно, во всѣхъ сихъ дѣлахъ заключается и общая польза, но такъ, что соединяется притомъ и собственная каждаго.

Но какой предметъ имѣетъ воинъ, видя предъ очами смерть? и при опасности жизни своей можетъ ли онъ веселить себя надеждою, что удастся ему пользоваться воображаемыми выгодами? О, сколь сильно таковому человѣку надобно быть увѣрену въ общемъ добрѣ,—слѣдовательно, сколь много честну! ибо хотя, положимъ, воинъ и получаетъ награжденіе довольное, и оно къ ревности есть побудительно, но можетъ ли онъ во время ужаснаго жара воображать сіе награжденіе? и предстоящая смерть дозволитъ ли ему столь вольно располагать своими мыслями? Нѣтъ, не столько воображаемое награжденіе, сколь ревность къ отечеству и общая польза одушевляетъ его тогда. Ибо тотъ, кто думаетъ умереть, о здѣшнемъ награжденіи размышлять много не можетъ; однако, тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя больше награжденія достойнымъ. Впрочемъ, всякъ воюющій, хотя и предохраненъ будетъ судьбою Господнею отъ смертнаго случая, однако, такъ долженъ почитаемъ быть, какъ бы онъ уже за отечество животъ свой положилъ. Ибо онъ жизнь свою на жертву уже принесъ, всѣ смертные страхи претерпѣлъ; не доставало токмо одной минуты нечувствительной.

Ежели же мужество воинства вообще заслуживаетъ столь великое уваженіе, то что надобно особливо сказать о тѣхъ, которыхъ древность называла героями, то есть, „полубогами“,—кои въ мужественномъ воинствѣ нашемъ отличились мужествомъ своимъ? которые опасностію жизней своихъ защитили жизни и самыхъ тѣхъ, кои защищаютъ наши жизни? Таковые должны быть отличены по справедливости, ибо и въ добродѣтели суть разныя степени. „Мнози текутъ въ позорищи, но не вси пріемлютъ почесть“ (I Кор., 9, 24). И хотя въ свѣтѣ обыкновенно таковыхъ людей бываетъ весьма мало, но Россія ими и была и есть изобильна. Это доказываютъ какъ всѣ прешедшія времена, такъ и война настоящая, въ которой многіе бѣжали на мечи и огни не иначе, какъ бы къ полученію вѣнцовъ прекрасныхъ, а почитали себѣ за смерть, если бы непріятелю обратили тылъ.

О, воины мужественные! вы—дражайшій залогъ отечества. Ваше блистаніе славы радостно въ очахъ нашихъ. Какъ таковыхъ справедливость могла бы оставить безъ награжденія? и какъ благоразуміе могло бы попустить, чтобъ зеленѣющіе и цвѣтущіе сіи лавры увяли?

Но таковаго несчастія не можно опасаться во времена наши. Благочестивая Монархиня наша и умершихъ на брани воиновъ безъ на-

гражденія не оставила: мудрое и святое оное учрежденіе ея, чтобы по умершимъ на брани за вѣру и отечество отъ Церкви приносить Богу ежегодныя молитвы. Таковое для умершихъ награжденіе изъ возможныхъ есть наибольшее: ибо, чрезъ сіе отъ всей Церкви предъ престоломъ Господнимъ воспоминаніе, ихъ души награждаются блаженнымъ вѣчнымъ покоемъ, заслуги ихъ предаются безсмертію, плачущіи же и болѣзнующіи объ ихъ лишеніи пріемлютъ чувствительнѣйшее утѣшеніе.

Таковымъ образомъ, монархиня, отдавъ справедливый долгъ положившимъ за отечество животъ свой, се установляетъ и оставшимся, съ блистаніемъ подвиговъ своихъ и заслугъ, достойное награжденіе. Се почести, се вѣнцы, се воздаяніе! тутъ вкупѣ соединены и побужденіе къ мужеству, и награжденіе за оное, и честь, и польза, и чувствительная благодарность отечества къ заслугамъ ихъ.

„Время убо воспривѣтствовать васъ, о храброе Россійское воинство, съ таковымъ счастіемъ, съ Монаршимъ, а вкупѣ и Божіимъ, о васъ благоволеніемъ. Прежде заслуги ваши отличили васъ, отнынѣ заслуги ваши будутъ отличены и приведены отечеству въ откровеніе. Состояніе ваше вмѣсто того, чтобы оно могло почитаться страшнымъ, стало завиднымъ. Мужайтеся убо и крѣпитеся; радуйтеся о прешедшемъ, вооружайте себя храбростію къ будущему. Платите сіе одолженіе вѣрностію усердною, и ревностію непобѣдимою; охраняйте границы отечества вашего, или оныя и распространяйте. Докажите свѣту, что Россія есть жилище героевъ и покровительство прибѣгающихъ къ ней народовъ. А притомъ, если угодно, изъявите всѣмъ и о намѣреніяхъ ея, что оныя не состоятъ въ неправедномъ похищеніи чужихъ владѣній, но въ правосудномъ отмщеніи покушеній напрасныхъ и въ покровительствѣ утѣсняемыхъ мучительною властію. Мечъ Россійскій блистаетъ, не—чтобы напрасно умертвить, но чтобы животъ даровать угрожаемымъ смертію“.

Впрочемъ, съ сего священнаго мѣста долженъ я вамъ, о воины, напомянуть, что мужество не должно быть безъ человѣколюбія. И для того основаніемъ храбрости своей полагайте законное правило, неустрашимость свою умѣряйте благоразуміемъ и страхомъ суда Божія. Когда удостоитесь сихъ знаковъ ношенія, то „облецытеся вкупѣ въ броню правды, препояшите чресла ваша истиною, уготовайте ноги къ благовѣствованію мира, воспріимите щитъ вѣры и шлемъ спасенія, и вооружите себя мечемъ духовнымъ, иже есть глаголъ Божій“, (Ефес., 6, 14—17). „Аще бо и постраждетъ кто,—говоритъ слово Божіе,—не вѣнчается, аще не законно подвизатися будетъ“ (2 Тим., 2, 5).

По выслушаніи таковаго привѣтствія и по возчувствованіи живой радости, храброе Россійское воинство обращается къ Тебѣ, Всепре-

свѣтлѣйшая Монархиня! Оно, чувствуя таковое о себѣ благоволеніе Величества Твоего, приноситъ усердное благодареніе. Оно почитаетъ сіе установленіе за сильнѣйшее подкрѣпленіе охоты къ высокой службѣ Твоей. Оно таковое, имѣющее быть, отличіе заслугъ ихъ вмѣняетъ за оживленіе своей жизни,—жизни въ жертву отечества посвященной. Оно признается, что новый жаръ воспламенитъ ихъ, и потщится доказать, что они суть слуги, достойные таковой Монархини; оно обѣщается сіи знаки оставить своимъ дѣтямъ въ дражайшее наслѣдіе и въ вѣчное имени Твоего прославленіе.

Съ таковымъ искреннимъ изъясненіемъ храбраго Твоего, Великая Государыня, воинства сорадуется и все отечество и, съ ними вкупѣ благодарность свою всегда изъявлять, почитаетъ и почитать будетъ за наибольшее обязательство вѣрности своей.

О благопоспѣшествѣ же сего Ея Императорскаго Величества намѣренія и предпріятія, и о благословеніи знаковъ сихъ остается вамъ, священнѣйшіе мужи, молитву свою принести Богу всеблагому и всемогущему. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“.

(1 Іоан., гл. 5, ст. 4).

Сей благословенный день представляетъ намъ вожделѣнный случай и къ радости, и къ поученію, и къ славѣ нашей. Ибо Церковь Христова совершаетъ днесь торжественную память первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, знаменитыхъ въ христіанствѣ мужей и основателей Божественой вѣры нашей,—вѣры, которая возсіяла на востокѣ, достигла же и до сѣвера,—вѣры, которая насъ соединяетъ со многочисленными народами, разсѣянными по лицу земли, съ живущими на рѣкахъ Дуная, Нила, Тигра и Ефрата, и на островахъ Архипелага; съ народами преславныхъ славянъ, древнихъ грековъ и колхидовъ, именемъ въ свѣтѣ извѣстными. Сіи многочисленные христіанъ соборы сей день вкупѣ съ нами празднуютъ, съ таковыми же священными обрядами, и одними съ нами пѣснопѣніями совершаютъ духовныя торжества

*) Сказано въ Петергофѣ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 года.

свои, а тѣмъ самымъ и мы можемъ почесть ихъ аки членовъ единаго тѣла, и они въ число сыновъ отечества нашего вмѣщены быть усердно желали бы. Но, ахъ! сіе напоминаніе не можетъ ли смутить радость нашу? ибо, воспоминая сіе, не можемъ не представить себѣ, что всѣ оные народы стонутъ подъ тяжкимъ рабства бременемъ, и ниже сего священнѣйшаго имени—„вѣра“ свободно произнести дерзаютъ. Ихъ праздники растворены плачемъ: они самый день сей торжествуютъ съ воздыханіемъ и сѣтованіемъ. Ибо „завѣтъ завѣщаша селенія Идумейска и Исмаильтяне, Моавъ и Агаряне, Гевалъ и Аммонъ и Амаликъ, иноплеменницы; иже рѣша: да наслѣдимъ себѣ святилище Божіе. Пріидите и потребимъ я отъ языкъ и не помянется имя Израилево ктому. Боже! кто уподобится Тебѣ? Не премолчи, ниже укротися, Боже“ (Псал., 82, 6—8, 13, 2, 5)! Но я лучше желалъ бы таковое напоминаніе скрывать въ сердцѣ, тайно вопіющемъ къ Богу, если бы Господь Саваоѳъ и Богъ ополченія Израилева не благоволялъ праведное оружіе наше и, аки за руку взявъ Помазанницу Свою, не говорилъ ей, какъ иногда помазанному Своему Киру: „Азъ предъ тобой пойду и горы уравню, отверзу предъ тобою врата, и гради не затворятся“ (Ис., 45, 1—2); если бы и самое ученіе вѣры нашей къ тому же не споспѣшествовало. Ибо се слышимъ Апостольскій гласъ, яко трубу трубящую въ уши наши: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“; сія вѣра утѣсняемая, вѣра страждущая, есть вкупѣ вѣра побѣждающая и торжествующая. И понеже таковыя слова для настоящихъ обстоятельствъ нашихъ видятся быть приличны и ободрительны, то не безполезно будетъ взойти въ разсужденіе, *въ какомъ разумѣ присвояется побѣда силѣ вѣры.* Ты же, Господи Боже, углемъ, отъ жертвенника Твоего взятымъ, повели херувиму коснуться недостойныхъ устъ нашихъ, яко же иногда устъ Исаіи Твоего, да возможемъ повѣдати судьбы Твои.

СІЯ ЕСТЬ ПОБѢДА, ПОБѢДИВШАЯ МІРЪ, ВѢРА НАША.

Хотя сими словами обозначается и извѣстная побѣда, то-есть, каковую Апостолы имѣли надъ людьми развратными, въ разсужденіи ложныхъ, до закона ихъ надлежащихъ предувѣреній и заблужденій, однако, нѣтъ препятствія симъ словамъ дать и общее означеніе: поелику и всякаго рода побѣда должна быть приписана Божественной силѣ вѣры.

Къ утвержденію же сего разсмотримъ свойства и плоды вѣры, которые если для побѣдителя найдемъ нужными: то тѣмъ самымъ и можемъ побѣду приписать силѣ вѣры. Вступимъ въ доказательство.

Во-первыхъ. Для полученія побѣды потребно благоразуміе и совѣтъ: благоразуміе, чтобы окомъ ума обозрѣть всѣ обстоятельства и изъ нихъ заключить непогрѣшительныя слѣдствія; а совѣтъ, чтобы,

не излишне мечтая о себѣ, умѣть пользоваться разсужденіями и другихъ. Но всякое неложное просвѣщеніе откуда почерпается, если не изъ источника закона Божія? Въ немъ содержатся истины, которыя служатъ основаніемъ для всякаго знанія и дѣйствія человѣческаго. „Начало бо премудрости страхъ Господень, и благочестіе въ Бога есть начало чувства“, то есть, распознанія добра и зла: „премудрость же и наказаніе нечестивіи уничтожатъ“ (Притч., 1, 7), говоритъ слово Божіе.

Но если гдѣ весьма нужно есть, то особливо въ страшномъ военномъ подвигѣ таковое просвѣщеніе отъ закона Божія. Ибо сколько тутъ можетъ встрѣтиться неудоборѣшимыхъ затрудненій, сколько можетъ открыться случаевъ, которыхъ человѣческій умъ предвидѣть не можетъ! Всѣ расположенія иногда въ едино мгновеніе ока принимаютъ на себя иной видъ, и вдругъ становятся зависящими отъ единой судьбы Всемогущаго. Мысль слабаго смертнаго, зря на сіе, при томъ видя и смертоносные удары другихъ, и воображая свою предъ ногами стоящую опасность, едва ли можетъ быть столь тверда, чтобы не поколебаться и не почувствовать въ себѣ нѣкотораго мрака,—если бы сила свѣта Божественнаго не разгоняла сей мракъ и не подкрѣпляла слабости человѣчества. Сіе знать лучше могутъ, которые самымъ дѣломъ извѣдали надобность просвѣщенія небеснаго въ таковыхъ случаяхъ. И для того Израильскій Царь признается предъ всемогущимъ Содержателемъ свѣта, что Онъ научаетъ руцѣ его на ополченіе и персты его на брань. Да если бы время дозволило приводить намъ примѣры побѣдителей и изъ языческой исторіи,—мы увидѣли бы, что и они не вступали въ брань, развѣ призвавъ помощь Вышняго на свои дѣйствія, и не оканчивали оной, развѣ приписывая побѣду руководствующей силѣ Божественнаго Промысла.

Второе. Для полученія побѣды потребна справедливость въ начатіи военнаго дѣйствія и честность въ продолженіи его. „Справедливость“, чтобы не приступать къ сей крайности, развѣ по истощеніи всѣхъ другихъ способовъ, и то для защищенія собственнаго, или утѣсняемой неповинности; а „честность“, чтобы въ продолженіи дѣйствовала та же причина справедливости, которая начала, то есть, чтобы непріятельскую несправедливость ослабить, дабы она вредить не могла другимъ неповиннымъ. Если кто мало преступитъ сіи предѣлы, то можетъ онъ впасть въ злосчастное состояніе жезловъ ярости Господней.

Но кто, въ сихъ границахъ справедливости и честности, удержитъ презрителя закона Божія и небоящагося суда Его? Онъ есть звѣрь необузданный: жертвуетъ всѣмъ суетѣ славолюбія своего, стенаніе страждущаго человѣчества, превращеніе въ пепелъ цвѣтущихъ градовъ, терзаніе сосущихъ сосцы матерніе суть для него наилучшія основанія,

на коихъ онъ созидаетъ безсмертіе имени своего. Одного изъ таковыхъ представляетъ Пророкъ, такъ разсуждающаго съ самимъ собою. „Сотрясу грады населенныя, вселеную всю объиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставленая яица возьму: и нѣсть, иже убѣжитъ мене или противу мнѣ речетъ, и отверзетъ уста“ (Ис., 10, 14). О, стыдъ человѣчества!

Но таковъ ли побѣдитель есть хранитель истиннаго благочестія?— никакъ. Онъ любитъ Вышняго и для того щадитъ и созданнаго по образу Его; онъ просвѣщенъ истиною закона Господня, и для того знаетъ, въ чемъ поставлять настоящую славу, которая не можетъ состоять въ несправедливости; онъ чаетъ предстать престолу наградителя добродѣтели и наказателя порока, и для того хранится, дабы, чрезъ нарушеніе правды вѣчной, не впасть въ руки Бога живаго. Когда верховная небесная власть вручитъ таковому герою правленіе народа, онъ бываетъ его отцемъ, ибо внимаетъ гласу вѣчной премудрости, его руководствующей. Онъ защищаетъ порученныхъ ему отъ нападеній противныхъ, но такъ, что и въ самомъ непріятелѣ почитаетъ человѣчество и, побѣждая его, благодѣтельствуетъ ему, ибо дѣйствіе злости его пресѣкаетъ.

Когда кто, такимъ образомъ будучи расположенъ, вступаетъ въ брань противъ врага, поправшаго всѣ Божественные и человѣческіе законы—что?—Око всевидящее закрываетъ ли тогда отъ таковаго благосклонный взоръ Свой? Промыслъ, управляющій всѣми дѣлами свѣта, остается ли тогда празденъ, какъ бы сіе дѣло до Него ничѣмъ не принадлежало? Царь царей, подлинно ли тогда—въ такомъ состояніи, какъ о Немъ говоритъ нечестивый у Псаломника: „не узритъ, ниже уразумѣетъ Богъ Іаковль“ (Псал., 93, 7)? Нѣтъ, „се, не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля“ (Псал., 120, 4).

Богъ невидимо подкрѣпляетъ руку благочестиваго подвижника Своего, вразумляетъ его въ изобрѣтеніи способовъ въ часъ смятенія наполняетъ сердце его великодушіемъ и храбростію и подаетъ мужество воинству его.

„Мужество“, сказалъ я, ибо оно не отъ другаго чего происходитъ, какъ токмо отъ справедливаго дѣла, почему римскій витія изрядно опредѣляетъ, что „мужество есть добродѣтель, воюющая за справедливость“. Не множество воинства, не мечи и оружія, не долгое упражненіе въ военныхъ дѣйствіяхъ суть единственная причина храбрости. Ибо всѣ сіи обстоятельства суть внѣшнія и сами чрезъ себя недвижимы,—почему не они движутъ духъ нашъ, но сами требуютъ отъ мужественной души въ движеніе приведены быть. Но воинъ храбръ бываетъ тогда, когда не зазорна его совѣсть, не смущена мысль, и

чувствуетъ справедливость стоящую съ своей стороны: ибо въ такомъ случаѣ онъ беретъ на себя свойство судіи, который идетъ наказать виноватаго.

Но не имѣющій надѣянія на справедливость свою смущается мыслію, унываетъ духомъ, очи его наполняются мракомъ, его страшатъ сновидѣнія, ему мечтается, что надъ противною стороною видитъ различныя знаменія покровительства небеснаго. А при томъ совѣсть зазорная открываетъ пламя вѣчное сквозь огни орудій военныхъ, и послѣ поля сраженія указываетъ ему путь лежащъ ко аду, и для того трепещетъ и, бѣгствомъ смерти настоящей, ищетъ скрыться отъ бѣдности будущей.

И отъ сего-то родится сей ужасъ, называемый „панический“, который внезапу поражаетъ все воинство и отъ сего-то бываетъ, что не токмо гонитъ единъ тысящу, а два тьму, но и бѣгаетъ нечестивый, никому же гонящу. „Се не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ Вышній благоволитъ: Господь въ боящихся Его и во уповающихъ на милость Его“ (Псал., 146, 10).

Таковый богобоязливый герой нельзя, чтобы не былъ украшенъ и человѣколюбіемъ, которое свойство какъ есть плодъ благочестія, такъ и для истиннаго побѣдителя есть нужное.

Ибо въ случаѣ военномъ дѣйстніе человѣколюбія есть не допускать простираться далѣе предѣла, справедливостію предписаннаго, то есть, ослабивъ неправду дѣйствующую, впрочемъ, и непріятеля щадить, и человѣчество въ немъ почитать сроднымъ себѣ. Сіе противъ непріятеля оружіе есть насильнѣйшее: ибо и неукротимые звѣри укрощаются ласкою и любовію, а добродѣтель и въ непріятелѣ хвалима и любима есть.

Дарій, побѣжденный отъ Александра, когда услышалъ, что Александръ, будучи и побѣдитель и молодъ и холостъ, со взятыми въ полонъ матерію его и женою и дѣтьми обходится человѣколюбиво и цѣломудренно, и, едва о томъ увѣрившись, напослѣдокъ поднявъ руки къ небу, сказалъ: о боги! если ваша воля есть, продолжите мнѣ царствованіе; но если иначе судьбами вашими опредѣлено, молю, да никто сядетъ на моемъ престолѣ, какъ сей благій непріятель и милостивый побѣдитель.

Да и наше любезное отечество особливо прославилось сею божественною добродѣтелію предъ прочими въ свѣтѣ народами.

И если когда, нынѣ, поистинѣ, сія добродѣтель царствуетъ въ сѣдящей на Россійскомъ престолѣ, благоутробнѣйшей Матери отечества. Не надобно разбирать, что сіе или оное Великой Екатерины дѣло доказываетъ человѣколюбіе ея. Всѣ вообще ея дѣла, не исключая ни одного, утверждены на семъ божественномъ основаніи. И какъ она

величество свое нѣкоторымъ образомъ сокрываетъ въ существѣ любви матерней: то ея имперія кажется благоучрежденнымъ семействомъ, подданые берутъ свойство дѣтей, и страхъ, отдаваемый престолу, перемѣнился въ любовь. Что же сіе есть, когда не жить блаженно на землѣ? А вы, нынѣ плѣненные варвары, можете ли не признать, что плѣнъ вашъ есть состояніе свободности, которой вы въ мнимомъ свободномъ состояніи своемъ не имѣли, и что въ первый разъ въ жизни у непріятелей своихъ узнали вы, что то есть дѣйствіе истиннаго человѣколюбія?

Положимъ убо, что человѣколюбіе весьма свойственно есть истинному побѣдителю. Впрочемъ, несумнительно, откуда сія любезная добродѣтель происходитъ: ибо и понять нельзя, чтобы она могла обитать въ сердцѣ нечестивомъ и беззаконномъ. Сіе есть торжество вѣры, чтобы любить враговъ своихъ и благотворить ненавидящимъ насъ. О, священное Евангеліе! о любезный законъ! ты располагаешь духъ нашъ ко вмѣщенію сего небеснаго дара и творишь насъ смертныхъ подражателями Божества благаго и человѣколюбиваго.

Кто убо не воскликнетъ съ Апостоломъ сихъ его божественныхъ словъ: „Сія есть побѣда, побѣждающая міръ, вѣра наша“? Вѣра съ таковыми свойствами, какъ нами описана, есть непобѣдима. Побѣждается мнимый вѣрный со своимъ безвѣріемъ: ибо въ порочныхъ и развратныхъ не такъ есть вѣра, какъ тѣнь оной и нѣкоторый слабый блескъ сего божественнаго сіянія.

А чтобы разсужденіе сіе подѣйствовало въ сердцахъ нашихъ болѣе, вотъ—и примѣры, изъ которыхъ одинъ представляетъ намъ днесь празднующая Церковь, другой—торжествующая при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ Россія. Нынѣ празднуемые Апостолы имѣли ополченіе противъ опаснѣйшихъ непріятелей, каковые суть различныя предубѣжденія и заблужденія, соединенныя съ упрямствомъ и съ гоненіемъ ихъ неповинности; но, съ помощію вѣры, какъ сами признаютъ, одержали они побѣду надъ ними. Были они просвѣщены Духомъ Святымъ, и потому ложь уступила истинѣ. Справедливость и честность была съ ихъ стороны, ибо ихъ одушевляло не корыстолюбіе и славолюбіе, но единственное усердіе къ пользѣ рода человѣческаго одушевляло ихъ; и для того страсть, постыдившись, скрылась. Они были мужественны, ибо увѣреніе справедливости хранили въ сердцѣ своемъ, и для того духъ гонителей ослабъ. Въ нихъ обитало человѣколюбіе: ибо они и врагамъ своимъ благодѣтельствовали, и убійцамъ доброжелательствовали, и для того лютость руки опустила, а они получили совершенную побѣды славу; смерть ихъ для нихъ сдѣлалась жизнію, а для непріятелей смертію. Въ плѣнъ свой привели многочисленные народы

и принудили ожесточеннѣйшихъ принести жертву простотѣ истины, а для того и доселѣ, яко побѣдителей, прославляемъ и въ торжествахъ ихъ пріемлемъ радостнѣйшее участіе. Возникни же и ты главу свою, плодоносная Россія, и исчисли намъ побѣды свои, да возрадуются сынове твои. Врагъ христіанства, да и отъ всего рода человѣческаго за безчеловѣчіе ненавидимый, дерзнулъ обнажить мечъ свой противъ избранныхъ Божіихъ. Судія свѣта, взирая съ высоты небесъ на сіе позорище, взвѣсилъ на вѣсахъ Своего правосудія обѣ стороны и нашелъ одну легку, яко наполненную токмо суетою горячія опрометности, и несноснаго надменія; другая сторона оказалась предъ Нимъ имѣющею тяжесть справедливости, человѣколюбія и упованія на Него. И потому одной сторонѣ Онъ ниспослалъ благословеніе, другой изрекъ проклятіе.

Сіе не есть витійство словъ моихъ. Хотя судьбы Божія смертнымъ и непостижимы, но отъ событія своего онѣ познаваются. Мы уже имѣли удовольствіе видѣть различныя знаменія небеснаго благоволенія о воинствѣ нашемъ. Прежде нежели весна своею красотою начала увеселять очи наши, лавры побѣдъ изъ странъ восточныхъ для насъ процвѣтали, и вѣнцемъ славы главы побѣдителей неоднократно были увѣнчаваемы. Но нынѣ, о Царю царствующихъ! житель сѣвера торжествуетъ въ странахъ полудня и востока. Пелопонесъ и славный въ древности Лакедемонъ уже—подъ скипетромъ Россійскимъ; и полдень, страннымъ дѣйствіемъ Божественнаго Промысла, соединенъ съ сѣверомъ. Мѣста, гдѣ днесь празднуемые Апостолы побѣдили нечестіе и насадили вѣру,—тамъ россіянинъ входитъ въ подвигъ Апостольскій,—тамъ нечестіе, паки возрастшее, истребляетъ и вѣрѣ утѣсняемой подаетъ свободность.

Возблагодушествуй, славная многими дѣлами Греція, и усердіемъ и вѣрою своею споспѣшествуй избавителямъ твоимъ. А вы, храбрые подвижники, любезные сограждане наши, вооружите себя вѣрою и добродѣтелію: изощряйте мечъ свой, прилѣпитесь упованіемъ ко Всемогущему и послѣдуйте Его руководству. Впрочемъ, благонадежно есть, что опрометчивость уступитъ благоразумію, безчиніе—порядку, наглость—человѣколюбію, нечестіе—благочестію. „Аще Богъ по насъ, кто на ны“ (Римл., 8, 31)?

Но, хотя бы и оскудѣла вѣра наша предъ лицемъ поклоняемаго нами Бога, Твои, Благочестивѣйшая Монархиня, внутреннія жертвы, кои Ты тайно совершаешь въ сердцѣ своемъ,—сіи жертвы восходятъ на небеса и сильны склонить милосердое Существо къ откровенію Его судебъ во дни наши. Настоящее съ вѣроломнымъ непріятелемъ дѣйствіе вѣсть Всевѣдущій, знаетъ же и свѣтъ, откуда свое взяло начало. Утѣсненная неповинность, и многая вѣра, при конечномъ изнеможеніи своемъ, со всѣхъ сторонъ къ Тебѣ вошіяли и простирали свои руки

узами обремененные. Благочестивая и человѣколюбивая душа Твоя симъ пронзена до внутренности своей. Да и гдѣ же человѣколюбіе можетъ болѣе найти своего дѣйствія? гдѣ и сила Россіи можетъ употреблена быть полезнѣе и славнѣе? И для того сіи побужденія благословилъ Вышній, дѣйствіе оружія Твоего вездѣ гремитъ, связанная свободность по малу начинаетъ развязывать свои узы; истомленный гласъ вѣры священной начинаетъ приходить въ силу и свободнѣе провозглашать величія Божія. И кажется, Управляяй царствами человѣческими такъ располагаетъ все, что все намъ пріятствовать, все благое предвозвѣщать видится. Иди убо, Великая Государыня, во благодушіи путемъ Господнимъ и ревнуй быть Моусеемъ, изведшимъ Израиля изъ работы Фараони. Ставъ избавительницей Россіи, не воспрещай далѣе разливаться источнику славы Твоея: видно, судьба верховная сіе Тебѣ опредѣлила отъ дней вѣчныхъ. Потщись, да воспоютъ дщери Сіони соединенный востокъ съ сѣверомъ: „поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исход., 15, 1).

Но, воображая будущія торжества и славы, преходящія за наши предѣлы, обратимъ мысль и слово свое и на домашнее блаженство наше. Россія въ сей день во всемъ пространствѣ своемъ въ церковныхъ и домашнихъ собраніяхъ воспоминаетъ Твое, Благовѣрный Государь, сладчайшее имя, да не просто имя, но вкупѣ увеселяетъ себя и исчисленіемъ дарованій Твоихъ. Иной, сидя въ столицѣ градовъ отягощенъ лѣтами, сказываетъ младымъ дѣтямъ своимъ примѣченное имъ въ Тебѣ благоразуміе и просвѣщеніе и увѣщаваетъ ихъ подражать Тебѣ. Другой близъ береговъ Каспійскихъ возвѣщаетъ Твое благочестіе, которое имѣлъ счастіе зрѣть при Твоихъ упражненіяхъ вѣры. Иной въ покрытыхъ снѣгами странахъ проповѣдуетъ Твое снисхожденіе и благодѣтельную къ несчастливымъ склонность. Дражайшій Наслѣдникъ! таковыя о тебѣ примѣчанія суть столько же для Тебя обязательства не токмо утвердить ихъ истину, но и умножить дарованія. Сіи сыновъ отечества о Тебѣ радованія суть столько же печати, приложенныя къ сердцу Твоему, дабы блюсти сіе сокровище и предохранить его отъ тлѣнія вѣка. Иди свободно, руководствуемый Промысломъ. Се, врата Господни отверзаются Тебѣ. люби вѣру, храни добродѣтель, ревнуй объ истинной славѣ, которая состоитъ въ благодѣтельствованіи человѣческому роду. „Искушеній юныхъ блюдись: держися же правды, вѣры, любве, мира со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца, да совершенъ будеши Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тим., 2, 22; 2 Тим., 3, 13).

Боже! судъ Твой Цареви даждь и правду Твою сыну Цареву. Возсіяй во днехъ ихъ правду и множество мира, дондеже отъимется луна. Аминь.

Слово при совершеніи молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго, по причинѣ одержанной флотомъ Россійскимъ, надъ Оттоманскимъ флотомъ, въ Архипелагѣ, славной побѣды, 1770 г., іюня 24 дня *).

Если мужа праведнаго память должна быть съ похвалами, да и съ похвалами вѣчными, по словамъ Духа Святаго, то, собравшись въ сей священный храмъ, мы ничего прежде вообразить не можемъ, ни на что прежде съ большею похвалою языкъ нашъ не долженъ устремиться, какъ на основателя сего храма и царствующаго града сего, Петра, глаголю, именемъ славнаго, дѣлами Великаго, истиннаго отца отечества нашего.

Но при семъ случаѣ, видя насъ, пріуготовляющихъ уже мужу сему сердечныя приношенія, и нами жертвы уже курящіяся, можетъ кто, удивившись, вопроситъ: какая бы причина была, которая возбудила бы насъ къ нынѣшнему особливому прославленію мужа сего? ибо имя Его никогда въ забвеніи быть не можетъ. Аще мы умолчимъ, каменіе сіи возопіютъ; аще мы умолчимъ, возопіютъ о немъ стѣны града сего, безчисленные остатки дѣлъ и рукъ Его, ибо, на что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все—плодъ Его благоразумія и просвѣщенія. Онъ ввелъ въ отечество наше художества и науки; его рука открыла намъ завѣсу видѣть случаи свѣта и, проникая въ нихъ, предварять всѣ замыслы противныхъ. Его геройскій духъ привелъ воинство въ сіе состояніе, въ которомъ мы нынѣ видимъ его и радуемся, въ которомъ его нынѣ видитъ свѣтъ и удивляется; его десница открыла намъ сокровища земныя и насъ обогатила; его просвѣщенію сама Церковь признаетъ себя одолженною, ибо получила отъ него новое свѣтило. И сіе бо самое, что съ сего мѣста провозглашаетъ народу поученія, и сіе самое есть плодъ его благоразумія; словомъ, все, что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ.

При толикихъ его славныхъ дѣлахъ и великихъ одолженіяхъ отечеству, можетъ ли Россія столь забыть себя, чтобы Петрово имя всегда не прославлять и имъ при всякомъ случаѣ не увеселять себя?

Такъ что же возбудило насъ къ нынѣшнему особливому имени Его, прославленію?

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ Петро-Павловскомъ соборѣ 1770 г., сентября 25 дня.

На сей вопросъ любопытнаго отвѣтъ готовъ: Петръ Великій воскресъ, воскресъ въ великой преемницѣ своей—Екатеринѣ Второй, ибо не можетъ живѣе изображенъ быть характеръ Петрова Божественнаго духа, какъ онъ сіяетъ въ Монархинѣ нашей. Дѣла, коими нынѣ прославляется отечество наше, можно сказать, производитъ или воскресшій Петръ, или паче, вселившаяся въ Екатерину, Петрова душа.

Предоставивъ удобнѣйшему времени исчисленіе ихъ всѣхъ, коснемся хотя кратко нынѣшнихъ славныхъ военныхъ происшествій,—происшествій, которыя колеблютъ свѣтъ, а Россію заставляютъ лить слезы радости.

Удары, которыми сокрушаются рога гордой луны, уже слышны вездѣ по вселенной: воинство, Петромъ учрежденное, а Екатериною правимое, прослыло непобѣдимымъ. Всѣ страхи, которые могли бы поколебать смертнаго, суть для него токмо большее поощреніе къ мужеству. Каждое его движеніе дѣлаетъ новое торжество. Россіянинъ уже обыкъ не оставлять своихъ слѣдовъ, развѣ со славою,—и путь, гдѣ проходитъ, замѣчаетъ трофеями: ибо руки его—яко желѣзны, мышцы мѣдяны, грудь адамантова, а душа геройская.

И для того не всегда можно и непріятелю нашему въ слабость причитать, что онъ противъ лица таковаго воинства стоять не можетъ и въ бѣгъ обращается: ибо иногда отъ мужественнаго и побѣдиму быть слава есть.

Но какъ бы то ни было, слава побѣдъ трубою своею непрестанно оглашаетъ уши наши: не успѣемъ, такъ сказать, окончить одно торжество, какъ надобно начинать другое. Новая вѣсть! какая?—извѣстная. Непріятель побѣжденъ, прогнанъ, россіянинъ торжествуетъ, получилъ величайшую добычу, завладѣлъ лагеремъ; да въ немъ же возсылаетъ Богу и благодарныя молебствія. Летятъ сюда знамена; и се—ихъ множество предъ очами нашими: знакъ мужества и слабости: слабости сопротивныхъ, храбрости воинства нашего.

Хотѣлъ бы я болѣе удержать слово свое въ сей пріятной матеріи, но, се, оно стремится къ другому не меньше пріятному, или и славнѣйшему предмету.

Помянувъ въ началѣ Петровы дѣла, мы прешли было молчаніемъ славнѣйшее изобрѣтеніе ума и тщанія его,—изобрѣтеніе ему единому свойственное,—изобрѣтеніе, какого и для него самого не было ничего пріятнѣе и вниманія его достойнѣе. Сіе изобрѣтеніе есть флотъ Россійскій. Извѣстно, что держава наша со всѣхъ сторонъ окружена морями, да и сосѣдями, кои владычествовали тѣми морями. Россіяне, по несчастію тогдашнихъ временъ, на сіе взирали невнимательнымъ окомъ: морское плаваніе имъ было не свѣдомо или и ужасно. И когда

мы, такимъ образомъ, дремали, недоброжелатели не безъ удовольствія внутренняго взирали на сіе и крайне опасались, чтобы не пробудились мы.

Сей нѣжный случай не могъ укрыться отъ бодраго ока Петрова. И что не возможно Монарху мудрому, тщательному и любимому народомъ своимъ? Божія судьба, которая уже положила прославить Россію, подала ему случай видѣть малый ботикъ, который хранится въ семъ мѣстѣ и достоинъ быть храненъ вѣчно: отъ сего въ пространномъ Петровомъ умѣ родились великія мысли. Началъ созидать морскія плавающія крѣпости и составилъ изъ нихъ великій Россійскій флотъ: великій не числомъ токмо кораблей, но великій и силою и славою, ибо въ своемъ, такъ сказать, младенчествѣ получилъ онъ уже побѣды надъ тѣми, которые давно превозносились сею славою.

Но возстань теперь, Великій Монархъ, отечества нашего отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ. Флотъ, тобою устроенный, уже—не на морѣ Балтійскомъ, не на морѣ Каспійскомъ, не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверскомъ; но гдѣ?—онъ—на морѣ Медитерранскомъ, въ странахъ восточныхъ, въ Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ,—въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда ты нерѣдко обращалъ око свое и гордую намѣреваль смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, до конца истребилъ Оттоманскій флотъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ твоимъ наполняютъ весь востокъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія.

Симъ славнымъ происшествіемъ обрадовано отечество твое, а особливо Помазанница Господня, любезнѣйшая сродница твоя, по Бозѣ сію побѣду твоему имени посвящаетъ, и насъ, чадъ своихъ, привела предъ лице блаженныхъ мощей твоихъ прославить имя твое; а въ имени твоемъ прославить добродѣтель, въ добродѣтели же прославить Самого Бога. Услыши наши сіи къ тебѣ провозглашенія, или паче Ты, Господи Боже духомъ и всякія плоти, упокой въ нѣдрахъ твоихъ любезную намъ Петрову душу, и въ радости вѣчной благоволи чувствовать ей удовольствіе и сего торжества.

Тебѣ же, Великая Монархиня, столь благородно приписывающей Петрову имени славу нынѣшней побѣды,—славу, въ которой сама имѣешь наибольшее участіе; какія жертвы благодарности принесетъ тебѣ отечество, и чѣмъ возвеличимъ мы имя твое? Твои наставленія были руководствомъ воинамъ твоимъ, и главною причиною побѣдъ ихъ.

Твои молитвы воздвизали вѣтры и обращали ихъ на лице сопротивныхъ. Слава твоя превознесенна; но она еще есть тѣмъ большая, что ты поставляешь славу свою не просто въ побѣдахъ; но—поелику онѣ доставляютъ благополучіе народу твоему. Мы, привѣтствуя тебя, Великая Государыня, съ таковымъ Вышняго о тебѣ благоволеніемъ, усердно молимъ Его же благость, да оное вѣчно надъ тобою сохраняетъ.

Да возрадуется же и твое сердце, Благовѣрный Государь, высокоповелительный Генералъ-Адмиралъ! Сіе торжество есть тебѣ свойственно: ибо оно сопряжено съ званіемъ порученнымъ тебѣ отъ Монархини. Радуемся же и мы съ тобою, ибо надѣемся несумнѣнно, что ты снисканную славу не токмо сохранишь, но и умножишь. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ и вся содѣявше стати".

(Ефес., гл. 6, ст. 13).

Церковь Христова празднуетъ нынѣ день храбраго воина своего, который почелъ дражайшій залогъ вѣры своей больше, нежели собственную жизнь свою, и, ополчившись оружіями Божіими, мужественно сталъ противу тѣхъ, кои напрасно устремились на похищеніе онаго сокровища Его. Въ сей же день и Всероссійскій дражайшій Наслѣдникъ началъ теченіе жизни своей и вступилъ въ подвигъ противу всего того, что бы могло ему препятствовать въ полученіи побѣды надъ всѣми могущими случиться затрудненіями и искушеніями. О, день благословенный! день съ истиннымъ благоговѣніемъ и съ непритворною радостію празднованъ быть достойный! Россія! празднуй праздники твои и веселися въ торжествахъ своихъ. Церковь представляетъ тебѣ воиновъ духовныхъ. Внѣ предѣлъ твоихъ герои непобѣдимые сообщаютъ славу твою концамъ вселенной. Внутри возрастаетъ герой къ надежному сохраненію снисканной славы. Престоломъ твоимъ владычествуетъ мудростію Божественною просвѣщенная Монархиня и мать истинная отечества своего. Пріидите, составимъ ликъ, вознесемъ имя Господне и, смѣшавъ насъ съ прочими смертными, отличимъ себя

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1770 г., сентября 20 дня.

единымъ токмо симъ, что мы, пользуясь большею предъ прочими народами Божескою благостію, больше въ томъ оказываемъ предъ Нимъ признанія и благодарности. Пріимемъ,—по увѣщанію Апостольскому,—вся оружія Божія; и если мы не можемъ или не имѣемъ случая стать таковыми героями, каковыми нынѣ прославляется Россія, такъ можемъ, да и должны, стать героями духовными, о каковыхъ намъ воспоминали нынѣ чтенное Евангеліе и Апостолъ, и къ подражанію которыхъ днесь празднуемый Великомученикъ возбуждаетъ насъ примѣромъ самого себя. А Ты, Утѣшителю благій, представь намъ трапезу слова и души алчущія правды напитай пищею безсмертною.

ПРІИМИТЕ ВСЯ ОРУЖІЯ БОЖІЯ.

Оружія, коими представляетъ намъ Апостолъ ополченнаго воина христіанскаго, суть истина, правда, миръ, вѣра, спасеніе, глаголъ Божій. И нѣтъ сомнѣнія, что Павелъ, при описаніи таковымъ образомъ подвижника Евангельскаго, представлялъ себѣ вооруженіе военное, ибо въ томъ же мѣстѣ онъ поминаетъ военный поясъ, броню, шлемъ, щитъ и мечъ. Извѣстно же, что сіи вооруженія были, а нѣкоторыя употребляются и нынѣ воинами.

На основаніи сего Апостольскаго разсужденія, „сдѣлаемъ мы сравненіе съ воиномъ подвижника Евангельскаго“, къ большему познанію превосходства обоихъ героевъ.

Помянутыми оружіями ополченный, воинъ, который имѣлъ и духъ мужественный и неустрашимый, и храбро подвизался противу непріятелей,—въ древности назывался героемъ, то есть, „полубогомъ“. Ибо хотя язычники, храня остатокъ почтенія къ закону, и стыдились вмѣщать всѣхъ таковыхъ въ число боговъ, но величество ихъ завоеваній и особливое мужество не дозволяли же и не отличить ихъ отъ другихъ людей.

Воинъ христіанскій, который вооруженъ исчисленными отъ Апостола оружіями и разумно и храбро дѣйствуетъ ими, по превосходству достоинъ имени героя, но на основаніи истиннаго богословія. Ибо онъ въ числѣ прочихъ людей, коихъ малодушіе держитъ подъ порабощеніемъ страсти, никакъ безъ обиды добродѣтели оставленъ быть не можетъ. „Лучше бо мужъ долготерпѣливъ,—по словамъ премудраго изъ царей,—паче крѣпкаго, удерживаяй же гнѣвъ паче вземляющаго градъ“ (Притч., 16, 32). Человѣкъ, который есть господинъ сердца своего, господинъ самого себя, есть тотъ, котораго благодать преобразила, и который есть участникъ Божественнаго естества, по онымъ словамъ апостола Петра: „Всѣ,—говоритъ онъ,—Божественныя силы поданы намъ познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію, да сихъ ради

будете Божественнаго причастницы естества, отбѣгше, яже въ мірѣ, страстныя тли“ (2 Петр., 3—4).

Воинъ имѣетъ нужду сражаться съ непріятелями, которые, завѣтъ любви и чести нарушивъ, ищутъ разорить отечество его, лишить вольности и поработить его согражданъ, отнять жизнь у неповинныхъ и, удовольствовавъ страсть, поставить свои трофеи на развалинахъ цвѣтущихъ градовъ любезнаго жилища его.

Герой христіанскій имѣетъ непріятелей, страсти и пороки, которые всегда силятся нарушить покой душевный и, свергнувъ разумъ съ своего престола, дать всю силу своевольству и развращенію. Непріятель страшный и опаснѣйшій: страшный, ибо, съ одной стороны, онъ всегда есть главная причина и самой внѣшней войны; опасный, ибо часто онъ ниже видъ непріятеля имѣетъ, но прикрывается именемъ домашняго нашего и пріятнаго сожителя.

Воинъ, чтобы отразить непріятельскую силу и всѣ его ухищренія сдѣлать тщетными, подъемлетъ величайшій подвигъ: нѣтъ труда, который бы ослабилъ его; нѣтъ воображенія столь ужаснаго, которое устрашило бы его; нѣтъ рода смерти, который поколебалъ бы его. Надобно поистинѣ, чтобы сила Вышняго управляла сердцами таковыхъ, и духъ Господа Саваоѳа ободрялъ мысли ихъ.

И герой христіанскій, чтобы ослабить силу страстей и получить побѣду надъ искушеніями, имѣетъ нужду сносить величайшій подвигъ: ибо противъ сихъ непріятелей нѣтъ отдохновенія, они всегда воюютъ. И потому оружія изъ рукъ никогда выпускать не можно: никогда не можно дать мѣста слабости и нерадѣнію. При малѣйшей неосторожности земнородный уязвляется смертоносною стрѣлою, которая рана неисцѣлима, развѣ обмыта будетъ горькими слезами покаянія.

Воинъ имѣетъ различныя оружія, щиты, копія, мечи и прочія орудія, коими защищаетъ себя отъ нападеній непріятельскихъ, и тѣмъ ослабляетъ его силу, стремящуюся на отнятіе жизни.

И герой христіанскій имѣетъ свои оружія, коими его вооружила рука всесильная. Оружіе истины, коимъ защищаетъ себя отъ лжи и клеветы; оружіе правды, коимъ умерщвляетъ зависть, гнѣвъ и корыстолюбіе; оружіе мира, коимъ поражаетъ безчеловѣчіе и лютость; оружіе вѣры, коимъ побѣждаетъ невѣріе, суевѣріе и распустность нравовъ; оружіе глагола Божія, которымъ отражаетъ суесловіе, словопрѣніе и развратность мнѣній.

Итакъ, сей герой (христіанскій) отовсюду безопасенъ, остается побѣдителемъ, торжествуетъ и поетъ пѣснь побѣдную. Если бы сіи оружія всегда были употребляемы, всякая другая брань престала бы; глубокій и безопасный миръ царствовалъ бы въ родѣ человѣческомъ.

Ибо, при соблюденіи добродѣтэли, въ ея непорочности страсть молчитъ и не смѣетъ начать студнаго дѣйствія своего.

Воинъ проливаетъ кровь и приноситъ жизнь свою въ жертву вѣрѣ и отечеству. Жертва—самая богоугодная и славная, и всѣхъ ветхозаконныхъ жертвъ лучшая! Жертва подобная токмо Христовой жертвѣ, когда Спаситель, бывъ Самъ непороченъ и неповиненъ, предалъ дражайшую жизнь Свою за другихъ, ихъ же до конца возлюби. Ибо, какъ нѣтъ для насъ дражае вѣры и отечества, такъ ничто не можетъ быть любезнѣе и почтеннѣе и жертвы, за нихъ приносимой. И потому безсумнительно можно вѣрить, что за вѣру и отечество положившіе животъ своей причитаются въ число святыхъ мучениковъ въ Церкви, на небесѣхъ торжествующей,—и что не столько мы имѣемъ нужду о нихъ молитвы приносить, сколько сами ихъ молитвъ требовать.

Герой христіанскій жертвуетъ также самимъ собою и жизнію своею добродѣтели и благочестію. Ибо онъ лучше предастъ жизнь свою на всякій родъ смерти, нежели захочетъ остаться явнымъ нарушителемъ вѣчной, божеской правды. Жертва велія и священнѣйшая, и основаніе всѣхъ жертвъ. Ибо жертва героя военнаго потолику есть любезна и почтенна, поелику добродѣтель сердце героя располагаетъ и поелику война для того и предпріемлется, чтобы неправду постыдить, а правдѣ торжество доставить. И для того не безъ великаго основанія апост. Павелъ жертву добродѣтели назвалъ „дополненіемъ жертвы Христовой“ (Колосс., I, 24). Изъ числа таковыхъ героевъ есть нынѣ празднуемый Великомученикъ, который съ женою своей и младыми дѣтьми не устрашился жесточайшей смерти. Ибо ввержень былъ въ разженнаго мѣднаго вола: о ужасъ! а для чего?—чтобы соблюсти любовь къ Тому, Который далъ ему дыханіе и способность любить,—чтобы не нарушить обязательства вѣчнаго закона, сильно обязанною которымъ почитаетъ себя всякая честная душа.

Воинъ, полученіемъ побѣды надъ непріятелемъ, снискиваетъ славу и благополучіе своему отечеству: ибо доставляетъ ему твердый и полезный миръ,—предѣлы его отъ всѣхъ нападеній дѣлаетъ безопасными, а тѣмъ самымъ приноситъ покой и изобиліе всѣмъ состояніямъ государства.

Герой христіанскій, торжествуя надъ порокомъ и возносяй рогъ добродѣтели, есть красота Церкви, утвержденіе общества, подпора законовъ. Ибо мужъ добродѣтельный созидаетъ общество и Церковь своимъ полезнѣйшимъ примѣромъ, и беззаконнымъ не даетъ ослабить силу законовъ Божескихъ и гражданскихъ. Почему, еслибы таковыхъ по несчастію въ родѣ человѣческомъ не было, законы остались бы попраны, и общества потряслись бы въ своихъ основаніяхъ.

Воинъ, входя во всѣ вышеупомянутые подвиги и предавая себя смертнымъ страхамъ, воображаетъ награжденія, которыми онъ можетъ на время пользоваться, и то если судьба предохранитъ жизнь его: представляетъ безсмертіе своего имени тогда, когда онъ самъ имѣетъ быть покрытъ мракомъ смерти.

Герой христіанскій и о побѣдахъ своихъ не воображаетъ, но свѣтлымъ окомъ вѣры усматриваетъ вѣчную славу, безсмертіе истинное, не имени своего токмо, но и самого себя, неокончаемое съ Богомъ и съ ангелами торжество, съ провозглашеніемъ оной пѣсни побѣдной: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: полны суть небеса и земля славы Его“. Ибо онъ увѣренъ Духомъ Святымъ, что, по разрѣшеніи отъ здѣшней жизни, наслѣдитъ небо и имѣетъ приступить къ горѣ Сіонстѣй и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, къ торжеству и церкви переводныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ совершенныхъ. Сіе утверждая, Павелъ велегласно вопіетъ: мы, христіане, течемъ небезвѣстно: „мы подвизаемся, не яко воздухъ бія“ (1 Кор., 9, 26). Ибо и текущіи въ позорищи не безъ награжденія остаются, но съ тѣмъ различіемъ, что они убо текутъ, да пріимутъ вѣнецъ истлѣненъ; мы же—неистлѣненъ. О! если бы и герои военные не воображали сихъ вѣнцовъ, то должно бы или разслабнуть, или отъ насъ быть оплакиваны, что толико страдали бы безъ всякаго упованія о будущихъ за то воздаяніяхъ.

Итакъ, благословенные христіане, видѣли ли вы превосходство и славу свою? Ибо въ лицѣ героя христіанскаго описаны вы сами. Что можетъ быть величественнѣе такого героя? что любезнѣе? что славнѣе сего зрѣлища, на которомъ воинствуетъ подвижникъ евангельскій? Побѣдитель народовъ нерѣдко бываетъ невольникомъ и плѣнникомъ своихъ страстей и тѣмъ помрачаетъ всю славу свою; но вѣнецъ героя христіанскаго предохраняетъ добродѣтель отъ всякаго тлѣнія, и увянуть ему не допускаетъ.

Таковое геройство должно быть для насъ тѣмъ любезнѣе, что колесница славы его никому не возбранена: всѣмъ открыта—и мужамъ и женамъ, и знатнымъ, и простымъ, и воинамъ, и земледѣльцамъ, и ученымъ, и неученымъ, и богатымъ, и убогимъ, и старымъ, и младымъ: всѣ могутъ торжествовать на колесницѣ сей, всѣ могутъ быть участниками сей славы.

Такъ вы, души слабыя и ползающія, которыя, можетъ быть, дивитесь симъ торжествамъ, а получить ихъ честолюбія не имѣете, — вы, которыя безъ сопротивленія уступаете другимъ вѣнцы безсмертные, только чтобы отъ васъ никто не требовалъ отчета въ вашей слабости,

и чтобы могли вы свободно поступать по первымъ движеніямъ вашихъ склонностей, — вы таковыя, выведите себя изъ обмана. Вы всѣ призваны къ сему геройству, нѣтъ средины въ пунктѣ семъ: надобно или покрыту быть стыдомъ и безчестіемъ съ слабыми, или быть увѣнчанну славою съ героями.

Если же геройство христіанское въ себѣ заключаетъ толикое превосходство и славу, что, кажется, ничего нельзя вообразить величественнѣе, то что уже надобно сказать о тѣхъ, которые имѣли бы счастіе, или паче особливое благословеніе Божіе соединить оба геройства въ единомъ своемъ лицѣ, прославиться героемъ и военнымъ и христіанскимъ,—которые имѣли бы мужество побѣдить непріятеля и порокъ, и вкупѣ торжествовать надъ обоими, и вкупѣ превозноситься вѣнцемъ славы видимымъ и нетлѣннымъ? О, сіяніе славы лучей солнечныхъ блистательнѣйшее! О, блаженство, больше какого человѣкъ ни желать, ни вмѣстить не можетъ!

Но нѣтъ ли таковыхъ возвеличенныхъ Богомъ мужей въ нѣдрахъ отечества нашего, въ числѣ чадъ Православной нашей Церкви? Господи Боже, Покровителю нашъ! мы должны принести Тебѣ исповѣданіе въ часъ сей: ибо во всю землю изыде вѣщаніе о мужествѣ воиновъ нашихъ, и въ концы вселенныя слава побѣдъ ихъ. Храбрости ихъ дивятся поля и горы, неустрашимость же ихъ провозглашаютъ волны морскія да и причиною сей храбрости ихъ не суть слѣпая отвага, или оказаніе крѣпости тѣлесной, или чаяніе токмо награжденія и добычъ. Нѣтъ, сіи причины для нихъ малы и низки; ихъ мужество основано на добродѣтели: причиною храбрости ихъ и нещадѣнія жизни были и суть любовь къ своему отечеству, сохраненіе вѣрности къ своему государю, усердіе къ своему закону и чаяніе получить вѣнецъ нетлѣнный отъ руки праведнаго Судіи—Бога. По симъ праведнымъ и святымъ основаніямъ кто не почтетъ ихъ въ числѣ героевъ и военныхъ и христіанскихъ? кто не почтетъ ихъ быть изъ числа тѣхъ подвижниковъ, которые, по словамъ Апостольскимъ, „побѣдиша царствія, быша крѣпцы во бранѣхъ“, но коихъ, впрочемъ, по добродѣтели „не бѣ достоинъ весь міръ“? (Евр., 11, 33, 34, 38).

О таковыхъ герояхъ отечество наше, нынѣ радуясь и съ ними вкупѣ торжествуя, прежде всего обращаетъ мысль и очи свои на Твое всепресвѣтлѣйшее лице, великая героиня, Всемилостивѣйшая Государыня наша: ибо Духъ Святый начерталъ всѣ виды геройства въ Твоей душѣ, и намъ ихъ открываетъ, яко чрезъ свѣтлое зерцало, чрезъ дѣла Твои.

Великодушіе, съ которымъ проходишь трудный подвигъ царствованія, жертвуя всѣмъ покоемъ своимъ благополучію народа своего,

есть несомнительное знаменіе мужественной души. Просвѣщеніе, коимъ озаряетъ Тя Отецъ свѣтовъ, въ предпріятіи начинаній важнѣйшихъ, вмѣстѣ же отечеству славныхъ и полезныхъ, есть ясное доказательство великаго духа Твоего. Всегдашнее Твое тщаніе, чтобы добродѣтель во всѣхъ сердцахъ владычествовала, а порокъ и страсть были бы попраны и презрѣнны, есть свойство героя христіанскаго. Сіи-то мужественныя Твои дѣла суть истинное одушевленіе оныхъ подвиговъ, коими нынѣ торжествуетъ воинство Твои: ибо примѣръ героя, въ дѣйствіяхъ Твоихъ изображаемый, налагаетъ на нихъ необходимость быть мужественными. Ты духомъ своимъ предводительствуешь ихъ, Ты вкупѣ съ ними, или паче всѣхъ ихъ, труды и страхи военные въ сердцѣ своемъ сносишь; почему если что остается къ славѣ ихъ, то сіе, что они суть достойныя орудія геройства Твоего. Но можемъ ли мы при семъ умолчать, что во время военныхъ звуковъ и страшныхъ для непріятеля пораженій, отечество, мудростію Твоею управляемое, внутри тихо и спокойно, не иначе, какъ бы во время глубочайшаго мира: зданія къ украшенію государства совершаются, правосудіе течетъ своимъ порядкомъ, гласы церковные свѣтло провозглашаютъ, мореплаваніе въ своемъ состояніи, земледѣліе ничѣмъ не обезпокоено. И думать можно, что въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ владѣнія Твоего суть такіе, кои въ простотѣ своей начертаютъ, какъ Архимедъ, по землѣ бразды, не слыша о военныхъ происшествіяхъ, какъ оный мудрецъ о взятіи своего города, и развѣ громкогласящею трубою побѣдъ пробуждаются отъ сладкаго покоя своего къ пріятному торжеству. Признавая Тебя, Августѣйшая Монархиня, виновницей таковаго нашего благополучія, при благодарномъ нашемъ признаніи обращаемся къ Вышнему, управляющему Тобою и царствомъ Твоимъ, да укрѣпитъ Онъ десницу Твою на враги видимые и невидимые, да утвердитъ престолъ Твой, яко дніе неба, и сію златую отрасль Твою да возращаетъ предъ лицемъ Твоимъ, напоя Его изобильною струею добродѣтелей Твоихъ.

А Ты, Пресвѣтлѣйшій Государь, Наслѣдникъ, дражайшій виновникъ нынѣшняго нашего торжества, благоволи вникнуть въ сіе наше разсужденіе о геройствѣ. Ты рожденъ отъ героини: духъ ея одушевляетъ Тебя; и уже многіе знаки довольно увѣряютъ насъ, что Ты расположенъ къ мужеству,—что Ты при всякихъ случаяхъ являешь храбрость, достойную особы Твоей. Но отъ просвѣщенія Твоего не сокрыто есть и сіе, что прежде, нежели приступить къ оному мужеству, должно стать героемъ христіанскимъ, ополчиться противъ порока, попрать страсть, возложить узду разума на склонности свои и не допустить никакимъ искушеніямъ ослабить духа своего: ибо безъ сего оное геройство есть токмо мнимое, безъ сего всякая другая храбрость бѣдственна и опасна.

Пріими убо вся оружія Божія, препояши чресла Твои истиною и просвѣщеніемъ: расположи теченіе Твое, дабы оно клонилось къ человѣколюбію и благодѣтельству: ополчись мечемъ глагола Божія — любовію къ Богу и закону Его, и имъ отражай всякое возстающее искушеніе. Храбръ и непобѣдимъ есть таковый герой! Симъ-то образомъ возможеши противитися въ день лють, то есть, во время юности, обыкшей свирѣпствовать страстями; симъ образомъ спокойно, славно и свято долгое поживеши время, и приложатся Тебѣ лѣта живота.

О, управляяй царствами человѣческими, Боже, призрѣвъ на усердный, къ Тебѣ вопіющій, гласъ Россіи, сохрани для блаженства нашего сихъ дражайшихъ особъ и тѣмъ утверди слово Твое, яко всякъ, уповаяй на Тя, не постыдится. Аминь.

Увѣщательное посланіе ко градамъ Тверской паствы, по посвященіи во Архіепископа на Тверскую епархію, октября 10 дня 1770 года.

Богоспасаемыя Тверскія паствы Богохранимымъ градомъ Твери, Кашину, Торжку, Старицѣ, Ржеву, Зубцову и Осташкову, и всякой веси и живущимъ православнымъ христіанамъ, всякаго чина и состоянія, возлюбленнымъ Богу, благодать и любы и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.

Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ, и Богъ всякія утѣхи, иже по мнозѣй Своей милости, дѣйствіемъ Помазанницы Своея, Благочестивѣйшія Самодержицы нашея, избралъ мене, аще и недостойнаго, къ подъятію ига Евангельскаго и къ прохожденію званія Архіерейскаго, пасти Церковь, кровію Его искупленную, и именемъ Его запечатлѣнныхъ управляти Божественнымъ словомъ на всякое дѣло благое, пріуготовляя чрезъ оное къ пристанищу спасенія вѣчнаго. Того ради воображая и чувствуя сей долгъ мой, во-первыхъ, благодарю Божественному Промыслу, тако о мнѣ благоволившему, и молю благость Его, да поможетъ мнѣ соотвѣтствовать святому Его званію и соблюсти благодать Архіерейства въ чистотѣ совѣсти. При семъ васъ, любезнѣйшая врученная мнѣ паства, привѣтствую духомъ моимъ и желаю пастырски, да благословеніе Божіе всегда будетъ надъ всѣми вами; притомъ молю, да всякъ изъ васъ въ должности, въ каковую призванъ кто отъ Бога, пребываетъ радѣтельно, честно и богоугодно. Священники! имѣйте попеченіе о врученныхъ вамъ христіанскихъ душахъ, наставляйте ихъ ученіемъ слова Божія, и въ самихъ себѣ показывайте добраго житія примѣръ: ибо горе тому, иже взялъ ключъ

разумѣнія, но ни самъ не входитъ въ двери царскія и другихъ не вводитъ. Монахи! обѣщаніе свое храните въ воздержаніи и цѣломудріи, и въ житіи своемъ представьте образецъ христіанскія святости. Господа! родительское попеченіе прилагайте о подчиненныхъ вамъ, и своимъ благоразумнымъ и человѣколюбивымъ правленіемъ снискивайте имъ благополучіе и временное и вѣчное, памятуя, яко и вы сами Господа имате на небесѣхъ. Раби! повинуйтеся своимъ господамъ и ихъ возлюбите, яко же дѣтямъ любити отца подобаетъ, работающе, не аки предъ очами человѣческими, но аки предъ очами Самого Бога. Судіи! сохраните правду и судите великому и малому безъ лицепріятія, охраняя себя отъ всякія страсти и мздоимства, яко судъ Божій есть. Подчиненные судіямъ! не будите мстительны и сварливы: любовію христіанскою снисходите къ немощамъ братій вашихъ и побѣждайте благимъ злое, ибо симъ образомъ не токмо себѣ, но и обществу покой пріобрящете, и поставленныхъ надъ вами судей отъ многихъ затрудненій и безпокойствъ избавите. Родители! имѣйте попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей вашихъ, наставляйте ихъ въ законѣ Господни, не соблазняйте младыя души ихъ худыми примѣрами поступковъ своихъ, а паче ко всякой честности ихъ пріуготовляйте добрыми и разумными своими нравами. Дѣти! любите и почитайте родителей своихъ; наставленія ихъ храните въ сердцѣ своемъ и въ старости не оставляйте праведно снабдѣвать ихъ. Купцы! служите обществу честнымъ своимъ трудомъ, и отъ лжи и неправды себя охраняйте, вѣдая, яко самый большій прибытокъ есть благочестіе съ довольствомъ, а не со излишествомъ. Земледѣльцы и художники! пребывайте въ благословенномъ трудѣ своемъ и блюдитеся отъ всякаго обмана и развращенія, и молитвою своею къ Богу прибѣгать не забывайте. Всѣхъ же православныхъ христіанъ, всякаго чина и состоянія, молю: препровождайте жизнь свою, яко же прилично благочестивымъ христіанамъ и честнымъ гражданамъ, да цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Отторгающихся же отъ соединенія православныя нашея Церкве, и недугомъ раскола немоществующихъ да обратитъ милосердый Господь къ соединенію, да вкупѣ съ нами едиными усты и единымъ сердцемъ, въ союзѣ любви и согласія, прославятъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа со Святымъ Духомъ. Наконецъ, смиренно всѣхъ прошу и о мнѣ недостойномъ пастырѣ вашемъ приносить Богу свои молитвы, да поможетъ мнѣ вседѣйствующая благодать Его безпреткновенно и радостно проходить званіе мое, къ славѣ Его Божественной, къ созиданію св. Церкве, къ благоустроенію общества и къ удовольствію всѣхъ васъ. Благодать Божія да пребудетъ со всѣми вами. Аминь.

Слово на Новый, 1771 годъ.*)

„Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія.“

При вшествіи нашемъ въ торжественныя врата новаго года, се открывается пространная матерія къ духовному любомудрію нашему. Новый годъ насталъ! Боже вѣчный! благослови начало теченія нашего и теченія всѣхъ тварей. Новый годъ насталъ! и мы стали въ срединѣ прешедшихъ и вновь и открываемыхъ Божіихъ благодѣяній. Къ чему убо паче слово наше обратимъ, слушатели?—къ исчисленію ли оказанныхъ надъ нами въ прошедшее время Божескихъ щедротъ и благословеній, дабы симъ возбудить намъ самихъ себя къ благодарности,—или къ размышленію объ открываемыхъ вновь и чаемыхъ Его же благодѣяніяхъ, дабы чрезъ то утвердить намъ сердце свое упованіемъ на Него и расположить оное любовію къ Нему? Ибо если обратимъ мы взоръ свой на прошедшее время, видимъ, что въ ономъ всякій день, часъ и минута замѣчены особливымъ каковымъ-либо Божіимъ благословеніемъ, и сіе одолжаетъ насъ быть благодарными. Воззримъ ли въ будущее?—и се блистаетъ намъ благопріятная заря, изводящая солнце благо міромъ правящаго Промысла, а сіе велитъ намъ несомнительную и впредь полагать надежду на Него. Такъ вмѣстимъ же въ разсужденіе наше оба сіи важные пункта, и примемъ на себя, хотя краткимъ словомъ, „изъяснить благодѣянія Божіи, оказанныя вообще надъ всѣми нами“: ибо зѣло радостно человѣку исчислять свои счастливые успѣхи, да и впредь надѣяться того же.

Мы, любезные граждане, соединены однимъ союзомъ общества, едино любезное отечество объемлетъ насъ, мы обитаемъ подъ крылами пространной и преславной Россіи. Почему, если какое благодѣяніе съ небесъ изливается на отечество наше, мы всѣ бываемъ участниками того, капли сей небесной росы орошаютъ всѣхъ насъ. Слѣдовательно, и проповѣдать благость сію надобно такъ, какъ бы уста всѣхъ россіянъ были соединены воедино.

Благополучіе общества тогда есть въ своемъ полномъ совершенствѣ, когда оно внутри благоучреждено, а внѣ безопасно. Благоучрежденіе внутреннее основывается на премудрости, правосудіи и человѣколюбіи правящихъ обществомъ и проистекающихъ отъ престола ихъ законовъ. Ибо никто не можетъ сумниться, чтобы народъ не про-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

цвѣталъ тамъ, гдѣ сіи добродѣтели и прямо разумѣются, и безпрепятственно дѣйствуютъ и благоразсудительно употребляются.

Отечество наше, хотя было управляемо и всегда сими добродѣтелями, почему до толикаго величества и славы и могло оно возрасти; но если возрастающимъ совершенствамъ отъ судьбы положенъ каковый предѣлъ, то можно не безъ вѣроятности заключить, что мы, съ благословеніемъ Вышняго, нынѣ достигли онаго. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ просвѣщенія,—вѣкъ, который славу предковъ нашихъ возноситъ, потомкамъ же пріуготовляетъ зѣло богатое наслѣдство.

Законы, сія душа благоучрежденія внутренняго, вѣдаете, съ коликимъ раченіемъ и мудростію приводятся нынѣ въ совершенство, и сколь отличный видъ и красоту пріемлютъ на себя; и для того мы имѣемъ нынѣ удовольствіе видѣть въ божественной оградѣ отечества нашего правосудіе въ лучшемъ порядкѣ. Ибо безпристрастный судія созерцаетъ уже исходящія узаконенія въ большей ясности и, находя оныя сходственными съ человѣчествомъ и собственнымъ благоразуміемъ любезнѣе пріемлетъ и охотнѣе исполняетъ ихъ, страстный же судія поражается оною же свѣтлостію и не находитъ, подъ какимъ бы видомъ страсть свою могъ скрыть.

Правда, нельзя сказать, чтобы не было и такихъ, изъ которыхъ одни не столь счастливы понятіемъ, другіе къ удовольствію слабости и и страсти своей изыскиваютъ всякіе способы. Но первые, благонадежно есть, что просвѣтятся, въ школѣ мудрости, Монархинею учрежденной, другіе отъ часу больше будутъ находить счастливыхъ для себя препятствій. Впрочемъ, едва ли намъ смертнымъ того и желать возможно, чтобы не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ порока. Великое есть человѣческое блаженство и совершенство общества, когда превосходитъ перевѣсъ добродѣтели: ибо тогда уже и самые недостатки очень благовременно служатъ къ большему откровенію славы добродѣтели.

При наблюденіи же правосудія, не позабыто въ наказаніи не столь стремиться къ истребленію преступника несчастливаго, сколь къ истребленію порока, и строгость суда растворять такою умѣренностью, чтобы изъ того была отвращена и общая опасность, и самому согрѣшившему данъ былъ случай и способъ заживить свою рану. Ибо никогда, поистинѣ, правительство не заключало въ себѣ столь обильно попечительнаго и человѣколюбиваго духа. Нынѣ согрѣшившій не столь, можетъ быть, боятся наказанія, какъ собственнаго суда совѣсти своей, каковый судъ отворила нынѣ царствующая Премудрость. Ибо всякъ лучше наученъ понимать честность, и яснѣе открыты безобразныя и вредныя слѣдствія порока, коихъ согрѣшившій не зная, или зная несо-

вершенно, и при самомъ наказаніи больше, можетъ быть, осуждаетъ своего судію, нежели самого себя. Нынѣ гласъ закона есть единъ съ онымъ гласомъ Апостольскимъ: „Хощеши ли не боятися власти? благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него“ (Римл., 13, 3).

При таковомъ разливающемся повсюду просвѣщеніи, и начинающимъ всѣмъ познавать истинную силу честности и благородства нѣтъ сомнѣнія, что туманъ низкаго духа тѣмъ больше будетъ опадать, чѣмъ больше ясные лучи просвѣщенія станутъ восходить на горизонтѣ нашемъ. Пусть токмо всякъ ревностно упражняется въ богодухновенной книгѣ, которая нынѣ подана отъ престола къ сочиненію законовъ: въ ней найдетъ просвѣщеніе истинное, человѣколюбіемъ одушевленное и украшенное не токмо неложнымъ понятіемъ общей пользы, но и ревностнымъ попеченіемъ о той же пользѣ.

Гдѣ—тотъ безцѣнный ковчегъ, въ который Великій Александръ хотѣлъ положить Гомерову Иліаду, чтобы въ немъ съ благоговѣніемъ положено было сіе наставленіе, яко сокровище премудрости? Но не можетъ быть для него ковчега драгоцѣннѣе, какъ сердце наше: въ немъ хранить оное должны мы, не столь для прославленія онаго, какъ для пользы своей, ибо его слава состоитъ въ пользѣ нашей.

Хотѣлъ бы я пространнѣе изъяснить, какое новое просвѣщеніе возсіяло въ мысляхъ нашихъ, но излишне витійствовать словомъ тамъ, гдѣ свидѣтельствуетъ самое дѣло. Вы, любезные сограждане, вы и собственнымъ признаніемъ, и чувствованіемъ сладкихъ плодовъ благословеннаго правленія утверждаете слово наше. Который гласъ Россія нынѣ произноситъ громче, какъ не сей, что она съ радостію взираетъ на, возсіявшее и ее просвѣщающее, новое свѣтило? когда благополучіе отечества нашего и слава его восходили до толикой степени?

Земледѣліе не только не препятствуется, но и прилагается стараніе о размноженіи онаго нарочно учрежденнымъ обществомъ. Коммерція процвѣтаетъ и, чтобы она еще паче свое имѣла дѣйствіе, такъ же не оставлено имѣть о томъ особливое попеченіе. Мздоимство отъ судовъ столь далеко отогнано, что если бы кто онымъ нынѣ опорочить себя еще не стыдился, то по крайней мѣрѣ ищетъ коварнѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ способовъ, слѣдовательно, уже и много сдѣлано, когда причинено столь великое затрудненіе страсти. Училища при таковыхъ обстоятельствахъ не могутъ быть не въ почтеніи, ибо открыта стала настоящая цѣна ученія. Но и Церковь Божія не осталась въ общемъ всѣхъ благосостояніи, чтобы не имѣть въ томъ счастливаго для себя участія: ибо суевѣрство обезсилено, но истинное благочестіе возноситъ свою главу, и спокойство производитъ въ честныхъ душахъ плоды свои. Къ чести же закона и временъ нашихъ и то да будетъ

сказано, что имѣнія, посвященныя Церкви, такъ распоряжены, что вмѣстѣ служатъ и украшеніемъ алтарю, и къ довольному, а, притомъ, къ спокойному и беззазрительному содержанію служителей святилища.

О другихъ же учрежденіяхъ не безъ затрудненія великаго было бы, если бы мы отважились подробно изъяснять объ оныхъ. Оное, поистинѣ, родительское попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и несчастливыхъ сиротъ, и учрежденныя мѣста для воспитанія сами собою вопіютъ, и заставляютъ тѣхъ призрѣнныхъ удивляться, что ихъ несчастливый рокъ сдѣлался случаемъ къ ихъ спасенію. Не должно же къ похвалѣ нынѣшняго времени молчаніемъ прейти и то, что и въ самыхъ домашнихъ расположеніяхъ примѣчается иной уже, лучшій порядокъ, ибо уменьшена суровость, и больше взяло власти человѣколюбіе: ибо, благоразумно ослабляя непомѣрные узы рабства, больше дозволяется дѣйствовать совѣсти. Да и въ обхожденіяхъ житейскихъ суета гордости и пустой пышности вдругъ, не знаю какъ, исчезла. У вышнихъ съ нижними обхожденіе стало ласковѣе, возвышенная бровь на всѣхъ стала взирать снисходительнѣе, подчиненный начальнику не дрожа изъясняетъ мысли свои, и отличныя достоинства степени не стали мѣшать почитать другихъ человѣками и братіями.

Все сіе, какъ оно сказано по безпристрастному признанію, и по свидѣтельству отъ самыхъ дѣлъ, не есть ли яснѣйшее доказательство внутренняго благоучрежденія отечества нашего? не громогласнѣе ли всякой трубы проповѣдуетъ не намъ токмо, но и всѣмъ окрестнымъ народамъ, что мы живемъ въ златомъ вѣкѣ? Како убо не признаемъ собственное блаженство наше? слѣдовательно, какъ не воспоемъ Богу, благодѣющему намъ и не вознесемъ во гласѣ радостномъ и въ духѣ благодарномъ щедроты Вышняго, благословляющаго Россію?

Но какъ въ началѣ рѣчи нами сказано, что благополучіе общества требуетъ, дабы оно не токмо внутри было благоучреждено, но и внѣ безопасно, то послѣдованіе слова требуетъ нѣсколько сказать и о семъ. Ибо не довольно, чтобы вертоградъ былъ изрядно расположенъ и обогащенъ всякими плодами: ему надобно быть защищенну и крѣпкою оградою, дабы не былъ онъ подверженъ расхищенію хищныхъ звѣрей и птицъ.

Внѣшняя безопасность состоитъ въ порядкѣ, мужествѣ и вѣрности воинства: ибо они есть надежное забрало отечества и твердая преграда всякому, напрасно стремящемуся нарушить покой общій.

Доказывать, сколь надежна есть сія почтенная оборона наша, при другомъ положеніи обстоятельствъ, можетъ быть нѣсколько открылось бы затрудненій, или доказательства могли бы показаться не такъ ясны, но въ нынѣшнее время, когда слава оружія нашего гремитъ

вездѣ по вселенной, когда непріятель раскаявается о своей дерзости, когда лавровые вѣнцы побѣды процвѣтаютъ въ самой своей силѣ,— нѣтъ удобнѣе и пріятнѣе разсужденія о сей матеріи.

Но что мы прежде начнемъ исчислять изъ счастливыхъ дѣйствій оружія нашего? Ибо виды и побѣды мужества воиновъ нашихъ суть многоразличны и потому многочисленны. Здѣсь видимъ, что Днѣстръ взялъ нашу сторону, и, которые хотѣли скрыться отъ побѣждающаго героя, бѣгство тѣхъ удержала водная стихія и принудила покориться побѣдителю. Тамъ слышимъ, что Хотинъ, возгнушавшись своими нечеловѣколюбивыми обладателями, поразивъ ихъ страхомъ, выгналъ изъ стѣнъ своихъ и отдалъ себя въ руки россіянину, могущему лучше управлять человѣческимъ родомъ. Тамъ Яссы и Бухарестъ, противъ обычая плѣняемыхъ, встрѣчаютъ мнимыхъ своихъ непріятелей съ распростертыми дланями и въ плѣнѣ своемъ находятъ все счастіе свое. А вы, Ларга, Кагулъ и Дунай, останетесь вѣчными монументами храбрости россіянъ. Ибо вы были свидѣтелями тѣхъ пораженій непріятеля, отъ которыхъ онъ доселѣ отдохнуть не можетъ и, съ умиленіемъ взирая на собранные остатки свои, если что находитъ къ утѣшенію, то сіе, что имѣлъ счастіе быть побѣдимъ отъ героевъ, прославленныхъ не больше мужествомъ, какъ и человѣколюбіемъ.

Оставалось было нѣкоторое затрудненіе воину нашему при воеваніи не столь съ непріятелемъ, сколь съ натурою, съ Бендерскими мѣстами, то-есть, натурою укрѣпленными. Но и сіе послужило токмо къ изведенію въ ясный день безпримѣрной храбрости воиновъ нашихъ. Безпримѣрной, говорю, ибо дѣлать споръ, кому предпочтительнѣе занять мѣсто на стѣнѣ въ виду всѣми образы вооруженнаго непріятеля, дѣлать споръ въ семъ случаѣ, представлять на то свои права, нѣкоторымъ образомъ жаловаться и принудить предводителя такъ любезно, но странно спорящихъ, примирять и изыскивать способы ко взаимному ихъ удовольствію,—сіе если не безпримѣрно, то по крайней мѣрѣ таково, что никогда большаго по мужеству примѣра никто не показывалъ и показать не можетъ. Итакъ, Бендеры покрыты торжествующими трофеями Россіи. Великій Петръ! Ты имѣлъ мужество побѣдить храбраго и непримиримаго сѣвернаго непріятеля; теперь и самое то мѣсто, гдѣ онъ находилъ послѣднее себѣ убѣжище и откуда бросалъ свои замахи, чтобы воспрепятствовать тебѣ совершенно побѣдить нынѣшнихъ непріятелей нашихъ, и самое сіе мѣсто счастливая судьба вручила потомкамъ твоимъ. Не довольно ли уже сего къ славѣ мужества воинства нашего?—Нѣтъ! О, предпріятіе славное и примѣра въ исторіи не имѣющее! Когда непріятель былъ занятъ оными пораженіями, и токмо обращалъ изумленный взоръ свой на сію сторону, въ то самое время,

противъ его и всѣхъ чаянія, россійскій флотъ изъ глубочайшаго сѣвера, обозрѣвъ вокругъ берега Европы, прилетѣлъ на востокъ и тотчасъ открылъ владычество свое въ Архипелагѣ. Агарянинъ сталъ въ изумленіи, пораженъ однимъ видомъ героевъ, и, въ такомъ будучи несостояніи, думалъ найти спасеніе тамъ, гдѣ его постигла судьба несчастливая. Ибо, какъ явное было благоволеніе небесное о нашихъ герояхъ, то бездна и пламень соединились къ погибели непріятельской и всѣхъ орудій его.

Присемъ, не должно оставить безъ примѣчанія, что если бы герои наши взошли въ тѣ отдаленнѣйшія мѣста, токмо, чтобы воевать и открыть свѣту мужество свое, и сіе не было бы противъ обычая народовъ. Но зри совсѣмъ отличную картину: народъ, тамъ обитающій, пріемлетъ ихъ за своихъ избавителей и спасителей, да что говорю: „тамъ?“—россіянинъ еще доселѣ не вступалъ никуда, чтобы отъ обитателей той земли прежде онъ ожидаемъ не былъ и не встрѣчаемъ былъ съ неизглаголанною радостію. Свидѣтелемъ тому суть Молдавія, Валахія, Морея, Архипелагъ и Георгія, а чрезъ сіе самый естественный порядокъ вещей дѣлаетъ его законнымъ обладателемъ тѣхъ мѣстъ. Ибо кто законнѣе можетъ править народомъ, какъ не любимый имъ, и въ правленіи котораго находитъ онъ свой покой и благополучіе? И сія-то есть истинная причина, что Богъ споспѣшествуетъ оружію нашему, яко оружію справедливому: идѣже бо—справедливость, тамо—и помощь Господня.

При таковыхъ мужественныхъ успѣхахъ воинства нашего уже не для чего изъяснять, сколь безопасно отечество наше отвнѣ,—не безопасно токмо, но и страшно и славно. Ибо могутъ ли чего опасаться предѣлы наши, когда непріятель оставляетъ свои? можетъ ли житель нашъ обезпокоенъ быть, когда непріятель въ столицѣ своей содрогаетъ отъ страха? Итакъ, мы подъ тѣнію сей обороны спокойно опочиваемъ и плодами мирнаго сожительства во время войны наслаждаемся. А сіе не больше доказываетъ внѣшнюю безопасность, какъ и внутреннее благоучрежденіе, ибо, что воинство находится въ такомъ порядкѣ, что подчиненіе совершенно наблюдается, что сердца воиновъ всѣхъ расположены любовію къ отечеству и вѣрностію,—сіе есть плодъ правленія мудраго.

Что убо, любезные сограждане! не видимъ ли, коликими благодѣяніями благословилъ насъ Вышній? Ибо Его благая и всесильная рука учреждаетъ и порядокъ общежительства человѣческаго, и споспѣшествуетъ на брани. Сіе, какъ во всякихъ другихъ случаяхъ, такъ особливо въ теченіи настоящей войны, мы уже не токмо очами своими видѣли, но, такъ сказать, и руками своими осязали. Мы видѣли,

БИБЛИОТЕКА